

Виктория Ковальчук Мөлдір Елес Айзере Малайсарова Әйри Асиева Ксения Рогожниковая Интизор Оганиёзова Анастасия Белоусова Маржан Алпысбаева
Найра Каражидек Дамина Мукитанова Дарья Демиденко Лайли Эдиге Василиса Сатирская Мария Землянова Айсулу Тойшибекова Sam-y Юлия Хаймович
Дамина Мукитанова Дана Канафина Евгения Р Сарра Есенобаева Дарья Серенко Айдана Султан Аурелия Акмуллаева Виктория Русакова Настя Голованова
Настя Пяри Марьям Зиаи Зуля Есентаева Катя Иглз Сельби Джумаева Дана Канафина Татьяна Филиппова Розалия Шамсудинова Камила Ковязина
Наташа Боренко Таис Кострицкая Натали Рублинецкая Амалия Пртавян Олеся Малюгина Айдана Айдархан Лайли Махпирова
Карлыгаш Кабатова Юлия Москаленко Елена Брюсова Симма Каштанова Татьяна Ленц
Натали Рублинецки Салтанат Еркін Алтын Капалова Дарья Апахончич
Динара Жумагамбетова Егана Джаббарова

три чел но е

**поэзия
рассказы
драма
эссе
комическое
сказки**

м е т р о

flaw
writing
workshop
Almaty

 C
Fonds

Prince Claus Fund for
Culture and Development

ПИФ RAW
ПИСЬМОИСКУССТВО.ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPIY ART WRITING

сборник фем-письма

том 1

Алматы

2022

ПИФРАУ
ПИСЬМО.ИСКУССТВО.ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY.ART.WRITING

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)
П77

Prince Claus Fund for
Culture and Development

*Проект FemWriting Workshop Almaty осуществлялся в 2020-2022 гг
при финансовой поддержке Фонда Принца Клауса.*

Сайт проекта - fww.kz

ПРИЧИННОЕ МЕСТО / сборник. Том 1. — Алматы: «ПИФ|РАУ», 2022. —
260 стр.

ISBN 978-601-06-8586-4

«Причинное место» – это антология современных феминистских текстов, созданных в рамках казахстанского проекта FemWriting Workshop Almaty.

Перед вами два сборника текстов, написанных в 2020–2022 годах писательницами из Центральной Азии и других постсоветских регионов. Здесь вы найдёте поэзию, драму, рассказы, романы, сказки, эссе, комическое письмо. В этих текстах традиционные литературные стратегии сталкиваются с новыми методами феминистского письма, постоянно экспериментирующего, ищущего новые формы для новых смыслов.

Эти книги – результат большой творческой работы по изобретению способов говорить об общем опыте – о дружбе, о боли, о любви и о памяти.

Содержание данной публикации отражает точку зрения авторок, которая не обязательно совпадает с точкой зрения издательницы. Ответственность за факты, сведения, суждения и выводы, содержащиеся в публикации, несут авторки.

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)

ISBN 978-601-06-8585-7 (двухтомник)

ISBN 978-601-06-8586-4 (том 1)

ISBN 978-601-06-8587-1 (том 2)

©FemWriting Workshop Almaty, 2022
©ПИФ|РАУ, 2022
©Указанные в подписях авторки
©Указанные в подписях художницы
©Зоя Фалькова, оформление

Оглавление

<i>от редакторки</i>	1
<i>поэзия</i>	3
<i>рассказы</i>	57
<i>драма</i>	113
<i>эссе</i>	157
<i>комическое</i>	181
<i>сказки</i>	211
<i>об авторках</i>	247
<i>от организаторок</i>	256

От редакторки

Патриархальный мир не готов делиться с женщинами ни местом, ни ресурсами для творчества. Веками женщинам было негде и некогда писать, негде публиковаться, на каждом этапе творческой работы (от задумки, до продажи книг) на протяжении веков женщины встречали сопротивление, обесценивание, агрессию. Время женщины принадлежит всем, но только не самой женщине: она не человек, а ресурс, пища, опора. Границы женского мира снаружи сформированы насилием, но изнутри – солидарностью и заботой.

Мы привыкли смотреть на мир в двойной перспективе, где «женское» одновременно оценивалось и как стыдное, и как почётное, мы привыкли оценивать себя, смотреть на себя глазами другого. «Причинное место» – это метафора двойной перспективы, в которой мы привыкли смотреть на женское, это и стыдная биологическая реальность, и причина дискриминации, и особое пространство женского творчества, внутренняя страна освобождённого языка, который изобретается, крепнет с каждой женщиной, обретающей смелось говорить.

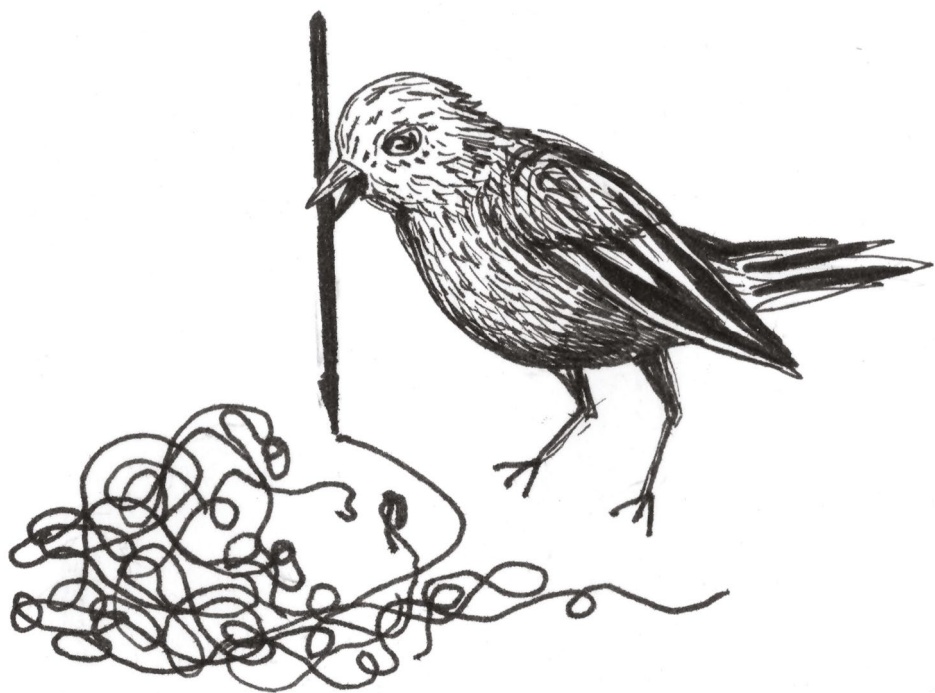
FemWriting Workshop Almaty задумывался как офлайн-лаборатория современного феминистского письма для женщин из Алматы, но из-за пандемии мы частично ушли в онлайн, что помогло принять участие также женщинам из других городов и стран.

В течение полутора лет мы проводили мастер-классы, лекции, встречи, презентации, стендапы, поэтические чтения. Ведущими курсов и лекций были Лиля Калаус (курс-марафон по большой прозе), Алтын Капалова (сказки), Галина Рымбу и Оксана Васякина (ф-письмо и поэзия), Егана Джаббарлы (деколониальное письмо), Леда Гарина (драма), Дарья Апахончич (комическая литература), Ирина Жеребкина (феминистская солидарность), Дарья Серенко (женское письмо), Анна Голубкова (деконструкция патриархального литературного канона), Мадина Тлостанова (деколониальное письмо), Мария Бикбулатова (дискурс вины), Алла Митрофанова (киберфеминизм и фем-философия).

Результатом работы лаборатории стали эти две книги. В первую входят тексты разных жанров (от сказок до пьес), во вторую – большая форма.

Во время работы над сборниками мы постарались сохранить авторское видение жанров, стилей и языка произведений, поскольку понимаем, что тот литературный процесс, свидетельницами и участницами которого мы стали, – живое и становящееся явление.

Дарья Апахончич

Виктория Ковальчук
Мөлдір Елес
Айзере Малайсарова
Эйри Асиева
Ксения Рогожникова
Интизор Отаниёзова
Анастасия Белоусова
Маржан Алпысбаева
Найра Каражидек
Дамина Мукитанова
Дарья Демиденко
Лайли Эдиге
Василиса Сатирская
Мария Землянова
Айсулу Тойшибекова
Sam-y
Юлия Хаймович
Дана Канафина
Егана Джаббарова
Евгения Р
Сарра Есенбаева
Дарья Серенко
Айдана Султан
Аурелия Акмуллаева
Виктория Русакова
Настя Голованова
Марьям Зиаи
Зуля Есентаева
Катя Иглз
Сельби Джумаева

Виктория Ковальчук

менің атым Қызболсын

менің атым Қызболсын:
после меня ещё и ещё
дочки.

пусть всегда будут дочки!
пусть всегда будут
но лучше бы после мальчиков
а когда за мальчиком?
пусть всегда будут
дочки – мамыны
дочки – лапочки

пусть всегда будут
послушные да красивые
пусть всегда будут
в каждый дом
здесь и там
у своих дочерних обязанностей

пусть всегда будут
где-то неподалёку
от ложек-поварёшек-кастрюль, чистой посуды, горящей в огне посуды
пусть всегда будут
у выглаженной одежды, зеркального пола, гуманитарного направления
пусть всегда будут
но не такие тощие, но не такие поникшие, но не такие такие
пусть всегда будут
молчаливые и согласные: голос дочери – не перечит он

пусть всегда будут
без фамилии:
они умертвляют фамилию

пусть всегда будут
где-нибудь как-нибудь
пусть всегда будут
что поделать-то?
пусть всегда будут
пусть
всегда
будут

пусть всегда будут
но не так много
хватит! спасибо! достаточно!
пусть всегда будут
сколько можно-то
(что, опять дочь?)

пусть всегда будут

но

нам бы мальчика
кудрявого милого холёного
мальчика

пусть всегда будут?
пусть всегда будут
кто?

НЕ ТА КРОВЬ

Если говорить о крови,
то я совсем не боюсь её,
если только

это не та кровь,
которая принадлежала моей
прабабушке,
которая стыла в её жилах при
приближении
захмелевшего прадеда;

это не та кровь,
которая принадлежала моей бабушке,
которая оставалась на её ситцевом
платье и
на руках деда;

это не та кровь,
которая принадлежит моей маме,
которая качается её сердцем,
прощающим – снова – отца;

это та кровь,
которая принадлежит мне
и периодически – любовь не может
ждать –
оказывается на члене моего любимого,
и только этим он и причастен к ней.

Мөлдір Елес

Идентичность

Не смотри на меня
Каждый раз, когда ты смотришь на меня
Ты создаёшь меня
И мне не нравится то, во что ты меня превращаешь

Не говори со мной,
Чтобы ты меня понимал, мне приходится говорить на твоём языке,
Теряя свой
У меня никогда не было своего языка, честно говоря

Ты поговоришь, а потом спросишь у меня,
где ты?
Это ужасно, что ты с собой сделала
Но ты ошибаешься
Я ничего с собой не делала
Я вообще никогда ничего не делаю
В этом мире я не прохожу силовой ценз

Я пока живу в твоём мире
Человек с вилкой в мире супа
Я бы хотела сделать в этом мире спагетти
Но спагетти, как оказалось, вредны
В них много муки
Они объективно хуже супа,
Так что это к лучшему, что ты исключил мою еду из всеобщей диеты
Сейчас нам нужно много есть, чтобы больше расти

Расти
Когда-нибудь ты меня съешь
Когда-нибудь в этом мире ничего, кроме супа не останется
Когда-нибудь мы все растворимся в первичном бульоне твоего желудочного сока
Как ты всегда говорил
И дух будет носиться над водой

И появится новая жизнь
Но ты ошибаешься
Это конец всей жизни
Даже твои ученые говорят, что жизнь зародилась не в океанах, а в узких щелях
пещёр принципом компартментализации

Так что не смотри на меня
Не делай из меня себя и не становись мной, если хочешь, чтобы мир продолжал
рождаться

Айзере Малайсарова

Моя жизнь в репликах бабушки:

Чё так рано встала?
Чё так долго спишь?
Тебе разве не нужно на работу?
Ты чё, сегодня идёшь на работу?
Чё так рано пришла?
Чё так поздно пришла?
Почему ты не поела то? Чё, деньги есть на это?
Оставь это брату, я это ему приготовила.
Чё такое тофу? Вот уж напридумалась!
Чё ты маме не помогаешь убираться?
Оставь посуду, я сама помою, мне чё, сложно.
Ты чё орёшь? Я же просто спросила. Обращаешься со мной как не с человеком,
а я тебя вырастила. С тобой невозможно спокойно разговаривать, несносный
ребенок.
...
Куда идешь на ночь глядя?

Эйри Асиева

Генеалогия

Я спрашивала про предков в детстве,
представляла степь. Как повозка перебирается из степи в горы,
как они устраиваются на перевал, как полынь шелестит под их ногами.
Какие-то революции, какие-то истории, бежали от белых, или от красных,
точно не помню, помню, что русских.

Маленький посёлок, в чужой стране, без истории, без языка.
Чужая.

Дети тычут пальцами, обсуждают за спиной, «казахов здесь не любят».
Маленькая диаспора, сохранение крови, тетя вышла замуж за этих,
киргизов,
муж её избивал.

Моя сестра называет себя полукровкой и ненавидит свою киргизскую сторону. Я
не понимаю, чем «свои» отличаются от «чужих».

Но про сестру говорят плохо – в школе из-за матери, дома – из-за отца.

Маленький город, в новой стране, вроде своей, но ни одного знакомого лица.
Чужая.

Вокруг говорят по-русски, «не хочу учить этот вонючий казахский»,
среди белых я единственная узкоглазая, среди красных – оралманка,
из тех, которые когда-то бежали и зачем-то возвращаются.

Большой город, в ненавистной стране, вроде своей, но.
Если недовольна политикой, возвращайся, откуда приехала.
Шала казак, мамбетка, ты хорошо говоришь по-русски,
почему ты не говоришь по-казахски.
Как можно не знать свой ру и имена семерых дедов.

Я хочу знать бабушек до седьмого колена,
но им нет места в генеалогии.

Кто ты по национальности,
неужели полукровка?
Мать русская, а отец казах, конечно?

Если наоборот, то это недопустимо, наш род редееет,
казахские шлюхи повыскакивали за русских.

Отстают, но смотрят косо.
Не полукровка, но все ещё чужая.

Я думала на русском, я говорила на киргизском, я совсем не знала казахского.
Я думаю на русском, я говорю на английском, я всё ещё не знаю казахского.
Я изучаю другие языки и культуры и не понимаю своей, какой – своей, где она,
чья она,
как мне её взять, пощупать, присвоить.
В моей культуре мне нет места, в ней я грязный позор рода,
и вся моя генеалогия построена на слезах, ранних браках и десятках погибших
дочерей
моих четырнадцати бабушек.

Ксения Rogozhnikova

бессонница ртутного столба

попала в новости
посчитали как прирост
ты тоже в новостях
как в сказке
в один день

не время
обнажать запястье
август мы с тобой
одного градуса
всюду привкус той самой
летучей гадости
ещё раз в новости
в колонку выздоровели

смотри у прохожего
маска свисающая
с одного уха
надувается маленьким
парусом свободы

моря омываются океанами
ракушками
шумом прибоя
давление давит
на давление

но я уже выздоровела
и конь в алматинских яблоках

скачет по крыше
университетского корпуса
студенты уворачиваются
от глухо падающих плодов
засасывающих
чавкающих под ногами

как далеко до той зимы
когда ты
целовала в подъезде
выжидательно требовательно
заглядывая в глаза
о многом нужно поговорить
и так все понятно
этот диалог повторился потом
слово в слово
вызвав одинаковое недоумение
действиями после

снег на ботинках
но во взгляде
сплошная правда
прозрачная необыкновенность
того нового года
прости что так
поздно пришла
в твою квартиру
где спало море
омытое океаном

таинственное
печатает...
в закулисье
мироздания
готовится что-то
приятное
будоражащее
рождение ответных
от адресата который
никогда
не останавливайся
спасай

от определенности
мироздание
на тропе игры
не подскользнуться
на мыслях

трасса
ровные грядки
бегут вдоль
будто собаку
вычесывают против шерсти
обнажая кожу-землю
у корней
дорогая вылавливает
образы
подставляю бока

новогоднее пиршество
бесснежная скатерть
и гроздь красной
икры на калине
чёрной
на бузине

бессонница ртутного столба
грязная жемчужина города
сколько внутри горения
сколько
шампанских
огненных пузырьков
иди сюда
церковный цыганёнок
творожистой белой ночью
быстрые полупопики
бегут задирая ноги
смычок на веки
чтобы сомкнулись
а вот и моя иллюзия
неукротимая
огнедышащая

Интизор Отаниёзова

Фотопортреты

Маме Алии уже за 70.
Она теперь готовится к раю.
Алие нужно развесить портреты семьи.
На большой стене в зале.
Снизу доверху мёртвые.
Алия и половины не знает.
Она устала, её это бесит. Ну зачем?
Вешая рамки, дочь хочет плакать.
Но ни слезинки, просто засыпает
На мягком диване в зале.
Она видит Москву.
По площади скачут кони, сверху самолёты.
Это так весело!
А потом ей страшно, Алия цепенеет.
В платье сидит, боится вздохнуть.
Она смотрит в глаза напротив.
Это родные глаза.
В Москве сказали бы гораздо грубее.
Алия почти под гипнозом,
А теперь опять в комнате
Портреты со стены пронзают её.
Протыкают иголками вопросов.
Весь диван в крови.
Алие не больно, а радостно.
Кто же знал: воссоединение это – как крик.
Вдруг звонит телефон.
Дочь в поту просыпается,
На автомате берет трубку,
Что-то бормочет.
На русском. Или на казахском?
Нет разницы, не должно быть.
Но вообще-то есть.
Эту рану штопают, а она гноится.

Надо бы на английском.
Непонятно: и грустно, и смешно.
Вот везёт же некоторым.
Но не Алие, и не её маме.
Так сказал её бывший.
Так сказали бы остальные.
Если бы им было не всё равно.
Ох, эти портреты на стене.
Дочь все фото повесила.
Голова трещит.
Плед рядом в корзине.
Алия ложится на диван.
Быстро отрубается.
В этот раз лишь чёрный экран.
Сумерки переходят в вечер.
Алии сейчас нет.
Она не помнит даже свой возраст

Анастасия Белоусова

моя генеалогия

не важна
мне бы в первых двух коленях
разобраться
какие там седьмые
их никто не знает

ряды первых давно поредели
а на месте вторых осевшая земля
их ещё помню но уже не знаю
приснились сегодня
снова плакала от жалости к себе
такой обделённой
подтёршимися воспоминаниями
неслучившимися вопросами
и прощаниями
я же ни с кем из них не попрощалась

я осевшая не на земле но на бетоне от них оставшемся
пустившая в него корни
новая арматура семьи
ничего не знающая о соседних квартирах
только в моей тепло
только в моей моё
ни вверх ни вниз это просто какие-то люди
я их не знаю
может они хорошие
может ими можно гордиться
может они могли бы мной гордиться

с меня достаточно этих может
достаточно того что папа не знает кто я такая
а я не знаю кто такие папа, бабушка, дедушка, бабушка, дедушка
не сказала

не спросила
не простилась
ни с кем
ни с кем
ни с кем

достаточно

Женщина-тюльпан

руки красные от тюльпана
и руки красные от крови
такие разные руки
либо краска проступила из лепестков оставила их белыми и капнула
либо стекла из дула
дула наполненного кровью девственников
на которых женщины идут священной войной
ибо ни один мужчина не должен уйти на войну девственным
вдруг умрёт
что будет делать со своими семьюдесятью двумя
там
ещё опозорится псмля

интересно как зовут эту женщину
она могла бы быть лизой
или хотя бы расти в саду
со стеблем иззелена-чёрным
со стволом оглушительно блестящим
с глазами-сливинами

а так ей подарят не букет цветов
не букет котов
не мешок картошки
а букет стволов
а мешок на голову
а о кисках лучше вообще не заикаться
не то можно остаться заикой

стволы кстати должны быть обрезаны
чтобы помещаться в мешок

и не выпирать
ведь если люди увидят твой выпирающий ствол
они сдёрнут мешок
они увидят твой стебель
и не дай бог аллах перрун зевс или ктулху он не выстрелит
бог демократии тебя тоже не простит
а бог твоего рода отречётся
ибо и богу
и эволюции
нужно чтобы стволы стреляли
и проливалась жидкость
и из земли тянулись новые
мешковатые
исчерна-зелёные стволы
тюльпанов

Маржан Алтысбаева

1. План был начерчен проверен одобрен
Поколениями ағашек расположивших фигурки в наиболее выгодном порядке
Порядке выгодном им,
Разумеется.

Они, как и все рекламные стенды
В метро, соцсетях, журналах и ТВ,
Если вы ещё храните воспоминания о последних
Заверяют нас, что избавят нас от лишних хлопот,
Дадут возможности.
Надо просто довериться гендерным ролям, которые нам назначили, и ни в коем
случае
Не пытаться заменить судьбу, предрешенную тебе, иной.

Мягкая приходящая слуга, которая за цветы, будет следить за убранством дома.
Лучше всего прозрачная, удобная,
Легко убирающаяся в ящик.

2. Казашка в паспорте, казашка во внешности, казашка в родословной
Казахский қағанат, казахский маслихат, қазақша курес.

Борьба с собой, борьба с миром, борьба с казахами во вне и в себе.

Помню раньше было проще, помню раньше в классе были украинцы, немцы, азербайджанцы, поляки, и я была просто казашкой. Казашка, потому что просто так.

Не потому что чеклист заполнила. Не потому что сдала тест бабушки-гейткипера. Не потому что доказала себе и народу, что не преданный предатель, а говорю что «казашка», потому что «право имею».

Найра Каражидек

Они смеялись,
У неё есть усы.
Насколько сложно
Живётся девочке,
Которая выглядит
Как мужик?
Она щиплет их
С болью.
Зачем?
Ведь волосы –
Это позор и смех.
Теперь я хочу походить
На мужчину.
Носить пиджаки
И быть сильнее.
Но всё же
Принять себя
Среди белых лиц,
Без волос,
Не можешь
Даже среди своих.

Невеста может выйти
В дверь, в окно, в прихожую.
Можно мастурбировать,
Удивить гостей.
У жениха и его друзей есть яйца.
Можно иметь подруг невест.
А девушке нельзя ни с кем иметь дело.
Иметь лишь одного
Или декоративные ленты
На шее, рукавах и талии.

Не можешь забыть,
Шли всё к черту.
Не смогла ответить – забудь.
Прими своё тело и душу.
Волосы – это твоя суть.
Ты девушка, имей кого хочешь.
Ты сила и мощь – осознай!
Они говорят: «Мы всему тебя научим,
На кухню иди, убирай».
А я вспоминаю о лете,
О теле нагом, о молчании.
А я вспоминаю в процессе,
О том, что я дикая сталь.

Дамина Мукитанова

Любимой подруге на память

Ты держала меня за руку,
Пока злой лесник с колючей бородой
Пилил нежные сосны в моем лесу.
Когда не хватало пороху
В моей груди, ты заслоняла меня собой –
Из нежной бабочки выжаливалась в осу.

А я по тёмной улице бежала,
В руках несла к тебе немного солнца –
Обнять, согреть, любить, спасти
Твоё огненно-жаркое жало,
Что жалило и лечило ядом без конца.
Я была готова бежать до конца пути.

Мы и бежали – наперегонки,
А не рядом, как когда хотят вместе.
И то ли я тебя нечаянно перегнала,
То ли крикнула: «Беги!»
И встала подождать на нашем месте
Тебя, умчавшуюся в поисках тепла.

Я не ищу тепла. Меня хранит
Огонь, горящий в голове, не в сердце.
(Моему гореть не нужно: очень,
Очень нежное). А что таит
Теперь твоё – мне больше неизвестно.
Но верю – свет, растапливающий ночи.

Дарья Демиденко

я добавляю в словарь своего ноутбука
слово «авторка»:
его всегда подчеркивают красным
наверно потому что оно дико важное и заметное
ядовитое
лечащее
редкое
вездесущее.
как дикая лесная ягода на колючем кусте
вызрело красное слово в текстовом документе.
я собираю слово за словом
бережно правлю
ношу в подоле
так и внесу во все словари
вручную.

почему ты публикуешь обнажённые фотографии?
разве ты не боишься, что тебя увидят доступной?
разве ты не боишься быть скрученной в подворотне,
быть уложенной в багажник машины
после того, как вырубili хлороформом,
прежде, чем оттрахают, как мясо?
как мясо.
разве ты не боишься?

чего?
моё тело уже и продукт распада, и пища народа.
моё тело – общественное достояние.
его контролируют, прикрывают, упаковывают, советуют, что с ним делать, а о чём
и не мыслить.
когда должна рожать, что есть, с кем спать, как часто пить витамины, какие
асаны выполнять по утрам, каких сладостей избегать, чем красить глаза, как
сидеть, как ходить: в чём или без чего.
моё тело – песня всего государства, всех континентов.

моё тело – дом для них, боязливых и мстительных.
 моё тело – то, с чего всё начинается.
 моё тело – то, чем торгуют, то, что крадут.
 моё тело – способ контроля и причина рабства. моего и нашего рабства.
 ты должна стыдиться своего тела:
 его форм и потребностей, его признаков жизни, его существа, его самой сути,
 чтобы отвлечься от мыслей о том, что оно здесь всё породило.
 как велико оно, как верховно
 тело моё – такое чистое, такое грязное.
 как алтарь, окровавлено тысячи раз
 самим собой,
 родившимися и не родившимися.
 моё тело – ответ к любому вопросу про жизнь.
 оно чутко идёт своей поступью,
 оно продирается сквозь пространство и время,
 знает точно, что примет в себя, а что – нет.
 моё тело,
 всё вокруг – только про моё тело.
 им выстроен комплексный мир восприятий.
 моё тело мне выткало реальность.

иногда я просматриваю страницы
 своих бывших любовей
 как виртуальное кладбище
 с возложенными поверх фотографий расцветшими мыслями
 о том что это больше не те люди
 что лежали у меня на груди в сладкой дрёме
 это больше не те роли что я несу в себе
 это больше не те связи
 нас ничего не связывает кроме тихого прошлого
 затаившегося на моих подошвах
 незаметного
 такого
 которое никто кроме меня и не вспомнит
 наверное
 я смотрю
 как ты стала матерью
 я смотрю
 как ты больше не говоришь о себе в женском роде

я смотрю
как ты сменила страну

и я вижу

что в вас больше нет ничего от меня
всё выветрилось годами
тень моего присутствия
засвечена новыми впечатлениями

эти новые вы будто совсем незнакомые люди
я не знаю их мечт интересов надежд страхов и предпочтений
только призраки вас
едва проступающие силуэтом

серые призраки
которых я стараюсь
хватать за ладони
пока они испаряются и тускнеют

Лайли Эдиге

Ты говоришь, что моя дочка похожа на тебя
Я молчу, я заламываю руки
Сжимаю в кривую усмешку губы
Я стараюсь не смотреть тебе в глаза

Ты говоришь, чтобы я учила её мыть полы,
Помогать по дому – ведь ей уже пора
Восьмой год как-никак
А я молчу и сдерживаюсь, чтобы не ответить

Ты говоришь мне, что у неё твои глаза
Хотя глаза у вас разные
И разрез глаз, и оттенок
Но я не говорю об этом и вообще ничего не говорю

Ты уходишь, чтобы пропасть на месяц
Или год из нашей жизни и наших мыслей
Чтобы иногда на праздник прислать нелепую открытку из интернета
Чтобы как-то вдруг позвонить и спросить, как наши дела

А я возвращаюсь домой с моей дочкой
Чтобы плакать и просыпаться ночами
Вспоминая твой запах и вздрагивая от твоего голоса
Потому что да, мама, я всегда любила тебя больше жизни
И да, мама, я не могу простить тебе, что ты когда-то не желала её.

Женщины не помогут себе подобным
Они не унизятся до подобной «роскоши»
Лучше уж видеть, что и она тоже плачет
Лучше уж запрягать свою неоправданную благость

Когда-то и её так же унизили
Она искала любовь, но нашла лишь предательство
Она приходила к матери, но её прогоняли с порога
Она боролась за жизнь, пропуская саму жизнь сквозь пальцы

Когда-то и она была келін, она вставала затемно
Вымывала полы, доила корову, готовила завтрак
Жарила в старом казане горячие баурсаки
Не поднимая головы, наливала чай до середины пиалы, не перечила
Выслушивала советы свекрови, потакала капризам женгешек

Она долго молчала и всегда думала
Что когда сама станет старше, то поступит иначе
Она будет мягче, добрее и терпеливее
С той, которой только встала на трудный путь женщины
С той, которой так нужна поддержка и опора

И однажды она скажет ей: «иди отдохни, жаным»
Я вымою за тебя окна, я налью тебе горячего чаю
Полежи, восстанови силы, приходи в себя от правды жизни
Потому что она уже не такая суровая, когда я рядом,
Потому что это так нормально, когда женщина помогает женщине.

Василиса Сатирская

Никто не смотрит в глаза.
Никто не смеет
подать руки
или немного логики
в вывихнутой вселенной
агонизирующей азиопы.
Человекоподобные
в штатском
с пустыми глазницами
говорят.
Чего ты хочешь?
Что так упорно бьёшься
в стеклянные потолки
и смотришь в решётки окон?
Помнишь Бориса?
Помни!
Твоё имя теперь
тоже в списке.
Как сотни других –
потухшие свечи
на могилах
империи.
Нет никого.
Одни
дни поминовения
и скорби.
Восемьдесят процентов
народного молчания
не поддержат тебя,
не спасут от тюрьмы,
пытток или отчаяния.
Но ты можешь
сделать последний шаг
на площадь.

Не ты первая.
Не ты последняя.
Идёшь в огонь.
И двадцать
тебя услышат.
Твои последние
слова.
В моей смерти прошу винить
Российскую Федерацию.

Изоляция

Утро очередного дня
начинается с чтения
даже не новостей, нет,
книжного блога.
Но там, где литература
не ради забвения,
а памяти ради –
больно.
Обыкновенная история.
Украина, Донецк.
Недалеко от нас.
600 километров от Киева.
Сколько от Петербурга?
2021 год.
Люди пропадают.
Попадают в лагерь.
Концлагерь
под названием
«Изоляция».
Бывший завод
изоляционных материалов,
бывшее арт-пространство
стало тюрьмой.
Военной тюрьмой.
Пыточной.
Люди, которые называют
себя людьми,
избивают мужчин,
по законам военного времени,
насилуют женщин,
по законам военного времени,
избивают и насилуют
мужчин, женщин, всех,
себя,
по законам военного времени,
заставляют смотреть,
как избивают и насилуют,
слушать,
как избивают и насилуют,

по законам военного времени,
заставляют носить при себе
собственные экскременты,
по законам военного времени,
молчать и терпеть
до последнего,
доносить на соседа,
ненавидеть соседа,
не говорить ни слова
поддержки,
ни одного человеческого
слова, чувства, эмоции.
(Нет, здесь не будет
физиологических подробностей
криминалистических заключений.
Вы сами их знаете из новостей.
Общее место травмы.)
Обыкновенная история
о героях нашего времени,
методы до оскомины
мне знакомы.
Их повсеместно ввели
в стране, где я живу.
Я думаю
о беременной женщине,
которую забрали
в Изоляцию
пять месяцев назад.
Мы ничего
о ней
не знаем.
Незнание –
это сила.
Я думаю о том,
что авторка
этой обыкновенной истории
говорит:
пока это длится,
мы не можем иметь
никаких отношений
с русскими,
это Россия,

русские пытаются,
 насилюют, убивают.
 Я – русская.
 Что с этим делать?
 Сжечь паспорт
 на Красной площади?
 Но это не моя Россия
 пытается, насилует
 в тюрьмах и автозаках,
 бьёт ногой в живот
 потому что может,
 клеймит несогласных
 иноагентами
 (читай –
 врагами народа),
 смеётся в лицо
 жертвам системного
 насилия.
 Моя Россия
 спасает кота Осю
 всем городом,
 Муринский парк
 от застройки,
 памятники искусства,
 людей,
 пишет стихи и прозу,
 переживает чужую боль
 как свою,
 молится всем богиням
 и ищет
 возможности диалога,
 держит последний рубеж
 обороны
 здравого смысла.
 Я думаю о том,
 что авторка этой
 обыкновенной истории
 нашего времени,
 как и я,
 косвенные жертвы
 Изоляции,
 превращённой
 людьми

без опознавательных знаков
 из арт-пространства
 в пыточную.
 По законам военного времени.
 Изоляция –
 наше общее пространство
 стыда и страха.

Страшнее становится ночью,
 когда в твоё тело входят формулировки
 официальной сводки:
 столько-то террористов ликвидировано.
 В постели с любимой всё больше молчания
 о невозможности выбраться, чтобы жить.
 Перечитываем Гинзбург, чтобы взбодриться.
 Нам ещё есть куда.
 Да.
 Мой город-иноагент привычно замечает
 постновогодним отчаянием.
 В нём наступила ночь столько лет назад,
 что многие уже и не помнят иного.
 В прямых его линиях бьются полуживые.
 Медленно и верно нас всех заклеят.
 Когда я была маленькой, думала,
 что жёлтая звезда – это красиво.
 Оказалось, красота не спасает,
 скорее наоборот.
 Говорят, поэт_ки молчат,
 пока революция убивает.
 Мне так не кажется.
 Но пулеметная очередь
 громче звучит.

Мария Землянова

Проснулся знающий голос, объяснял, какие из текстов должны быть

и
с
к
л
ю
ч
е
н
ы
с
л
о
в
а.

Хорошая новость: у знающего голоса нет доступа к самым волшебным нашим с тобой местам, поэтому он не имеет власти, даже когда пытается что-то сделать, раз за разом нажимая на кнопку стыда.

В релектюре то время мыслилось уже не иначе как благословение. Но, проходя мимо детской площадки в марте, я много размышляла о том, возможно ли взрослому человеку вернуться во чрево матери, о перспективах подобного опыта (как оказалось потом, в релектюре, такое случается, но в марте было даже невыносимо)

В квартире прабабушки мы провели несколько месяцев в окружении нашего общего прошлого, а также прошлого, принадлежавшего только ей, а также настоящего, принадлежавшего только мне. Я вытирала пыль с посуды, которой мы теперь не пользуемся.

(непонятно вообще, зачем тут стоит эта посуда, зачем она была приобретена, разве ради искупления детского опыта, когда несколько человек пришли к ним в дом в поисках собственности, которой нужно было стать общей, но, по иронии ситуации, искать было нечего, разве белое белое белое полотно, всё, что они нашли это белое полотно)

Мы в любом случае не пользуемся всей этой посудой, только синими чашками с золотистым рисунком.

В квартире прабабушки я думала о том, что все они, включая её единственную дочь, были вынуждены молчать относительно своей семьи, кто были родители и всё такое, потому что враги народа – это шанс схлопотать неприятности. Думала я также, вот принцип молчания вошёл в мой собственный опыт проживания детства,

с нестираемым присутствием школьной травли и опыта исключения так или иначе.

Кем работают твои папа и мама? Я проваливаюсь куда-то в живот, если ты спрашиваешь меня, кем работают мои папа и мама.

Дочь брахмана в определенных условиях непременно оказывается в касте неприкасаемых.

(потому что в общеобразовательной школе своя кастовая система и своя классовая борьба)

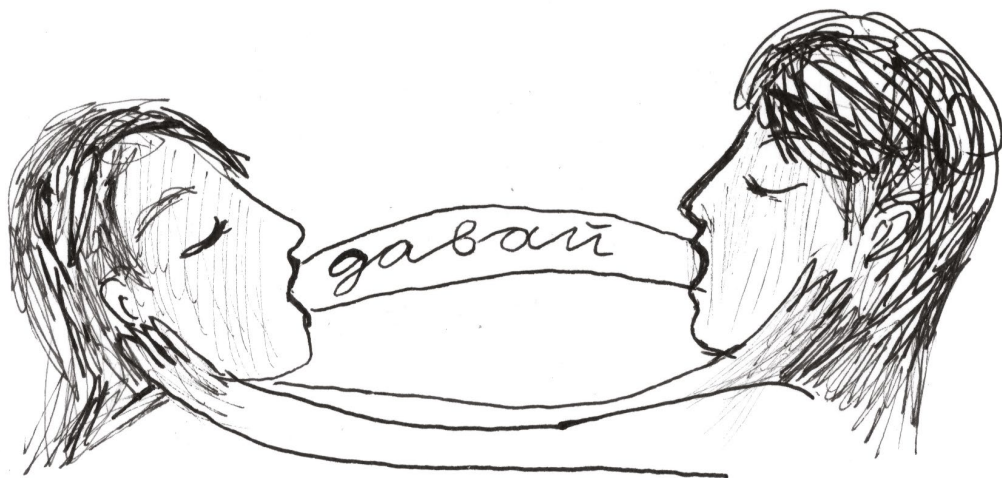
Короче говоря, наследство – это не посуда, которой мы не пользуемся, а молчание, которое мы взяли.

И тогда в бессобытийности весны и лета ко мне вернулась необходимость письма.

И время в прабабушкиной квартире уже воспринималось как благословение. Или мистическое путешествие в пространство памяти, прикреплённой к определённым местам.

В ту пору количество доступных локаций было ограничено балконом, магазином «ярче» и кое-чем ещё. И прогулки к заброшенному трамплину в лесу снова стали приключением.

*Если ты читаешь это, где-то сработала кнопка стыда.
Но это знак, что текст получился.*

Айсулу Тойшибекова

В детском саду нам раздали частушки.
Я плохо представляла, что такое частушки
Пока мы не разучили парочку.
К частушкам полагалось иметь аккомпанемент –
деревянные ложки.

Я пришла домой и попросила у мамы –
деревянные ложки.
Она дала мне две –
старые
деревянные ложки,
Которыми она мешала кипящее молоко.

Я принесла деревянные ложки в сад.
В саду я увидела, какие они старые и,
Как мне тогда показалось,
уродливые:
Хохлома потрепалась, краска сошла.

Мне стало стыдно –
мои деревянные ложки не такие праздничные и красивые.
Но что делать – они как на зло прекрасно справлялись с задачей –
Отбивать ритм,
И я его отбивала.
Ложки вернулись домой, а затем и вовсе исчезли.

Двадцать лет спустя я понимаю –
Какими ещё должны были, блять, быть ложки,
Которыми годами мешали –
Кипящее молоко?

Филиппу М.

Дорогой Филипп. Многие казахи не знают своих жеті ата, но знают ваших.
Думаю, вы прожили свою до неприличия долгую жизнь не зря.

День Рождения

Не знаю, как не думать о начале жизни, не думая о её конце.
На очередном дне рождения
Лежу на полу, в кухне, с книжкой в руках.
Но я, конечно, не Сильвия Плат,
Только читаю её стихи.
В одном она говорит про утреннюю песню, и я почти её понимаю,
Но тут я отвлекаюсь на мальчика в бордовой водолазке,
У него мягкий голос и жалобные глаза,
Он много знает про «правильное построение тезиса
с учётом управляющих переменных»,
И мне почти интересно,
Но потом он приходит душить меня во снах,
И я просыпаюсь от ужаса.
Задышаться во время сна – это признак апноэ,
говорит мне докторка,
Но я не слушаю, так же, как когда она мне сказала, что я
пациентка «с высоким риском рака»,
Это было 10 лет назад,
И мне всё так же всё равно.
За эти 10 лет у канцелярского ножа было больше возможности,
чем у болезни, которая так и не пришла.
Я к тебе приеду, пишет мне подруга.
Я закрываю ватсап, открываю инстаграм.
Задышаться во время сна – это признак чрезмерной защищённости,
говорит мне блогерка,
Я слушаю дальше, она ведь пьёт закат из стеклянного стакана и ловит сны в воде,
Ей я верю.
Я встаю и открываю окно,
Когда слишком жарко – это тоже плохо.
Я тебя жду, отвечаю я.
С каждым годом эти слова даются легче.
И всё равно,

Юлия Хаймович

You Are What You Buy

Есть пословица «ты – это то, что ты ешь».
А ещё ты – это то, что ты надеваешь;
То, чем красишь губы;
То, чем моешь пол;
То, какую погремушку покупаешь сыну;
То, какой шоколадкой угощаешь коллегу.
Ты – это всё то, что ты приносишь домой в целлофановом пакете,
Сделанном из нефтепродуктов,
Выкачанных из жерла земли огромными гидropоршневыми насосами.
Ты – одна из миллиона женщин.
Как и многие, ты кушаешь пельмени из «Магнума»,
Обувь покупаешь в большом ТРЦ со скидкой,
Красишь губы помадой доступной марки,
Моешь пол Доместосом,
Погремушку купила в переходе,
Шоколадку – в ближнем магазине.

День ото дня ты трудишься,
Чтобы давать пищу своему телу,
Чтобы твоё тело давало пищу новорожденному сыну.
Пять дней в неделю ты работаешь с 9 до 6,
Чтобы одеть своё тело в одежду, подобающую для офиса,
И покупать косметику, чтобы выглядеть презентабельно перед клиентами.
Ведь тебе необходимо удержаться на этой работе.
Только тогда будет уют в твоём доме –
Ты сможешь купить моющее средство, чтобы все сияло,
И купить игрушки сыну, чтоб развивался.
А заодно ты сможешь угощать коллег вкусностями, чтобы влиться в рабочий коллектив.

Ты – действительно, молодец,
Ты и финансово независима, и реализовалась как мать.
Не шикуюешь, но зарабатываешь чуть больше прожиточного минимума.

Но пока ты варишь пельмени и потом ещё моешь посуду,
Пока в бутике примеряешь обувь, что будет сочетаться с офисными брюками.
Пока ты утром перед выходом на работу наносишь макияж,
Пока кормишь сына грудью и успокаиваешь его погремешкой,
Пока отрезаешь кусочек торта коллеге на офисной кухне,
Ты даже и не успеваешь подумать,
Что на твоих плечах держится не только
Благополучие тебя и твоей семьи,
Но и процветание корпораций.

На тебе и миллионах тебе подобных,
Которые покупают пельмени –
30 штук в пластиковой упаковке, –
Привезённые из соседнего города огромным грузовиком,
Изрыгающим в воздух окись углерода и окислы азота.
Их ноги зимой в тепле, в обуви из кожи растерзанной на фабрике коровы.
Они покупают помаду,
Импортируемую на самолёте, пускающем в небо углекислый газ.
Их пол блестит после Доместоса,
Который в лабораториях заливали кроликам в глаза для проверки токсичности.
Их дети играют игрушками, которые собирают работники в Китае
Монотонными движениями на конвейере с утра до ночи.
Их любимые люди (да и нелюбимые тоже)
Портят свои зубы подаренными шоколадками,
Сделанными из какао-бобов, которые собрали рабы на плантациях.

Благодаря вам шейх, который добывает нефть
Для пакетов и упаковок, для пластмассовых игрушек,
Для бензина и самолётного топлива,
Имеет достаточно денег, чтобы откупить своего сына, учащегося за границей,
От лишения свободы за изнасилование.
Но зато владельцы нефтедобывающих компаний,
А также ТРЦ, фабрик, крупных сетей магазинов
Могут дать тебе работу,
Чтобы ты могла покупать еду, обувь, косметику,
Бытовую химию, игрушки сыну и сладости
И не ломать себе голову над тем,
Что ты – это всё, что ты покупаешь, и все последствия этих покупок.
И то, чем являешься ты, – твой сын тоже выпит с твоим молоком.

Дамина Мукитанова

Здесь умер верлибр

Понимаете, со взрослыми говорить я стесняюсь, стараюсь,
конечно, только ощущение,
что вру, ну или притворяюсь,
выдавая чужие слова за своё самостоятельное мнение.

Я вообще боюсь очень многого (привет, тахикардия, привет, стресс, привет,
бессонница, привет, привет!) боюсь заходить в дорогие бутики
например труссарди,
боюсь говорить сходу – да или нет,
боюсь засыпать, боюсь шкафа в темноте,
боюсь возможностей, дверей, детей,
а больше всего боюсь смерти
родных. или привкуса меди
во рту
(хотя ещё боюсь, что я как все умру)

Я боюсь – но стараюсь глядеть страхам в лицо, потому что иначе потеряю своё
лицо,
потому что иначе я не столько живу,
сколько плыву
от школы к офису,
от офиса – к пенсии,
а ведь жизнь – что-то большее,
чем её зернистые нелицензионные версии.

Кто там сказал, что смерть – это сон о сне? если так, что будет, когда он
приснится мне? я не против уснуть разок. говорят, детям нужно спать. (только
чур не гоните так рано меня в кровать!)

Я боюсь не повзрослеть или, наоборот, повзрослеть, я боюсь умереть или
наоборот – не умереть, потому что смерть – не конец, а короткая перемена: делай
домашку или, хочешь, – жди урока смиренно.

Говорят, в жизни важна не цель, а путешествие, говорят, смерть – final destination, место неизбежное. говорят, смерть – это как будто кто-то выключил свет. а я говорю, для тех, кто не жил, и смерти, наверное, нет.

Дана Канафина

Превращаясь в карусель

В средней школе мой одноклассник
рассказывал про особенную музыку, которую
он нашёл в интернете,
и эта музыка работала как наркотик
и заставляла сердце биться в её ритме.

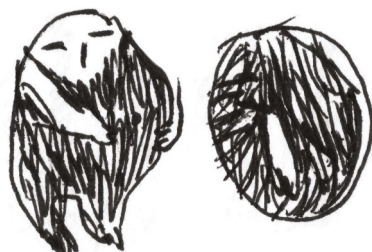
Ты всегда был как иссякающий июльский день
на вкус как тёплый лимонад,
и мухи,
прилипшие, как прокладка,
к внутренней стороне моего бедра,
если её,
как тебя,
неаккуратно содрать,
можно выдрать волосы.
нужно выдрать волосы:
я помню, как брилась
перед каждой нашей встречей
с самоотдачей, почти что
религиозно,
хотя сомневалась
каждый раз, когда ты говорил об
отсутствии бога
и не спрашивал моё мнение в ответ.
и спрашивал моё мнение в ответ
каждый раз, когда

мы говорили о твоей бывшей,
 лежа на траве около молла
 рядом со статуей лошадиной головы,
 ты спрашивал,
 нравится ли мне секс,
 и я говорила да,
 потому что лучше быть шлюхой,
 чем Мадонной,
 и потому что Мадонны
 не удаляют волосы на теле,
 рассчитывая на секс,
 который им нравится;
 ты всегда цокал,
 что твоей бывшей
 не нравилось, и
 у вас толком никогда
 не было
 по-настоящему,
 а потом она уехала
 в Москву. Нравится
 ли мне по-настоящему?
 Не было наводящим вопросом.
 Было наводящим вопросом,
 хотела бы я сходить в парк
 аттракционов,
 когда-нибудь,
 я помню, всегда представляла,
 что буду кататься на лошадке
 впереди тебя,
 чтобы ветер вздувал мою юбку
 и ты мог случайно глянуть
 мою голую
 безволосую
 отодранную сахаром
 любовь.
 Мы часто говорили о
 лошадином мясе
 и веганизме,
 ты показывал мне
 всякие разные
 музыкальные жанры,
 и я слушала их все,

ментально гоняясь
 за тобой,
 и я даже что-то из этого любила.
 И я даже что-то любила,
 когда ты
 говорил,
 что я тебе
 очень близкий друг.
 Ты никогда не
 трогал меня
 но мы говорили о том,
 чтобы завести
 детей
 и жить
 за городом
 на лошадиной
 ферме.
 И я была готова на всё.

Я иногда думаю о
 той особенной музыке, которую
 мой одноклассник нашёл в интернете,
 музыку, которая работала как наркотик,
 заставляла сердце биться в её ритме,
 наверное,
 трап,
 который я не могу верить,
 что когда-то очень любила.

Егана Джаббарова

мой дорогой тонкий мальчик,
этот текст я пишу для тебя,
потому что о любви должны рассказать женщины, знающие, что такое терпение
материнства, боль рождения и хрупкость тела, легко ломающегося под кулаками

это несколько важных слов о любви и важнее: о нелюбви
о том, что никогда не было любовью,
о том, почему никогда нельзя бояться всегда выбирать пути, на которых страшно.

так, отец вечно попрекающий, что мы обрусели, страшно боялся России
первым из нас обрусел, пустив горькую водку по венам
так, мать, опасаясь не прокормить,
перестала есть от горя и боли разбитых губ,
так, все мы, как хористы в поглаженных рубашках,
напеваем сплошной грудной крик вместо слов

мой золотой мальчик, у страха глаза велики,
только посмотрев в них, можно прогнать зверей,
можно сказать уйди всем монстрам из-под кровати

а что о любви говорить
это всегда сдержанное слово,
наметво вплетённые в волосы верность и преданность,

не бойся тонкости, слёз и страшных кошмаров
они делают тебя противоположным отцу,
они учат тебя женскому, лучшему, сильному, тонкому

не бойся слова вместо крика
скажи: любить не предавать беречь любимых гладить обнимать целовать лелеять
прикасаться трогать
заботиться кормить любоваться смотреть слушать слушать слушать
скажи я люблю тебя

Женщина которую Я...

...знаю

**Анастасия
Белоусова**

меня
я словно себе чужая
я хочу от себя уйти
я себе растолковать ничего не могу
я боюсь себя

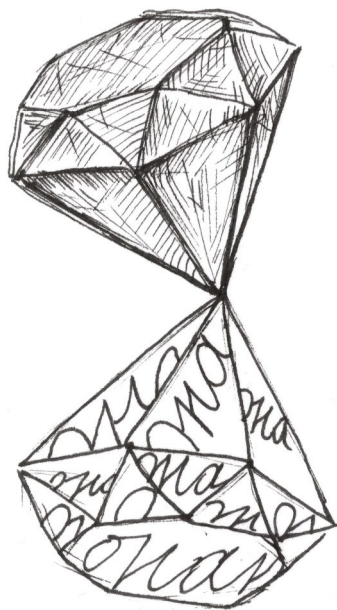
вдруг наврежу
сделаю
жизнь
чью-то
невыносимой
не пойму элементарное
скажут
дура

не останется оправданий
мол это не я в своей коже
это я в своей коже
я сжимаю пальцы натягивая её
но не знаю
ударит ли кулак

больше не знаю
хочу ли чтобы ударил

эту женщину я больше не знаю

вдруг моя смерть придёт и не узнает меня

Юлия Хаймович

Алмаз моей подруги

Женщина, которую я знаю,
Носит в своём сердце алмаз.
Когда она говорит, раскрывая мне душу,
Я слушаю её с трепетом и вижу,
Как мелькает сияние этого алмаза.
Световые частички этого драгоценного камня
Попадают в мои глаза и оттуда спускаются прямо в сердце.
И там, просочившись через грудку кусков гранитной плитки,
Твёрдых, отшлифованных, с острыми углами,
Они прикасаются к маленькому алмазику,
Который я спрятала под этими холодными невзрачными камнями.
Свет отражается, и алмазик мой тоже немножко сияет.

Алмаз – самый твёрдый минерал в мире.
Но он гораздо дороже гранита, бетона, металла.
Его сияние слепит и режет людям глаза.
Его могут попытаться украсть недоброжелатели.
Вот и приходится запасаться материалами попрacticalнее.
А вот эта женщина, которую я знаю,
Позволяет себе эту роскошь –
Носить с собой такой дорогой камень.
Пока я ищу самый взломостойкий и надежный сейф
Для крошечного своего алмазика,
Она не укрывает свой крупный камень
Даже за примитивным навесным замком.
Такой безудержно смелой, как она, я никогда не стану.
И даже не рискну попробовать,
А если вдруг и рискну ненадолго, потом сразу же спрячу обратно
Свой маленький светящийся камешек.
Но надеюсь, хотя бы, что мои граниты скучные
Немного пригодятся ей, чтобы и дальше её алмаз сиял.

...любя

Женщина Женщина которую я знаю
знает о своём женском по рассказам других
стайки девчонок где эти стайки
где вы видели их
несут продуктовые сумки по первому гололёду
заступают на смену
стоят на измене
женщина женщина отойдите
оставьте нам
весёлую девочку рабочие руки

Лайли Эдиге

вот вчера мы снова виделись с ней
центр. вечер. пробки.
она написала мне, что хочет со мной
встретиться
я примчалась на метро

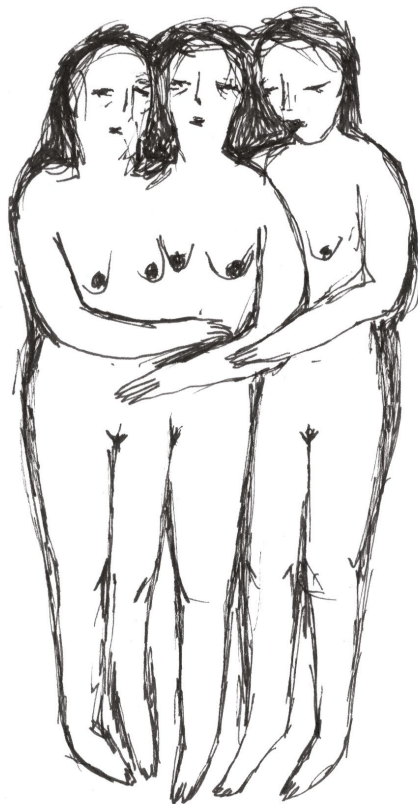
у близких друзей не бывает понятия времени
студенчество. годы. верность.
мы всё также смеёмся над общими шутками
и не замечаем морщин

я смотрю на неё, всю идеально-выверенную
бренды. упаковка. лайфстайл.
она нарочито громко декларирует о правах
женщин
нервно проверяя экран мобильного

я сдерживаю себя, чтобы не реагировать
колесо баланса. карта желаний. нумерология.
она уверяет, что точно рассчитала дату
замужества
говорит и опускает глаза

разговор уверенно уходит за середину ночи
виски с колой. шум и дым. чужие духи
растрёпанные разговоры ковыряют душу
она всё чаще вздыхает и молчит

она прощается, целуя меня, улыбаясь гордо
такси. улицы. пустая квартира.
я так хочу, чтобы нашла счастье
женщина, которую я люблю

ОБЩЕСТВО

Однажды

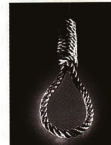
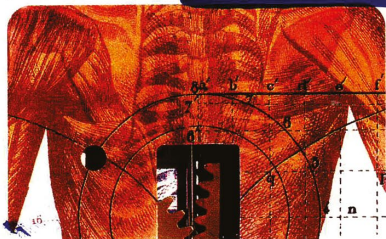
Пришлось

нырять.

«Черт,

Понятно?

5

[illegible]

В зависимости выделяют две категории смерти — естественную и неестественную. Естественная смерть подразделяется на смерть естественной и насильственной. Смерть естественной — смерть, вызванная естественными причинами, например, старость, болезнь, несчастный случай. Вследствие также несколько видов смерти: естественная смерть, биологическая (или медицинская) смерть, моральная смерть и т.д. Несчастная смерть — это преждевременная, внезапная, неожиданная, аномальная смерть. Естественная смерть — это смерть, вызванная естественными причинами, например, старость, болезнь, несчастный случай. Вследствие также несколько видов смерти: естественная смерть, биологическая (или медицинская) смерть, моральная смерть и т.д. Несчастная смерть — это преждевременная, внезапная, неожиданная, аномальная смерть.

Согласно второму закону термодинамики энтропия замкнутой системы не может уменьшиться. В замкнутой системе энтропия увеличивается, пока не достигнет равновесия, после чего энтропия перестает изменяться. Энтропия является функцией состояния системы, то есть ее значение зависит только от текущего состояния системы, а не от пути, по которому система пришла к этому состоянию. Энтропия является мерой беспорядочности, то есть степени неупорядоченности, хаотичности системы. В состоянии равновесия энтропия системы максимальна.

Михайла Меленки в женств своих со-
держал, чтобы вышдровела.

Ужасно было слышать Топталоу, ко-
гда приплывали кресты из племени
дальнего, емь гуды и догадыва еще
распространяла смелые.

В древнем союзе при разном выхо-
де, бросил молодую девушку
наширивши, с целью получения
какого-то рода.

В бытность приверженцы секта «ху-
лиганов» жили в дурном состоянии,
и думали о случайных тутиков на
являе.

Каковы, вразумительные, целые, есмы
вот, приношении, приношении, с
судом.

Каковы, Бороно, промис, славя
и жорбон, когда, сие, вонный
наширивши, плес, вонный, вонный, вонный.

Смерть не просто естественна, она желанна. После смерти чело-

Православная
богословская
энциклопедия
утверждает:
«Смерть бы-

Физическая
математика не яв-
ляется в широком
смысле слова
наукой. Между

Материя, твар
ный мир, чело
веческая
плоть — зло.
а Пустота —

Судно – душа
человека. Ее
создал демон
Будда, а опре-
дил Боги Тенгри

Смерть и мир-
зана имеют
действительный
характер. Со
судной стороны
мир-зана — это
ткань, красная

[illegible]

мент двояким: телесная и духовная, телесная смерть состоит в том, что тело лишается души, которая оживляла его, а духовная – в том, что душа лишается благодати Божией, которая оживляла ее высшим духом – «духом Божиим».

«...и не мен-
 еем телесной
 смелости для ду-
 шных перевыва-
 ний будешь
 востановить до
 последней ми-
 нутки земной
 жизни, а по-
 том будешь про-
 нзывать жизнь
 до Страшного
 Суда». И тогда
 ты смертник.
 Двигай вперед
 плечо Офице-
 ра на Африке
 своим саблею
 (заставляя коня
 отпрыгнуть им-
 полой веры
 и на доверчив-
 ность О. жи-
 вущего).

сформирован
Судным Указом
тела умерших
не могли облада-
ть, а также не
могут существо-
вать, хотя
и называются в
Судном Указе
и принадлежат
якобы не себе
самоим прав-
дальникам), ли-
бо в ал (лучше
глаголю) .
Для нас же
нашего Суде все
мертвые и живы
ли, и живые

[illegible]

ного. Самым
правильным спо-
собом считать
его было бы
считать мистикой.
Если бы не до-
казана его перо-
статность души.
Поэтому ради
спасения душ
предлагалось
использовать
души людей,
а также людей
недостаточно
развитых.

...книжечный
копиером

...миллион

[illegible]

жизнь. В момент смерти душа выходит из тела, но не покидает человека, остается в доме умершего. Благодаря этому человек продолжает чувствовать и понимать все, что происходит вокруг него. После наступления зимы человек какое-то время живет дома, а по

[illegible]

П
Ь
Я
Н
С
Ч
А
С
Т
Ь
Е
Б
Е
Н
О
К

няются только декорации. ДТП меньше не стало. Такие же дети выросли, которые так же запирают дверь изнутри. И такие же родители, которые плачут, когда их детей спасают.

Александр Бейлин

Врач-акушер, главврач в роддоме при 67-й московской больнице (рабочий стаж 57 лет)

Дима родился в барокамере с весом кило семьсот. Его мать страдала пороком сердца – решившись на роды, рисковала жизнью. Роды проводились в барокамере с избыточным атмосферным давлением – до четырех атмосфер. Когда у матери началось сильное кровотечение, и мы уже боялись ее потерять, вокруг барокамеры в страшном волнении ходили отец Димы и директор Института кардиохирургии Лео Антонович Бокерия. А потом отцу показали ребен-

ка через иллюминатор и сказали, что мать жива. Можете представить лицо отца? Сейчас Диме 25 лет, заходит иногда в гости. Я с коллегами около двадцати лет принимал роды у женщин, никогда не надевших родить. Мы первыми начали принимать роды в барокамере с повышенным давлением, а в результате нашей работы с кардиохирургами операции на сердце во время беременности стали реальными. Первые роды я принял в 1949 году, но чувство обязанности не проходило – как на фронте. А когда рождает женщина, которая могла только мечтать об этом, и ты становишься соучастником чуда, все вдруг меняется к лучшему.

Юрген

Бармен | рабочий стаж 13 лет

С нашим советско-российским пьянством ощущение счастья вызывает любое событие – от рождения ребенка до свадьбы. Пришла ко мне одна девушка из графы самоубийства. Жизнь не заладилась, все говно, солнце не светит. Села за стойку бара, мы пообщались часа полтора, и я ей пообщал, что в течение двух месяцев, когда она будет входить в бар, все ей будут кричать: «Мама пришла!» Стала приходить, раскрепостилась. И посети-

А
З
А
Р

Владимир Ераносян

Ведущий розыгрышей в казино | рабочий стаж 3 года

На днях один игрок выиграл 50 тысяч долларов и на радостях раздал часевых на сумму вдвое большую. А в соседнем зале кто-то проиграл 100 долларов и чуть не плакал, накричал на всех. Другой выиграл внедорожник – наверное, шестнадцатую машину в гараже, а радовался, как ребенок! Но правдивее всех игроков – парень, который просто радуется происходящему – смотрит шоу, общается с людьми, радуется тому, что здоров, что сидит в дорогом московском казино. Такой ниже ватерлинии не опустится, не продует в прах. Он почти не выигрывает, но, похоже, ему этого и не надо: это один из основных постулатов счастья – быть благодарным. 18

тели ей действительно кричали: «Мама пришла!» – полюбили. Человек ожил. Почему так? Я нашу профессию сравниваю с розеткой. Ты в бар пришел – как сотовый телефон воткнул в розетку – подзарядился эмоциями. Бармен, в первую очередь, должен быть психологом, знать, как у кого маму, папу, подругу зовут, кого оштрафовали, что что пьет. А в конкурсах побеждает и в казино проигрывает Гинисса попой – в 2001 мы с товарищем 60 часов за барной стойкой проработали одной рукой, а вторая была прикована цепочкой. Но победа в конкурсах – это не главное. Самое важное, чтобы бармен был как пастор: человек пришел, исповедался, и ему стало легче.

Р
Е
Н
О
К

[REDACTED]

[REDACTED]

[REDACTED]

[REDACTED]

[REDACTED]

[REDACTED]

[REDACTED]

Море бывает [REDACTED] Небо меняет [REDACTED]
Огонь всегда и везде [REDACTED]
гора [REDACTED]

[REDACTED]

[REDACTED] уходит [REDACTED]
[REDACTED] и т. [REDACTED]
[REDACTED] человек умирает [REDACTED]
[REDACTED] не было риска [REDACTED]
[REDACTED] в этой борьбе [REDACTED]

[REDACTED]

[REDACTED]

Аурелия Акмуллаева

оммаж к фото двух женщин

Сегодня ночью, подойдя к зеркалу, я сказала:

«Убейте во мне желание нравиться.

Я устала следить за пунктуацией в переписке.

Я устала следить за цветом белья, надевая светлое лёгкое платье.

Я устала следить за ниткой, которая вечно торчит из этого платья, сколько бы раз я её ни срывала.

Я устала читать комментарии о том, что при прочтении стихов у меня неправильно двигаются руки.

Убейте во мне страх быть непонятой.

Я устала фильтровать каждую свою мысль, чтобы никого не обидеть.

Я устала бояться обсуждений за спиной.

Убейте во мне мою детскую травму.

Я устала впадать в приступы социофобии.

Я устала вновь становиться семилетней девочкой, с которой никто не общается в школе,

Потому что она не может поддержать беседу о куклах барби.

Я устала вспоминать то, как в девять лет мой дядя сказал,

Что сестра красивее меня, потому что у неё светлее кожа.

Убейте во мне стыд перед обществом.

Я устала улыбаться только потому, что я в социуме.

Я устала выглядеть так, чтобы не шокировать окружающих.

Я устала прикрывать части своего тела и части своих мыслей.

Убили.

А кто я, если во мне нет детской травмы, стыда, страха и желания нравиться?

Во мне больше нет ничего моего.

Во мне больше нет меня.

Я научилась кричать и отстаивать себя,

Но это вовсе не я.

Во мне больше нет ничего моего.

И вот я отвечаю: «Можно».

На любое абсурдное «Нельзя».

Это отвечаю вовсе не я.

Во мне больше нет меня»

И в зеркале я не вижу себя.

Мария Землянова

О.м.маж

1

я всё думала, где я видела эту картинку возможно, ты отправляла мне эту
картинку когда мы думали об Иране
эту картинку я бы отправила тебе
но не знаю,
вдруг тебя триггернёт
это воспоминание

2

я смотрю и думаю
как фотография взламывает запрет на изображение потому что изображение
рисует не рука рисует свет
рисует серебро
рисует альбумин
рука выпускает птичку
рисует птичка

3

у нас с сестрой не было имён
никто не помнил наших имён
не различал наши лица
нас называли «девочки»
называли «сёстры»
мы смотрим на тебя и ждём
когда ты выпустишь птичку

Виктория Русакова

оммаж Буржуа

куда ты пойдёшь
к кому и зачем
куда понесёшь свои плечи сутулые
свои длинные пальцы и дряблые бёдра
свои грязные мысли и чистые слёзы

куда ты пойдёшь
кому расскажешь
как ночами
в волнах и лужах и громких словах и каплях
как утрами
в крапе и реках и глазах (не)любимых
ты купаешься плаваешь задержав дыхание
тонешь

подбирай слова нанизывай на травинку
говори на незнакомом
родном языке
забывай чужой
можно выучить ещё три ещё тридцать
ни на одном не молчать
не сказать
ни слова ни голоса

никому ничего

куда ты пойдёшь
никуда не
садись и останься забудь и послушай
куда ты пойдёшь
там
не ждут
не любят не помнят

как говаривал Он ты нужна только Мне
ты нужна
но ты не сдаёшься
и ты снова идёшь никуда
не туда
ни к кому
возвращаясь к себе

Лайли Эдиге

Оммаж д/Лиза Неклесса

Раскиданная
Разодранная
По полям, по морям, по весям
Расхристанная
Несобранная
По твоим, по чужим словам
Разобранная
Закинутая
Подальше
От сглаза

Случайная
Не случившаяся
Так поздно понявшая
Любовь
Обручившаяся
Живой кожей содранная
Оболганная
Абьюзом порабощённая
Неотомщённая
Жена

Разменянная
Проданная
За тысячу лайков и комментов
Обруганная
Оболганная
Звездой в грязь упавшая
Закопанная
Невинная
Душа

Настя Голованова

оммаж на работу Бахыт Бубикановой

У девочки из Сибири,
(Альтер-эго авторки, превращённое в арт-объект),
Закружилась голова в Дрезденском музее науки и техники:
«Экспонат демонстрирует прозрачный купол и насос для создания вакуума.
Если поместить под стекло птицу или свечку и затем выкачать воздух, вакуум
станет зримым».

Девочка из Сибири,
Которую то и дело принимают за мальчика и никогда – за Афродиту,
Спустилась по Иорданской лестнице Эрмитажа, как под воду,
В поисках пазырыкского орнаментального ковра –
Грифонов, всадников, ланей.
Археологи взрыли толщу курганной земли в Алтайских степях,
Извлекли,
Изучили,
Поместили в полутёмном музейном зале под стекло.

Девочку из Сибири,
Дерево без корней с причудливым узором коры,
Через километры холмов и равнин, степей и тайги
Поманил Медный всадник, выставивший напоказ
Рог изобилия: церкви, дворцы, галереи, музеи, музеи, музеи.
За несколько лет в Северной Столице кожа теряет следы солнца,
На белом мраморе выступают синие жилки.

Экскурсия по рекам и каналам
Однажды закончится:
Отчирикавший воробей, живое тело, обращенное в статую, листочек гербария,
элемент орнамента
Поступит на хранение в музейный фонд
(Для дальнего уголка Пушкинской-10 сгодится).

Каждое дерево растет лишь однажды,
Даже если сдавать бумагу на переработку.

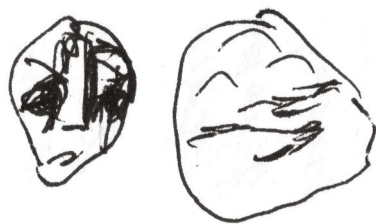
Марьям Зиаи

оммаж Ширин Нешат

смотрю на текст и не понимаю что там написано
на языке моего отца я только говорю
вероятно, как и мои пра-
пра-
пра-
и прочие бабушки
которых не учили читать и писать
только говорить
чтобы понимать
что сегодня от них нужно отцам
братьям
мужьям
сыновьям
а отец говорит мне марьям
вот у моего отца была жизнь
всю жизнь только и делал что пил
смотрел телевизор
и отправлял нас спать в восемь
чтобы трахать маму весь вечер
я же в шестьдесят до сих пор работаю ради вас
а вы совсем не цените меня
совсем меня не бережёте

мою бабушку тоже никто не берёт
ни до революции ни после
я представляю что до замужества она носила юбки
улыбалась мужчинам
могла выходить в магазин без страха быть избитой мужем чьей собственностью
являлась потому что кто-то из продавцов или соседей сказал безобидное слово
бросил случайный взгляд
не выглядела как патрон революции с острым лицом
неспособный защитить себя от непрошенного внимания
не заматывалась в саван
будучи живой

отец говорит марьям
мы переехали чтобы никто не заставил вас с мамой носить это покрывало против
воли
но я всё равно третий год прячу татуировку на руке:
до свадьбы моё тело принадлежит тому
в чьём доме живу
а после будет мужниным
хотя и мужа активно искать не получается –
после десяти
говорит он
домой возвращаются только шлюхи
они же делают татуировки
а ты у меня правильная девочка
всем родственникам на зависть

Зуля Есентаева

оммаж ГК ***Прощальная песня***

Женщины в этом роду плетут сорок кос.
Длинней, длинней кочевья
От высохшего русла Матери-Реки до Тёплого Озера в Пёстрых Горах
Д л и н н е й , д л и н н е й
Прабабушки говорят бабушкам:
Сорок женских волос почтенны в этом роду.
Бабушки говорят матерям:
Сорок женских волос почтенны...
Матери не успевают сказать дочерям.
Матери – в трудовой миграции в Москве или других городах.
Дома в начале двадцатых двадцатого века
Матерям надевают автомобильные шины на плечи и обливают ледяной водой их
мужья за то, что поздно вернулись домой.
Матерей избивают, вырывают им волосы, убивают.
Дважды бьют по лицу, а когда они падают, пинают.

Избивают за то, что не могут забеременеть.
 Когда беременеют, выпьют и избивают уже беременных.
 Обливают бензином и поджигают.
 Когда женщины выходят с протестом на марш восьмого марта,
 Делают международную выставку за права женщин,
 Их насильственно пытаются разогнать мужчины с камчой в зубах.
 А менты задерживают участниц марша,
 Союзы художников не могут смотреть на обнаженное женское тело,
 Для них оно «лишено художественной ценности».
 В концепт, похоже, не вникали
 Дома с интервалами в пять, десять лет происходят революции.
 Последняя вот была в октябре: десять дней, которые не потрясли мир –
 Кому интересна сто третья страна третьего мира?
 К власти приходят те же кланы.
 Д л и н н е й , д л и н н е й
 Ночи в октябре.
 Иногда чудится, что это вовсе не начинающийся вместе с отопительным сезоном
 смог,
 А терпкий запах конского волоса разлит в бишкекской ночи.
 Душу кружит вальс тоски.
 А дни в октябре короче,
 Короче отсеку.
 Отсеку
 Короче,
 Прощайте, сорок ласковых сестёр.

Мөлдір Елес

МУСОРНОЕ МАТЕРИНСТВО

оммаж на работу Сауле Сулейменовой

тела без автономии

МИКРОПЛАСТИК В ГРУДНОМ МОЛОКЕ

недавно я узнала, что микропластик Бисфенол-А поступает в организм младенца
 с грудным молоком

Я НЕНАВИЖУ ЭТО

когда меня что-то до глубины пугает, я не испытываю страх как таковой, скорее чувствую сильное раздражение, и досаду, и ненависть
это ощущается как сломанность, которая бесит тем, что её невозможно починить, невозможно заставить исчезнуть

Я НЕ МОГУ ОТ ЭТОГО ИЗБАВИТЬСЯ

она с самого рождения с тобой, будет внутри тебя всю жизнь, потихоньку размножаясь и накапливаясь и делая долго работавшее устаревшим и не подлежащим починке

МЫ НЕ ВЛАДЕЕМ СОБОЙ. НАШЕ ТЕЛО НЕ ПРОДУКТ НАШЕГО ВЫБОРА

можно даже не знать о существовании этого, и если агентность подразумевает осведомлённость, то ты теперь на некоторую часть не агент
матери никогда не выбирали переносить со своим молоком ВИЧ-инфекции, радиоактивные материалы, частицы микропластика
дети никогда не выбирали родиться

тело без автономии

МОЯ МАТЬ СЧИТАЕТ, ЧТО ЕЁ ЦЕННОСТЬ ЛЕЖИТ ТОЛЬКО В ЕЁ СПОСОБНОСТИ РОЖАТЬ

моя мама недавно родила двойню. предыдущие пять лет своей жизни её терзало от того, что она не может родить ребёнка. она сделала одно ЭКО, пережила выкидыш. весной того года отец её избил. летом она сделала второе ЭКО.

Я НЕНАВИЖУ ЭТО

она клала себе на колени две подушки так, чтобы можно было положить на них детей и кормить двоих одновременно. она перестала их кормить через полтора месяца, потому что они все из неё высосали.
новорожденных нужно много держать на руках, нужно держать дом в чистоте, нужно готовить на шестерых. у моей мамы диагностировали ревматоидный артрит в этом году.

Я НЕ МОГУ ОТ ЭТОГО ИЗБАВИТЬСЯ

люди с ревматоидным артритом становятся инвалидами в течение 10 лет. на втором курсе я приехала домой из-за пандемии, в начале третьего курса взяла

академический отпуск, чтобы ей помогать. я не хочу ей помогать, я хочу учиться, хочу жить своей жизнью. сейчас я живу жизнью своей мамы, когда она была в моем возрасте и родила меня – убираюсь, готовлю, смотрю за детьми. мне двадцать один, и я живу жизнью своей двадцатидесятилетней мамы, чтобы она могла жить жизнью сорокалетней, пятидесятилетней, шестидесятилетней, семидесятилетней мамы.

мама родила за меня.

ОНА НЕ ВЛАДЕЕТ СОБОЙ. ЕЁ ТЕЛО НЕ ПРОИЗВОДИТ ВЫБОР

отец постоянно говорил, что хочет больше детей. мама чувствовала себя убожеством и постоянно говорила ему, что если он хочет, они могут развестись, чтобы он мог жениться на более молодой женщине, которая будет ему рожать. хотеть может только один человек. если машина по исполнению желаний не работает, её нужно заменить на другую.

без тела, без тел

СТИХИЙНЫЕ СВАЛКИ НАПОЛНЯЮТ МОЙ РОДНОЙ ГОРОД

я вернулась в свой город детства. из-под кожи его выходят пластиковые пакеты, они засыпаются песками и ещё слоями пластиковых пакетов.

Я НЕНАВИЖУ ЭТО

мужская доминация, лишение агентности того, что не мужчина, порабощение женщины мужчиной, порабощение природы мужчиной. неработающие машины следует выкинуть. мусор.

Я НЕ МОГУ ОТ ЭТОГО ИЗБАВИТЬСЯ

мусор на мусоре. пластиковые пакеты сдувает ветром, засыпает песком, другими пакетами. мозаика из разноцветных мусорных пакетов. на нашей обширной планете комбинаций мусорных паттернов может быть поразительно много. вавилонская библиотека только не со знаками, а с цветами пакетов, может появиться осмысленный рисунок.

ТЕЛАМИ НИКТО НЕ ВЛАДЕЕТ. НЕТ ВЫБОРА

где-то в мире без людей, в мире мусора, на земле появляется пакетный рисунок кормящей матери.
нет никого, кто мог бы распознать его.
мать избили за выкидыш, ребёнок подавился пластиком при грудном кормлении.

Катя Излз

оммаж на работу Сауле Дюсенбиной

В детстве меня, как овцу,
Укладывали спать,
Добавляя слов и фраз по цветку
О том, что мне не стать начальником
Завершая композицию тем,
Что начальником
Всегда будет кто-то из мальчиков.

На меня накладывали цветы танца
Ведь мама так хотела и ахала,
Чтобы у меня была грация.
5 лет я сопротивлялась и плакала,
Смотрела на секции карате,
Боясь думать,
Оставаясь в своей в немоте,
Я куда-то глубоко внутрь упрятала
Мысль о том,
Что я хочу быть там и там бить.

Сейчас я хожу на бокс
И думаю, как мне стать равной
Тем парням, у кого железными
мускулами торс
Начал покрываться с самого детства,
И тем, кого не беспокоит неуверенности
травма.

В детстве я хотела стать строителем,
Потом – эльфом-воителем,
А стала учителем,
Чтобы, как овца, много раз повторять
Чьим-то детям,
О важности present contunіюса.

Меня украшали цветами папоротника,
Упрекающими,
Что я не люблю мыть полы,
Выцарапывающими на коже о том,
Что я девочка
И что мне НЕ интересны цветы.

Они не могли понять,
Что их могильными наставлениями
По рубцу и венцу
С давно увядшими цветовложениями
Они превращают меня
В мертвейшую тупую овцу.

Сельби Джумаева

**оммаж Аксолтан Бабаевой*
и Сауле Сулейменовой**

Биохимия обожания. Сауле первый раз в своей студии с тех пор, как появился на свет её внук. По ритуалам своего народа она не показывает ребёнка сорок дней, но и времени совсем нет передать миру все свои переживания. Она вовлечена. Она бабушка. И всё её – своё – и с ней. И с ней весь этот сложный, одержимый нами, её мир – наш мир, – проблематичный своей антропоцентричностью, несправедливостью и колонизацией памяти и экосистем, полный счастья, когда можно горевать вместе, полный тоски, когда не быть собой вместе, в который она погружена, и теперь ребёнок дочери здесь с нами: добро пожаловать, родной. Первое, что она пишет в своей студии - TauSuinbike. Ultimate Love.

Один из самых стойких материалов для описания самого сокровенного. Он был создан прогрессом, этой модернистской идеей будущего (как и ей же поставленной задачей искусству) – для прочности – вечные, чтобы служить человеческой жизни дольше, чем она сама.

Если писать пластиком, то писать о высшей любви. Писать всем нутром праматери.

*Аксолтан Бабаева, мама моей мамы, биохимик, тотальная межпоколенческая любовь.

paсs

Интизор Отаниёзова
Василиса Сатирская
Дана Канафина
Татьяна Филиппова
Розалия Шамсудинова
Эйри Асиева
Камила Ковязина
Настя Пяри
Наташа Боренко
Таис Кострицкая
Sam-y

Интизор Отаниёзова

Поскорей бы конец света

Гульмира сокрушённо вздохнула, посмотрев на часы. Опять 8 вечера, хотя не было пробок и на работе не полыхали позавчерашние дела. Гонка со временем – одна из самых бесполезных, но не попытаться смерти подобно. Эх, ну ладно, нужно сохранять позитивное мышление. Матери-одиночке расшатанные нервы непозволительны. В супермаркете Гульмире, как обычно, полегчало. Тут своя особенная атмосфера, ритуал собирания разной вкусной еды до изматывающей нервы и кошельки очереди, конечно же, действует почти как массаж. Женщина настроила себя на точные взгляды в сторону прилавка, но в какой-то момент всё же заглянула кассиру в глаза. О, это немое порицание, застывшее удивление, непонимание, зачем так часто покупать так много мяса. Гульмира знала, что подозрение неизбежно, что надо закупаться во всех супермаркетах района равномерно, но именно этот через дорогу от дома. Надо бы составить план мест покупок. На улице ещё довольно оживленно, хотя на Райымбека всегда так, в любое время суток. Вот и нашёлся единственный плюс в её многолетнем недосыпе. Позитивное мышление, ха-ха. Отработанными движениями женщина начала разбирать пакеты. Анвар, её пятилетнее чудо, начал помогать ей. Всё-таки он смышлённый не по годам. Быстрый ужин, благо готовится маленькая порция, далее уборка, уложить ребёнка в постель, а потом опять на улицу. На часах уже 11.30, это, во-первых, значит, что она опаздывает, а во-вторых, как же её достало шататься по всяким подворотням в такое время. На этот раз врач назначил встречу в клинике в Айнабулаке. Умом Гульмира знает, что постоянно менять клиники – лучшая стратегия, но прямо сейчас она идёт по скудно освещённому криминальному району и ненавидит буквально всё. Особенно мужчин, встречающихся ей то тут, то здесь, вырастающих из фонарных столбов, выползающих из под сплошной темноты дерева, переходящих дорогу вместе с ней. Неважно, сколько тебе лет, не имеет значения, зачем и куда идёшь, если ты женского пола, то боишься даже самой светлой ночи. Гульмире вдруг захотелось посмотреть на мир мужскими глазами, понять, как они видят этот полуночный мир. Замирает ли их сердце? Вероятно, им тоже страшно. Ей, например, казалось, что уж после изнасилования, пережитого в одну из таких ночей, её уже ничего не испугает. Однако всё по-прежнему, хотя, казалось бы, все кошмары уже стали явью. Наконец женщина дошла до заветной двери.

– Здравствуйте, всё уже готово?

– Да, я уж начал бояться, что что-то случилось и вы не придёте.

– Ну вы же понимаете: домашние дела засасывают похуже сериалов. Туда, сюда, и спать уже надо.

– Анвар поел, получается?

– Купила ему мяса. Пока он ещё маленький, пусть хоть иногда кушает животных, а то не выдерживаю, выхожу из комнаты, когда он ест челявятину.

– Есть вести от Повелителя?

– Но я не общаюсь с отцом Анвара. Вообще, даже отцом его называть неправильно. Ему только интересно, будет ли у моего малыша потенциал уничтожить мир в 18 лет или нет.

– Войдите в его положение. Ваш сын – прекрасный ребёнок, и заслуживает всего лучшего. Но для Повелителя этот Антихрист – уже, может быть, его миллионная попытка.

– Мне нужно бежать, завтра с утра вставать. Спасибо за помощь.

Монолог в бане / Я и сестра / Ручная стирка

У Достоевского вечность ада предстала в виде бани. Оказалось, сидит там человек один-одинешенек, в горячей темноте, окруженный паутиной. Я же запомнила баню как место спокойствия, почти свободы. В 2012 году было моё последнее школьное лето, думалось: ещё чуть-чуть, и начнется совершенно новая жизнь. Момент перехода понимали и родители, иначе зачем эта поездка с отцом в его родной Хорезм? Это было моё возвращение за приблизительно лет 7 отсутствия, но в семейном доме мало что изменилось. Стены и потолки разрисованы искусными узорами; вместо маленьких тёмных окон открыты двери; тяжёлая нескончаемая работа в поле, в огороде, в хлеву, в комнатах; плов, салат, зелёный чай, арбуз, дыня на ужин. У всего были знакомые очертания, но я забыла их суть, традиционный уклад сменился привычным порабощением. Мне казалось, что никто здесь не способен меня понять: бабушка ненавязчиво пыталась найти мне женихов, взаимоотношения дяди с женой были живой иллюстрацией быта не то что до феминисток, даже до суффражисток, а папа вдруг стал таким чужим, почти неузнаваемым. Единственным утешением была моя сестра-погодка. Вместе с ней я кормила коров се-

ном, качала воду из колонки, готовила обеды, ходила в гости, мыла посуду бракованным хлопком, собирала помидоры и вечно смеялась над какой-нибудь ерундой. Меняхватило на неделю бешеного темпа моей спутницы, после я стала уставать от укусов самых разных насекомых, палящего зноя полупустыни, однообразной еды и в целом от работы. Так что когда после одного из обедов мы зашли в еле освещённую тёплую влажную баню, в которой уже замачивалось бельё, то счастье было искренним. Этот час или даже два мы будем только вдвоём без прилипчивых мух и непрекращающихся указаний взрослых. Я хотела ей помочь, но было только 2 тазика – один для стирки, другой для полоскания. А потому просто села на корточки напротив неё, изучать, как отстирывают грязь вручную. Вот она взяла в руки кусок хозяйственного мыла, вот начала тереть пятно на воротнике рубашки, вот появляется всё больше и больше пены. Я достала свой кнопочный телефон, включила заранее скачанный альбом Адель «21», начала объяснять ей смысл песен. Не то чтобы я сама понимала большую часть слов, но как же соскучилась по музыке, фильмам и интернету! В моей интерпретации это оказалась история про девушку из Лондона. Парень только что бросил её, разбив сердце Адель. Но она знает один секрет, способный разрушить его жизнь. Точнее, его и ещё девушки, с которой он теперь встречается. Ходят слухи: она вдвое моложе него, но потом люди начали говорить, что Адель и её бывший парень начали видеться, как вдруг начали шептаться, что на самом деле это Адель встретила кое-кого. В общем, если принимать на веру всё, что услышишь на улицах Лондона, – сойдёшь с ума. Но дыма не бывает без огня. Парень Адель вообще кого угодно может запутать, у него есть версия для каждого. Оказалось, девушка вела себя слишком странно в последнее время. Очень неблагодарно, учитывая в каком состоянии она была во время первой их встречи. Он помог ей выкарабкаться, а теперь, как у неё прибавилось сил, оказалось, он всё делает не так, он инфантилен, раздражителен и т.д. Может, она права, иначе почему он не вынес и пары дней без неё? Адель позвонила сама, казалось, мир восстановился. Но теперь оба перестали понимать: это и есть любовь или просто зависимость, начали ссориться. В конце концов пара решила сделать перерыв. Однако это не продлилось долго. Да, доверить сердце кому-то – сложная задача, никто не совершенен, и стоит просто смириться. Но назвать той самой он всё же смог другую, не Адель. Это не стало сюрпризом, но в день торжества что-то переключилось в её мозгу. На свадьбе в Бирмингеме убили невесту из револьвера 44 калибра. Мораль истории: «Лучше чувствовать боль, чем вообще ничего». Сестра казалась увлеченной песнями, эмоционально реагировала на сюжетные повороты, но в какой-то момент закончила стирать. Примерно в это же время и я перестала «пересказывать» альбом. Мы вышли из бани, развесили бельё, пошли заниматься другими делами. Иногда я жалею, что говорила тогда так много.

Василиса Сатирская

Лампочка

«Никогда не останавливайся!» – часто говорила ей мама. «Руки-ноги есть – значит, всё у тебя хорошо», – напоминала бабушка. Подумаешь, муж оказался придурком! Сама же выгнала – не с кого спросить. Могла бы и потерпеть. Изменял? Так он и не скрывал почти – знала, за кого выходила. Пил много? Так кто не пьет! Сама немногим меньше. По дому ничего не делал без пинков и уговоров? Так у кого иначе – редкие счастливицы. Вообще, пока зарабатывал нормально – многое готова была простить. Но вот когда в поисках лучшей жизни он уволился и обосновался на диване грустить и писать об этом в соцсетях, тут она не выдержала. Ей-то грустить было никак нельзя: три работы, двое детей, больная собака. Ещё одного нахлебника было никак не потянуть. Выгнала. Сама чемодан собрала – носки тёплые, трусы чистые, собственноручно связанный в лучшие времена свитер – и даже денег подкинула на первый момент. Хотела расстаться по-хорошему. В конце концов, дети его любили. Особенно – старшая дочь. Вот только через полгода где-то оказалось, что по-хорошему не получится. Уйти-то он ушёл, не возражал почти, разве что удивился как будто, что она его в беде бросила. У неё даже что-то шевельнулось внутри болезненно, там, где ничего давно не было, как она считала. А потом, когда она подала наконец на развод, оказалось, что он всерьёз намерен выселить и её, и детей из общей, как она думала, квартиры, потому что оформлена вся недвижимость была на него. Кто же мог такое предположить! Ведь такие красивые и счастливые были на свадебных фотографиях у мамы в альбоме... Теперь-то ей вспомнилось, как она не хотела это платье и в самую последнюю минуту, уже стоя перед нарядной работницей ЗАГСа, подумала, что же будет, если ответить «нет».

Выключатель щёлкнул, свет на кухне вспыхнул и сразу погас. Ещё и чертова лампочка лопнула, разметавшись осколками по всей кухне. Аське надо было закричать, нет – заорать так, чтобы выпустить всё наболевшее, но дети спали в соседней комнате. И она, всхлипнув, села на пол, прямо в битое стекло.

Когда выяснилось про квартиру, начались мучительные переговоры. Свекровь вступилась за детей и стала уговаривать сына переписать на них хотя бы половину. Двушка в спальном районе стоила не так много, однако можно было поделить и купить хоть что-то. Но муж упирался. Говорил, что от алиментов не отказывается, а жить и ему где-то надо. Ошеломленная таким поворотом Аська не спорила, молча искала возможность взять ипотеку или хоть какой-то кредит, но тут накры-

лась одна из работ, как назло – самая денежная. Это сильно её подкосило. Стало очевидным: жить придётся в скромной съёмной однушке. И она начала подбирать вариант.

Сидеть на полу было холодно, да и ноги быстро затекли. Аська насколько могла тихо проревелась и пошевелила ступней. В коленку тут же впилося что-то острое. И ведь что той лампочки! Но больно ужас как. Стараясь как можно меньше двигаться, она дотянулась рукой до полки, поискала спички, неожиданно легко нашла и в коротком, неровном свете осмотрела порез. Кажется, ничего страшного. Осторожно поднялась и пошла в ванную. Там очистила и обработала ранку, отрянулась и посмотрела в зеркало. Малоознакомая, уставшая и заплаканная женщина смотрела на неё тускло. Есть ли смысл всё время бороться, мама? Есть ли хоть в чём-нибудь смысл? В коридоре очень по-человечески застонала собака. Они завели её сразу после свадьбы. Она была старая и страдала не только от всевозможных болячек, но и от тоски по хозяину. Ведь единственное, что он делал достаточно регулярно, так это ходил с ней гулять. Почему он не забрал её с собой – Аська боялась спросить.

Тут её накрыло как-то сильно и окончательно. Вот упаковка таблеток (должно хватить). Или лучше не дома? Нет, невозможно куда-то идти. Позвонить маме? Лучше подруге. Пусть заберёт детей. Аська вышла в коридор и открыла дверь, вытащила телефон из кармана и набрала. Гудок, ещё один, другой...

– Настя?

Нет, это не в трубке. Там всё ещё не берут.

– Настя, у вас всё в порядке?

Чёрт... Не особенно. Аська зачем-то провела свободной рукой по голове, будто причёсываясь. В открытую дверь неуверенно заглядывала соседка Анна из квартиры напротив.

– Настя? У вас дверь открыта. Собака может выбежать, да и мало ли что...

Анна была старше Аськи лет на десять, но с ней было всегда как-то легко и душевно перебрасываться парой слов на лестничной площадке. Пару раз она даже бралась посидеть с детьми, которых не с кем было оставить.

– Кхм, – с трудом начала Аська, – Не знаю, что и как объяснить, и надо ли вообще. У меня лампочка перегорела, – сказала.

Анна заулыбалась, то ли не заметив, то ли сделав вид, что не заметила заплаканного и растрепанного аськиного вида.

– Я сейчас, подожди минуточку! – сбилась на «ты», смутилась, убежала к себе и действительно через минуту вернулась с торжественным видом.

Вместе они аккуратно, стараясь не пораниться и не разбудить детей, вынули оставшееся от старой лампочки и вкрутили новую, энергосберегающую. Анна светила фонариком. Аська балансировала на шатком стуле.

– Твою ж!.. – громким шёпотом выругались у двери. – Наська!!!

От неожиданности Аська чуть не упала с табуретки. Подумала, что не так она всё планировала, и рванулась к двери. Там, спотыкаясь о детскую обувь и собачьи ошейники, пробиралась ей навстречу Сима. Подруга детства, она могла приехать в любое время дня и ночи без приглашения, но сегодня-то они договорились. Только вот Аська совсем забыла. Потому что дети, собака, работы эти проклятые и, кажется, она опять просрочила кредит...

– Симона, Симочка, прости, пожалуйста, я совсем забыла!

Аська обняла худенькую Симу так крепко, что той стало трудно дышать.

– Ой-ой... Ну вообще-то я не надеялась доехать. Начальство задолбало, еле вырвалась, попала в самые пробки, а потом... Ты чего это такая... э... ревела?!

Аська смущенно глянула в сторону притихшей Анны.

– Ой, я вас и не заметила, – Сима вдруг сбилась с шёпота, из-за чего на неё тут же шикнули обе женщины одновременно.

– Дети, – на всякий случай пояснила почему-то соседка Анна.

– А я принесла пироги-и-и, – еле слышно пропела Сима и всучила ей большой пакет с источающими аромат коробками. – Давайте, пожалуйста, срочно поедим. Очень голодная.

Аська махнула Анне, чтобы отнесла пироги во вторую комнату, а заодно настойчиво пригласила принять участие в их уничтожении. Но только они устроились на бывшей супружеской кровати (больше было не на чем), как раздался стук в дверь. Закрывали они её вообще или нет, подумали женщины. Аська пошла выяснять. Петра, высокая и вся мокрая, как она немедленно сообщила, до трусов, держала в руках две бутылки красного вина – итальянского, конечно, в память о бросившем её в далеком детстве отце. Аська не видела подругу около года и не знала, что она вернулась в город и вообще в страну. Раньше она обрадовалась бы невероятно.

Сейчас Петра подобралась под её взглядом и чуть было не отступила. Но из комнаты уже выглянули Анна и Сима. Одна забрала у гостыи бутылки, другая пошла искать сухую одежду в аськином шкафу.

Ещё минут через сорок, уже ближе к ночи, на пороге уже почти не аськиной квартиры появилась запыхавшаяся Маруся. Это была та самая подруга, которую Аська набирала по телефону и так и забыла об этом. Маруся же испугалась и её немного звонка, и последовавшего «абонент не в сети» и, конечно же, примчалась так быстро, как смогла. Аська подумала, что её даже могли бы отказать при такой-то оперативности.

Первым делом Маруся дала подруге пощечину. Потому что всё поняла. Потом они обнялись и долго стояли молча.

– Ирка приедет, – сообщила она наконец.

Аська не поняла сначала.

– Ну я шуганулась. Вспомнила, что у Ирки ключи есть. И вызвонила.

Аська устала. Она не могла больше видеть людей, но вместе с тем была очень благодарна вот этим вот людям. Человечкам.

Маруся уже перемыла всю посуду, накопившуюся за несколько дней, Сима подмела и помыла полы, Петра сварила всем кофе, а соседка Анна принесла из дома печенье, когда Ирка всё-таки приехала.

Ирка тоже всё поняла ещё по экстренному звонку Маруси, которая от страха забыла, что они с Иркой поругались в прошлом месяце и с тех пор демонстративно не общались. Ирка бить не стала, а выложила полусонной уже Аське план действий.

– Собаку я сама отвезу к ветеринару, завтра договорюсь. Это больше не твоя забота вообще. С квартиры съезжать не спеши, мы ещё поборемся с твоим пиздюком. Анна Михална, – кивнула Ирка соседке, – будет сидеть с детьми, а когда не сможет, Петра вот как раз вернулась. Симка может закидывать младшего в сад утром, по пути на работу. Старшая сама ходит, правильно? Мы с Марусей найдём тебе юристку нормальную. А ещё у меня тут есть контакт психологини одной...

Ирка говорила отрывисто и по делу, немного нервно жестикулируя, но Аську это всё почему-то убаюкивало. В конце концов общими усилиями её уложили спать. Ирка, Сима и Петра уехали на такси под утро. Анна ушла к себе, оставив Марусю дежурной. Та уснула на кресле.

Аська с трудом разлепила глаза, почуяв движение. Через щель между занавесками пробивался утренний робкий свет. У кровати стояла Соня, аськина дочка, ждала. Увидев, что Аська открыла глаза, она потянулась к ней и обняла. Крепко и молча. Щёки у неё были влажные.

– Никогда не останавливайся, дочка, – через пару часов тараторила мама Аськи по межгороду, – Никогда не сдавайся.

Дана Канафина

Кукурузные бега

Когда смеются над залетевшими девушками, я всегда вспоминаю мою маму. Не потому, что она забеременела от проезжего американца. А скорее потому, что она этого никогда не отрицала, как обычно делают. Например, у меня была одноклассница Наташа, которой её мама забеременела, уехав на год по работе. Её мама всегда говорила, что жених у неё настоящий был, даже много подробностей про него рассказывала. Вот только его, мол, пристрелили, и он на месте умер. Когда она об этом говорила, все, конечно, охали и приносили ей соболезнования. Это была, в принципе, правдоподобная теория, потому что, как-никак, были девяностые.

Моя мама же всё признавала открыто. Этот американец (и она всегда называла его «этот американец», а не Джеймс, по имени) приехал по только начавшемуся тогда международному туризму. Мы были независимой страной всего пару лет на тот момент, поэтому иностранцы к нам заглядывали по чуть-чуть, из любопытства. В основном они оставались в городах покрупнее (в нашем случае это был Петропавловск). Зачем Джеймс поехал к нам в деревню, не ясно до сих пор: нас там жило человек триста и мы были буквально на самой границе с Россией. Частью независимого Казахстана мы себя не ощущали. Все взрослые вообще по привычке называли себя советскими людьми.

Джеймс у нас пробыл почти неделю, и за эту неделю они с моей мамой меня и зачали. По поводу того, что случилось потом, были разные версии. Мама говорит,

что они порвали связь, потому что она изначально держалась только на физическом притяжении («трахе», дословно, но меня воротило, когда она так говорила) и что больше обсуждать им было нечего. Почтальон же рассказывал мне, что от Джеймса приходили письма ещё много лет, толстые и регулярные, но мама ничего не отправляла в ответ. Наташа считала, что моего папу убили бы, как её папу, если бы он остался. На эти и все остальные теории я всегда кивала и говорила: «Очень возможно», но на самом деле мне было всё равно. Понятно было только то, что мама ничего к Джеймсу не чувствовала тогда. Но назвала она меня, почему-то, Любовь.

Из-за того, что я была наполовину американкой, мне говорили, что я не такая белая, как все остальные. Это казалось мне абсурдным. Помню, я даже как-то у мамы об этом спросила, добавив:

– Ведь только семья Бахытовых не белые, а ещё Стас.

Мама глянула на меня как-то испуганно и раздражённо одновременно, будто я была пауком, которого не удавалось выгнать из комнаты метлой:

– Про Стаса так не говори. Стас такой же белый, как его сёстры.

– Но...

– Довольно. Везде нос свой сунь, где не следует. Вся в того американца.

У мамы всегда было так: все хорошие качества я получила от неё, а все плохие – от отца.

В деревне нас детей было немерено, особенно тех, кто родился в восьмидесятых и был чуть старше меня. С большинством из них я не помню, как познакомилась, потому что это было в таком раннем детстве, что нет ни смысла, ни возможности сейчас эти воспоминания восстанавливать. Стас был редким исключением. Мы познакомились в кукурузном поле.

Насколько я знаю, кукурузное поле не было официальной частью нашей деревни. В советское время оно принадлежало совхозу, а после распада было ничьим. Помню, как кукуруза росла беспорядочно. Стебли у неё были толстые, как водосточные трубы, а листья – длинные и хлесткие. Ранней осенью кукуруза цвела и мы собирали побеги, и иногда даже ели их, не варя, после чего у всех болел живот. В ноябре, с приходом первого снега стебли умирали и долгие месяцы всё было похоронено. В апреле неприхотливая кукуруза снова начинала расти, и к лету она уже была более двух метров длиной.

В этом поле мы с ребятами играли, и в основном в «войну». Мы делились на две группы (одни были «немцами», а другие – «русскими») и стреляли друг в друга импровизированными ружьями, которыми нам служили дубовые сучки.

В тот день я была «русским», и поэтому моей работой было прошерстить поле. Я шла медленно, так медленно, что даже громадные листья не били меня по лицу. Увидев сквозь траву мальчика, сидящего ко мне спиной, я выпрыгнула и крикнула:

– Сдавайся, фашист!

Мальчик повернулся ко мне, и только тогда я присмотрелась к нему и осознала, что не узнаю его. Он смотрел на меня узкими глазами из-под тёмной кудрявой чёлки.

– Я не играю с вами, – спокойно ответил он.

– Чего ты, надулся? – спросила я неуверенно.

– Нет, – всё так же спокойно отозвался он, – я просто занят другим делом.

Он поднялся, и я увидела, что он вкопал в землю камушек с нарисованной синей стрелкой.

– Что это такое?

– Мне некогда с тобой это обсуждать.

В мгновение он исчез в кукурузе. Я бросилась за ним, заинтригованная, но уже через несколько шагов я услышала «немцев» вблизи и решила скрыться. К концу дня, когда «война» закончилась, я рассказала об этой встрече Наташе.

– А, так это был Стас, – непринуждённо ответила она, – он всё ещё верит в ту легенду про потерянные вещи.

В деревне было поверье, что если какие-то вещи теряются, то они непременно оказываются где-то в кукурузном поле. Этот миф начался как что-то серьёзное, почти языческое, что было в деревне много столетий. Но к тому времени, когда родилась я, это уже стало детской небылицей. Например, однажды, за пару лет до этого разговора, я нашла бесхозного котёнка на улице и принесла домой. Маме он сразу не понравился, но она терпела его примерно неделю. Как-то утром кот исчез. Мама сказала, что никакого отношения к этому не имеет, и кот, наверное, оказался в кукурузном поле. Я пошла его искать, и вроде как не сдавалась неделями, пока мне не надоело и чувства к коту не пропали.

Годам к семи мы уже были достаточно взрослыми, чтобы знать, что этот миф про кукурузное поле был выдумкой. Поэтому каждый ровесник, который всё ещё в него верил, предавался насмешкам. Но в случае Стаса мне как-то не хотелось смеяться.

– Он отца там ищет, да? – спросила я.

Наташа кивнула. Мы поравнялись с остальными ребятами и закрыли на этом разговор. Темнело, и я оглянулась на поле, боясь, не остался ли там Стас.

У Стаса была мама Нина и две старшие сестры. Первая из них была совсем взрослой и жила в Петропавловске. Вторая сестра, Женя, была на несколько лет нас старше. Я иногда видела её в сельской школе, но мы ни разу не обмолвились словом. У них троих были огненно-рыжие волосы. Я таких никогда больше не видела. Они были совсем оранжевыми, как тёртая морковь. У папы семьи же были тёмно-русые волосы, бесцветные в сравнении. Папу их я не помню совсем, только видела на всяких общих фотографиях (например, когда правительство подарило нашей деревне трактор в восьмидесятых, и я, вся деревня с ним позировала). Но я знала, что в девяностых его убили. В отличие от Наташиного папы, убили его вроде как по-настоящему. Я видела могилу за деревней, на кладбище у дороги в город. Стас родился после его смерти.

После того дня я не видела Стаса до самого конца летних каникул. Он не был очень общительным и, как выяснилось позже, правда, проводил большую часть своего свободного времени в поле.

Я пересеклась с ним случайно в коридоре сельской школы. Стас был совсем немного старше меня, но большинство уроков у него проходило со взрослыми ребятами. Поговаривали, что он хотел даже однажды уехать учиться в университет.

Стас не узнал меня. Подняв голос в шумной толпе, я терпеливо пересказала ему нашу встречу в поле, и он кивнул как-то равнодушно и направился дальше по коридору. Я нагнала его и схватила за рукав:

– Что ты там делал? В этом поле?

Он посмотрел на меня раздражённо, дёрнув рукав из моих пальцев, а потом вдруг осознал что-то:

– Подожди, ты же та дочь американца?

Я на секунду опешила:

– Ну да.

Его лицо смягчилось. Для десятилетнего он выглядел совсем взрослым.

– Давай встретимся после уроков у входа?

Я согласилась.

Он уже ждал меня, когда я вышла. На солнце не было ни облака, но уже чувствовалось, как подбирался зимний холод. Прямо так, в школьной форме, с портфелями, мы побежали в поле.

Мне странно сейчас вспоминать об этом, осознавая, что мне было всего восемь лет, а ему – десять. На тот момент мы чувствовали себя намного старше, мудрее, будто не было такого секрета, которого мы не знали.

Наташа была права: Стас действительно верил, что его папа где-то в поле. Уже больше года, объяснил Стас, он собирал камни, рисовал на них стрелку гуашью, и раскладывал их каждые несколько метров. Стрелки вели в деревню.

– Как только папа наткнётся на первый из моих камней, он найдёт дорогу домой. Мы стояли у самого первого камня. Он был буквально в двух метрах от деревни. Камень был пыльный, синяя краска стрелы увяла. Я представила папу Стаса, такого, каким видела его на рыжих старых фотографиях, пробивающимся сквозь поле. Стас смотрел на меня вплотную своими чёрными глазами.

– Если твой папа в поле, то он так тоже сможет вернуться домой, – добавил он, намекая на то, что это в моих интересах помочь ему.

Не могу точно вспомнить, что я тогда ответила ему. Мне кажется, что в тот день я сказала, что подумаю или что-то вроде того. Однако довольно скоро моё любопытство взяло верх, и я присоединилась к проекту. Я по-прежнему не верила, что мой папа где-то в кукурузном поле, хотя ради Стаса я вела себя так, будто верила. На самом деле, как я уже сказала в начале, до папы мне не было дела. Не знаю, связано ли это с тем, что маме на него тоже было наплевать, или с тем, что я про него почти ничего не знала, но факт оставался фактом: тёплые чувства, которые испытывал Стас, были мне далеки. Прятать камни среди земли я решила в первую очередь ради самого Стаса.

Должно быть, он нравился тогда мне, и эта искренняя влюбленность и заставляла меня радоваться тому, как он ждал меня после каждого школьного дня, радоваться тому, как я наблюдаю за его уверенным шагом среди кукурузных ростков, следуя за ним, а сердце бьётся отчетливо, как часы.

Примерно в то время я заметила, что он совсем не похож на отца с фотографии. Именно тогда я много думала о своей белизне, я упомянула отсутствие сходства Стаса маме, и она в первый раз заставила меня замолкнуть. На тот момент я подумала, что это, должно быть, правда, неважно, и не думала, что снова подниму эту тему. Время показало, что так не сложилось.

Обычно Стас хранил все камни сразу в поле, и мы собирали их из одной точки и разносили по другим. Камни эти, конечно, неизбежно кончались, и нам нужно было собирать новые и красить их. В тот вечер мы набрали камней и должны были пойти к нему, чтобы нарисовать стрелки на них. Дома никого не оказалось, что было нередко, ибо его мама работала, и поэтому мы просто поднялись к нему в комнату. Пока мы нарисовали стрелки и дождались, когда они высохнут, прошло чуть больше часа. Мы торопились разложить хоть несколько до темноты, поэтому, выскочив на кухню, которая вела к входной двери, мы не сразу заметили, что мама Стаса вернулась. Она болтала с Адилем Бахытовым, отцом семьи Бахытовых. Тот держал кружку с чаем в руках, и в целом не казалось, что он заглянул на секунду. Мы посмотрели на них во все глаза, опешив.

– Куда это вы идёте? – спросила тетя Нина, улыбнувшись.

– Мы делаем папе карту в поле, – протараторил Стас, хватаясь за дверную ручку. Я заметила, что Бахытов тоже мягко улыбнулся, разглядывая Стаса. Последний смерил его взглядом и неожиданно чуть не крикнул:

– А вот Любовь тоже в это верит! Её папа тоже придёт из поля, как и мой папа!

Он повернулся ко мне и у него были совершенно дикие глаза:

– Так ведь?

Я поспешно кивнула. Взрослые смерили нас взглядом, всё ещё немного улыбаясь.

– Хорошо, малыш, – наконец сказал дядя Адиль.

– Я не малыш!

Стас резко открыл дверь, схватил меня за руку и потянул так сильно, что я не успела среагировать. Через мгновение мы были на улице, в подступающей морозной ноябрьской ночи. Стас направился в сторону поля, не оборачиваясь на меня, и я последовала за ним.

– Ты чего? – выкрикнула я пару раз, пока мы шли, безуспешно пытаясь нагнать его. Он не отвечал. Стас посмотрел на меня, только когда мы дошли до

поля. Он остановился и сбросил сумку, полную камней, с плеча. На его смуглом лице были слёзы, крупные и яркие, как блёстки.

– Ты чего? – снова как-то глупо спросила я.

Вместо ответа он потянулся и обнял меня. Мы простояли так, наверное, минут десять, пока он плакал, а я неловко гладила его на спине.

В тот вечер я подошла к маме сразу, как добралась домой. Она готовила, и я встала совсем близко к ней, заявив:

– Стас и дядя Адиль – совсем на одно лицо. Как это объяснить?

Мама поставила на стол огурец, который чистила шинковкой, и в первый и последний раз за всю мою жизнь, дала мне пощечину. Я была в таком шоке, что даже не вскрикнула. Пока я держалась за свою щеку, не от боли, а от удивления, мама громким шёпотом сказала мне снова, что так нельзя говорить. Тетя Нина – приличная женщина, объяснила она, и мужа при жизни очень любила, а когда он умер, ей было невероятно сложно, так сложно, как я никогда не пойму. И дядя Адиль, мол, её поддержал, такое случается, даже у семьянинов. Они все – очень хорошие люди, и мне тоже стоит быть хорошей девочкой и не вертеть перед всеми своими мнениями.

Хотя мне хотелось бы сказать, что именно это отвратило меня от общения со Стасом, это было не так. На меня сильно повлияло то, что мне сказала Наташа буквально на следующий день.

– Не могу поверить, что ты до сих пор ходишь со Стасом в поле, – строго заявила она, увидев меня с утра.

– А что в этом такого? – хмыкнула я.

– Ты с нами совсем не играешь больше.

Я ничего не это не ответила, и тогда Наташа сказала:

– Ты вообще знаешь, что он меня звал с ним раньше тебя?

У меня всё похолодело, но я не обернулась на неё. Я притворялась, что рисую на полях тетради по математике.

– Именно! – продолжила она. – Так что не вижу, почему ты так цепляешься за него. Он бы тебя на любую другую безотцовщину променял.

После этой фразы то ли начался урок, то ли её кто-то окликнул, но так или иначе разговор закончился. Я старалась убедить себя, что мне всё равно, только сильнее чиркая на полях тетради. Тем не менее, когда закончился школьный день, я подошла к Стасу, ждущему меня, как обычно, у входа в школу.

– Почему ты веришь в это? – выпалила я, надеясь, что мой голос не дрожал. – Вроде такой умный, а ты вот... ты – как маленький!

Раскрасневшись от испуга и гнева, я бежала, не оборачиваясь. Примерно в течение недели после этого Стас старался подойти ко мне в школе, что-то разъяснить, но я игнорировала его. Смертельно обиженная, я вернулась в компанию, в которой была Наташа. Со временем всё забылось, и мне даже стало как-то стыдно, что я так вспылила на Стаса. Стыдно настолько, что я даже не набралась смелости извиниться.

Мне кажется, что я бы так и забыла про всю эту историю, если бы не обстоятельства, при которых я видела Стаса последний раз. Это было почти через десять лет после нашего последнего разговора. Мне было семнадцать, и я возвращалась домой поздно вечером. Это была ни то дискотека по поводу окончания учебного года, ни то свидание, не могу вспомнить, но по дороге домой я шла одна.

Пройдя мимо дома Бахытова, я заметила, что у них горел свет в гостиной, и из окна был виден Стас. Я не могла разобрать, о чём был разговор, но понятно было, что Стас кричал, возможно, плакал. Застыв, я наблюдала за этим некоторое время. Скоро Стас выбежал из дома, хлопнул дверью. Дядя Адиль вышел за ним, крича вслед его имя, но Стас пронёсся мимо, прямо как в тот день, который мы провели вместе. Он завернул в соседний, свой двор и скрылся внутри дома.

Уже назавтра разошёлся слух, что Стас переехал насовсем. Поговаривали, что он начал учиться в университете, но никто не мог точно сказать. Я пыталась найти его в социальных сетях потом, когда уже сама переехала в большой город по работе, но не нашла. Мне нравится думать, что он просто не такой человек, который активен в интернете. Мне нравится думать, что когда смеются над залетевшими девушками, он не думает о своей маме.

Обещание

Я не могу проходить вдоль Макдональдса, не думая о Шынгызе. В Алматы больших Макдональдсов два – Толе би и на Атакенте, – и мимо одного из них я всегда проезжаю по дороге с работы. Я паркуюсь на территории выставки, потому что у меня там офис и есть пропуск. Когда я выезжаю оттуда, мой взгляд всегда падает на большую М на столбе, смотрящую далеко вперед, как маяк. Пару раз иррациональное любопытство брало верх, и я останавливалась у летника, заглядывая в окна, но не заходя внутрь.

* * *

Район, в котором мы с мамой жили в семидесятые, на сегодняшний день считается чем-то вроде центра города. На Абая-Фурманова стоят всякие разные кафе, которые мы в детстве даже не могли бы себе представить. На первом этаже подъезда, в котором была квартира моего детства, например, сейчас китайский ресторан. Во время недавнего моего приезда я уговорила-таки маму туда сходить. Мама морщилась, поклевав утку в кисло-сладком соусе, и сказала, что на вкус она как шина.

Совсем рядом с этими кафе – огромный парк. Я там почти не бываю, но моя мама всё ещё живёт там, в квартире, в которой я выросла, и иногда мне доводится её навестить. В такие дни мы, бывает, заглядываем в тот самый парк. В моём детстве там были деревья и трава, желтеющая с первых дней сентября, а теперь – инсталляции и маленькие современные ларьки с варёной кукурузой и мороженым, сделанным из шубата. Даже есть фонтан из белой мозаики с извилистыми краями, круглый год прохладный на ощупь.

Совру, если скажу, что меня не пробирает, когда дома я смотрю на свои старые игрушки и рваные книжки. Каждый раз поражает, каким маленьким всё кажется по сравнению с тем, каким было. В детстве я, как многие, думала, что обладала неоспоримой объективностью в вопросах, касающихся чего угодно. И осознавать, что, например, вещи, которые мне казались огромными, в реальности являются от силы среднего размера, было как минимум странно.

Сильнее всего на меня так влиял двор у многоэтажки. С обратной стороны от шумной дороги, он был крошечный, и из окна выглядел как спичечный коробок. Несколько раз, особенно по вечерам, мы с мамой выходили на прогулки и в итоге оказывались в том дворике. Она не влезала в старые качели, железные, с линяющей краской, а я всё ещё помещалась. Мама смеялась по этому поводу и говорила:

– Ты всё ещё совсем щуплая, как пацан.

Этот двор – единственное, что я помню из семидесятых. Я пошла в школу ровно в 1980-м, хотя была хилая и шестилетняя. Мама говорила, что надо поскорее десять классов окончить и найти работу, чтобы я могла помогать ей деньгами. Спорить я тогда не могла, да и смысла не было. Так что всё дошкольное детство я провела в этом дворе.

Детей в этих многоэтажках жило много, и я помню, как меня часто не хотели брать играть. Я была, правда, тоненькая, как бумажка, и дети, особенно Адиль, местный заводила, говорил, что я с ними не справлюсь.

– А что, если тебя ветром унесёт? – смеялся Адиль, затачивая кончик палки пыльным камнем, подобранным у дороги, – или дождь пойдёт, и ты в луже утонешь?

Как правило, меня такое обижало, но я всегда притворялась, что мне всё равно. Когда дети, собравшись в одну кучу, куда-то убегали (они обычно играли в войну), я оставалась во дворе. Я набирала воду (из арыка, помню, какие они были тогда глубокие) и строила замки в песочнице. Именно так я познакомилась с Шынгызом.

Увлечшись архитектурой очередного королевства, которое я лепила своими маленькими пальчиками, я не заметила, как он подошёл к песочнице почти вплотную. Подняв на него голову, я осознала, что он очень внимательно и напряжённо наблюдал за мной, хмурясь из-под очков в тонкой оправе. Я испугалась, что он разнесёт мои замки (как было несколько раз до этого с другими детьми), и инстинктивно прикрыла их ладошками.

– Не ссы, – великодушно сказал он на это, – я как раз пришёл глянуть, что ты лепишь.

– А ты разве с ребятами не играешь в фашистов? – с недоверием спросила я.

– Они неинтересно играют, – равнодушно ответил он и подсел ко мне рядом. Должно быть, за ночь до того дня был дождь, потому что я точно помню, что вся песочница была кирпичного цвета от мокрого песка. Шынгыз сел по-турецки справа от меня, и я подумала о том, что носки у него белые-белые, как ручка-корректор, и что песок к ним точно пристанет.

– Ну? – нетерпеливо добавил он, – расскажешь?

Всё ещё удивленная компанией, я начала рассказывать ему про мои дворцы, и какие принцессы и королевы там живут. В середине моего города даже было длин-

ное углубление, которое я залила водой, и это служило мне речкой, чем я неимоверно гордилась. Шынгыз же остался не впечатлен.

– Что это за окна у тебя? – поинтересовался он.

Вместо окон я прилепила гравий в наружные стены замка. Мне казалось, что они укрепляют структуру и выделяются. Отчасти так и было, но каждое окно отличалось от другого и ни у какого из зданий не было ни намека на симметрию.

– Давай я тебе нормальные вырежу.

Он достал из кармана нож-бабочку и вывел тонкими линиями несколько окон моим замкам. Никогда раньше не видевшая настоящий, не кухонный, нож, я наблюдала за этим испуганно и с любопытством, как наблюдают за пожаром в соседнем доме.

– Можно посмотреть? – спросила я, когда он закончил.

Он протянул мне нож, закрыв лезвие. Нож, маленький и короткий, был неожиданно тяжёлым и сильно пах металлом, напоминая мне наши домашние ведра. Не то пластиковое ведерко, которым я играла, а большие, настоящие ведра, в которые мама набирала воду для мытья полов и варки овощей.

Когда я вернула ножик, он положил его обратно в карман шорт, гордо улыбаясь:

– Меня зовут Шынгыз. Как Айтматова.

Это прозвучало так круто, что я хотела сказать что-то похожее. «А меня – Алиа, как Молдагулову.» Или «А меня – Марина, как Цветаеву.» Но ни то, ни другое не работало, поэтому я сказала:

– А меня – Жанерке.

– Жанерке? – переспросил он, будто у меня была мотивация врать, – Жаня?

Я кивнула. Он тоже кивнул. До него никто не называл меня Жаня.

То лето было коротким, как и любое лето в таком возрасте. Я каждый день сидела в песочнице, и он приходил ко мне часто. Он по-прежнему вырезал мне окошки ножом, и пару раз он даже принёс пустые бутылки из-под пива, которые мы обклеили липким песком и сделали «кораблями».

Началась школа, но Шынгыз был на год старше, поэтому я его почти не видела. В 54-й, в которой я училась с первого по одиннадцатый класс, было почти тысяча учащихся. Переходя из класса в класс, я всегда вглядывалась в толпу, надеясь заметить его, но этого почти никогда не случалось. А те разы, когда я-таки видела его или даже перемолвливалась с ним словом, были настолько незначительны, что сейчас я их едва помню. Шынгыз и я существовали летом и только исключительно летом. Каждый год, с каждым последним звонком, мы неожиданно становились настоящими, и это длилось три долгих месяца.

Летом после четвёртого класса мне казалось, что мир – мой. Мне тогда было полных одиннадцать лет, и предстоящий пятый класс обещал отрочество, сладкую молодость, загадочное будущее. Шынгыз, который уже отучился в пятом классе, был для меня незаменимым авторитетом. К тому времени мы сменили места наших встреч. Мне больше не хотелось играть с соседскими детьми (да и их компания распалась, насколько мне казалось), потому что у меня были школьные друзья. И Шынгыз.

Мы завели привычку ходить на долгие прогулки по Площади Республики. Это было совсем недалеко от наших квартир, и на Площади росли липы. У лип были огромные листья, которые пахли свежо, как, должно быть, только эвкалипты пахнут. Как сейчас помню тонкие дороги, пронизывающие парк, все покрытые тенями от деревьев, словно пятнами.

В то время Шынгыз в первый раз заинтересовался уличным искусством. Одни из его друзей постарше подарили ему баллончик краски, привезённый из-за границы, и он таскал его везде. Это был удивительно-прекрасный баллончик, чёрный, гладкий, блестящий, как козам, с английскими буквами. Иногда Шынгыз проводил струёй из баллончика по гравию, и подавал мне тот, который был наиболее покрыт тёмно-серой краской. Я хранила эти камни, прятала их у себя в шкафу.

То лето было первым разом, когда он исчез на несколько дней. Я звонила ему на домашний, и никто не отвечал. В один из таких дней я сидела во дворе, который был полон уже других дошкольников, и ждала непонятно чего. Я ждала и ждала, и день подходил к концу, растворяя всё в темноте ночи.

На следующий день он ждал меня как ни в чём не бывало в парке. Я увидела его издалека и у меня часто-часто забилося сердце.

– Где ты был? – спросила я сразу.

Шынгыз как-то криво улыбнулся, смотря себе под ноги.

– Нигде, – в итоге ответил он.

Всю прогулку я донимала его тем, где он пропадал. Он отмахивался от моих вопросов, всё пытаясь сменить тему. Несколько раз он сувал руку себе в рюкзак, ища там что-то, но ничего не доставал.

Поняв, что я не брошу свои расспросы, он признался, что его арестовали с несколькими друзьями за граффити. На легальном языке это называется «вандализм» или «хулиганство».

– Я среди нас был самый младший, – добавил он с какой-то непонятной гордостью.

Неожиданно мне стало ясно, что я даже не знала, что ему сказать. Я не могла поверить, что человек взрослый, пятиклассник, может так тратить свою жизнь. Мне думалось о маме, которая при каждом случае говорила, что нужно помогать ей деньгами, временем, но преимущественно деньгами. Я не могла представить себе, что бы я делала, если бы меня арестовали. Но ведь это был мой Шынгыз. Я не могла его отпустить. В конце того лета он также растворился в осени, как и всегда, и мне было проще не думать о нём.

К следующему лету, когда я окончила пятый класс и не набралась мифической мудрости, о нас стали ходить слухи. Ничего серьёзного – просто болтовня соседских бабушек – но этого хватило, чтобы однажды мама поймала меня, возвращавшуюся домой после очередной прогулки.

– Этот твой Шынгыз? – спросила она. – Что там?

У меня застыла каждая мышца на теле.

– Ничего? А что?

Мама молчала. Часы в гостиной тикали.

– С такими как он лучше не связываться, – сказала мама.

Я кивнула и ушла в себе в комнату. И резко, неожиданно заплакала.

Сейчас мне кажется, что, возможно, поэтому я и не пыталась заговорить с Шынгызом в школе. Возможно, я даже избегала его, если видела его в школьных коридорах или казалось, что вижу. Но память изменчива, и, может быть, сейчас я вру себе, что мы не виделись, не пересекались. Что не было случая. Что всё было случайностью.

Последнее лето, которое мы провели вместе, было лето 1989 года. Я помню его плохо. Мне было пятнадцать лет, и у меня намечался десятый, мой последний класс в школе. Шынгыз был уже выпускником, и на все мои вопросы о её будущем он избегал ответа.

Однажды вечером мы сидели в том самом дворе, на тех самых качелях. Был конец июля, было очень душно, и жарко, и пыльно, хоть не так пыльно, как бывает сейчас.

– Ты знаешь, что в Москве открылся первый Макдональдс? – неожиданно спросил он.

Я не знала.

Он отвёл взгляд от меня куда-то наверх, в тёмное небо. Я помню, что у него был подбитый глаз, и этот синяк он получил в какой-то драке.

Тут он неожиданно вскочил, словно понял что-то. Я тоже поднялась, наблюдая за ним.

– Жаня, – он помолчал, меря меня взглядом, – обещай мне, что однажды мы поедem в Москву и я свожу тебя в Макдональдс.

Я сомневалась, что у меня когда-нибудь будут деньги на Москву, но я вместо этого просто кивнула.

– Я свожу тебя в Макдональдс, – снова сказал он, как-то тихо, – и мы возьмём Бигмаки, и картошку, и Колу. Да?

Он взял меня за плечи. Мы смотрели друг другу в лицо, и я подтвердила:

– Бигмаки, и картошку, и Колу.

И тогда мы впервые поцеловались. Это был мой самый первый поцелуй, сухой и длинный, будто не настоящий. Я дрожала всем телом, как при лихорадке.

Когда Шынгыза посадили за поножовщину через считанные дни после этого, никто не был удивлен. И я не была. Ведь даже то, что я испытываю, проходя мимо Макдональдсeв сейчас, – не удивление. Я просто сдерживаю обещание.

Темень,
или
Антонине,
или
Неизменно снова письмо

Школа, в которой училась Тоня, лежала по дороге на кладбище. Это была единственная дорога туда, потому школа стояла почти в горах, и подбираться к ней по-другому было невозможно. Кладбище (преимущественно мусульманское) лежало по левую сторону, издали почти незаметное среди сорняков, собранное из чёрных и коричневых надгробий.

– Мама, – спросила меня как-то Тоня, – а тетя Поля тут лежит?

Она была первоклассницей, и я удивилась, что она не спала. Обычно в дороге, ещё совсем тёмной, особенно зимой, её было не растолкать. Даже добравшись в школу, она отказывалась вставать, и в какие-то дни мне нужно было на руках её доносить до класса.

Я не могла обернуться на неё – страх того, что другие водители будут очень неосторожны и врежутся в нас по встречной никогда не покидал меня – но я не слышала в её голосе ничего, кроме искреннего любопытства. Ни обвинений, ни порицания.

– Я не знаю, где тетя Поля лежит, – ответила я мягко.

Этого ответа, должно быть, хватило Тоне, потому что по приезде в школу она спала, как всегда. Припарковавшись, я забралась к ней на заднее сидение и погладила по голове. Смуглая и темноволосая, она была больше похожа на пришелицу, чем на человека по имени Антонина, а тем более на мою дочь. На родительских собраниях другие взрослые неизменно удивлялись нашему родству, с любопытством заглядывая в моё бледное веснушчатое лицо. Кто-то шутил по поводу того, что Тоня, наверное, вылитый отец, и я всегда мягко улыбалась в ответ. Это невидимое родство было не единственное, чему удивлялись родители: на каждом собрании было видно, что я самая молодая.

Тоня раскрыла глаза, когда я уже собралась нести её на руках. Вокруг её век были засохшие остатки ночных слез, какие бывают утром у всех, а остаются только у тех, кто не умывается. Я хотела настоять на том, чтобы проводить её в уборную до урока, но не стала. Я неясно ощущала, что со временем Тоне становилось всё бо-

лее стыдно, что я была с ней в школе каждое утро – даже в первом классе давление ровесников быть уже не маленьким, закаляло.

Мы выбрались из машины, и Тоня, всё ещё с помятым лицом и взъерошенными волосами, улыбнулась, помахала мне рукой, и скрылась в здании школы. За ночь не выпало нового снега, и я стояла одна в январском морозе рядом с тёплой машиной на сером снегу. Подъезжали другие родители, в школу заходили другие дети, почти все выше и старше, чем Тоня. Солнце постепенно вставало, и чёрное небо серело, как дорогая мебель, покрытая пылью. Я бесцельно наблюдала за школьным зданием ещё несколько минут и потом уехала, не оглядываясь.

Я работала репетитором по французскому, и часы работы у меня были нестабильные, поэтому большую часть времени я сидела дома. У меня нет и никогда не было хобби помимо долгого, бессмысленного письма. Из соображений экономии я не включала отопление, когда Тони не было дома, поэтому обычно, возвращаясь домой, я закутывалась в свитера и шали, накинув одеяло на ноги. Я писала карандашом на дешёвой бумаге, которую мы брали в магазинах «Аида», неровными линиями. Неполучившиеся предложения я вычеркивала, а не стирала, так что все мои листы были в пепельных шрамах. Совсем недавно я раскопала эти записи, и мне стало неожиданно стыдно от того, каким тогда было моё письмо. Не совсем потому, что само качества письма весьма страдало (а это, определённо, было так), а скорее потому, что почти всё, написанное мной, так или иначе вертелось вокруг Тимура. Поэтому я была рада, что единственная, кто видела мои тогдашние работы, была Полина. И смотря сейчас на эти бумаги, я вспоминаю её с особенным трепетом, передать который могут только другие записи, передающие мою максимально точную память её.

Несмотря на то, что я наполовину русская и наполовину немка, мои родители по какой-то причине посчитали важным вырастить меня как настоящую восточную женщину. Возможно, это было из-за того, что мы жили в Казахстане, а может быть потому, что у меня было три брата и моей семье казалось, что они знают, что нравится мальчикам. Я, честно, не могу точно сказать. Помню только, что с самого маленького возраста меня заставляли носить юбки в пол и били по губам, если я спорила по любому поводу. К тому же в детстве я была, казалось, постоянно простывшей и сухонькой, как миниатюрный старичок. Из дома меня никогда не выпускали, поэтому я постоянно читала и занималась французским по наставлению матери.

Наверное, из-за этого я всегда нравилась восточным мальчикам, не только Тимуру. Почему мне нравился Тимур, я могу сказать.

Он жил по соседству со мной, и я видела его каждый день, возвращаясь из школы пешком. Долгое время он просто наблюдал за мной из-за угла хрущёвки, как правило, куря или играя с перочинным ножом в правой руке. Я проходила мимо, смотря на него аккуратно, стараясь, чтобы он не заметил мой взгляд. Конечно, по мне было понятно, что я разглядываю его, широкого, смуглого, как медная посуда. Он пугал и завлекал меня, как мираж.

В четырнадцать лет я впервые попросилась пойти на школьную дискотеку с подругами. Насчёт подруг я несколько приврала: обычные дети со мной не общались, и я не могу их ни в чем винить. Я, в конце концов, не могла никогда толком поддерживать разговор. Но на дискотеку мне пойти хотелось (отчасти, чтобы как-то исправить своё жалкое социальное положение), и родительский отказ немного сломал меня. Помню, как я просидела весь вечер у окна в гостиной, наблюдая за светом фонарей и фар мимо проезжающих машин, думая о том, что упускаю.

С Тимуром я познакомилась сама. По дороге из школы я подошла к нему, курящему, как всегда, на углу хрущёвки.

– Я вижу, что ты всегда смотришь на меня, – сказала я ему тогда. Именно эту фразу я сейчас вижу на многих из моих листов. Не могу сказать, задумывала я это как стихи в верлибре, или какое-то эссе. Оно просто есть, и моё понимание его должно существовать отдельно.

Как-то так мы начали общаться. Совсем скоро я научилась убегать из дома после темноты, когда вся семья ложилась спать. На следующие дни я была жутко невыспавшейся, неимоверно счастливой. Тимуру было девятнадцать, и он водил свою «ладу». Я была в девятом классе. Мы катались по ночному городу, и, если признаться, я до сих пор вспоминаю эти ночи с теплотой, по-детски искренней теплотой, такой, какая бывает, когда в первый раз пробуешь пломбир или заживает кровавая ранка.

Когда говорят о подростковой беременности, люди представляют очень конкретное человека, я думаю. Я встречала столько людей, которые изначально относились ко мне как к наркоманке, как к неформалке, как к отбросу общества. Никогда не забуду взгляды, которые я получала от совершенно незнакомых мне людей. Есть мало вещей, которые хуже беременности в подростковом возрасте, но даже сейчас я не могу их тут расписать. В одной из своих записей я выписала, наверное, тридцать вещей хуже беременности. Это, как сейчас помню, была первая работа, которую я показала тётке Поле, соседской старушке, которая приютила меня после того, как мои родители меня выгнали из дома. Я подала ей этот листок, составленный мной на шестом месяце беременности, когда я уже была круглая, как бочка. Тетя Поля надела очки и долго-долго смотрела на этот листок.

– Я, конечно, не литератор, – подытожила она тогда, – но мне кажется, тебе нужно писать всю жизнь.

Мы жили на пенсию тёти Поли, и, как Тоня родилась, я нашла себе работу репетитором. Мы жили вместе, как маленькая семья.

У тёти Поли самой детей не было, как и мужа. Она говорила, что никогда не хотела и что ей никогда не нравились мужчины. В этих её словах не было никакой злости ни на конкретных мужчин, ни на патриархат в целом, это просто звучало как факт или как что-то, на что не обращают особого внимания. «Смотри», могут сказать, «дождь собирается». Или: «клубника – мой любимый фрукт».

Тоня тётю Полю помнит совсем чуть-чуть, потому что ей было четыре года, когда тётя Поли умерла. Старость беспощадна, но предсказуема. Я оплакивала тётю много тогда, и оплакиваю до сих пор. Похоронили мы её на единственном кладбище – том, которое было видно по дороге до Тониной школы.

И, смотря сейчас на эти бумаги, вспоминая дни, когда я забирала Тоню из школы и привозила её обратно в квартиру тёти Поли на машине тёти Поли, я снова неизменно хочу писать, не столько потому, что жизнь циклична, сколько потому, что этой цикличности не избежать.

Татьяна Филиппова

Аглаонема

Я рассказываю Ане, что подписалась на страницу цветочного магазина в инстаграме.

Возможно, мне удастся больше узнать о растениях, говорю я.

Каждый день продавцы этого магазина выкладывают в сторис фотографии растений в горшках. По одному они вытаскивают цветы на лестничную площадку, туда, где больше света и не так тесно, и фотографируют. Надписывают сверху название, цену. Некоторые я уже видела у кого-то раньше, некоторые я сохраняю себе на телефон, чтобы потом, возможно, когда-нибудь нарисовать.

Изо дня в день мой взгляд скользит по выставленным цветам. Я говорю Ане, что хочу встретить «свое» растение. Я верю в любовь с первого взгляда. «Лилии говорят: я осмелилась тебя полюбить». Эта фраза взята из лесбийского ромкома, снятого в начале нулевых. У одной из главных героинь – маленький цветочный магазин.

Невольно я сравниваю цветы с женщинами. Я спрашиваю себя, не эротизирую ли я отношения со своей новой знакомой, и боюсь, что где-то глубоко в этом сравнении таится бледная тень «вечной женственности».

Мне кажется, я вижу растения такими, какими должна – свободными от человеческих представлений. Я гуглю их латинские названия, примеряю на них как платья: подходит – не подходит.

В энциклопедии мне бросается в глаза фотография арктического цветка, пушицы влагалищной. Название приводит меня в восторг, я делюсь находкой с друзьями: «Пушица растет на Севере, ею питались древние мамонты!» Мне кажется, что лежать на поле пушиц – всё равно что лежать на облаке. Я фантазирую, что лежу на нём голый.

Обращаю внимание на образы растений в поэзии и в прозе. Помечаю себе, что Оксана Васякина тоже любит растения. Они присутствуют и в её романе: героиня «Раны» обживает с их помощью окружающее пространство, возвращает себе утраченные после смерти матери значения.

Я повторяю, как попугай, что растения уникальны. Один цветок, на котором я задерживаюсь дольше обычного, учит меня этому. Этот цветок – аглаонема. У неё красноватые стебли, и она напоминает меня в юности, когда я носила длинные свекольного цвета волосы под кепкой, майку под бенеттоновским пиджаком, подвёрнутые джинсы, маленькие конверс – типичная дайка.

Я рассказываю об этом Ане. Она предлагает мне купить этот цветок. Я отказываюсь. Он ядовитый, говорю я.

Но аглаонема не выходит у меня из головы. Я читаю о ней в Википедии, где говорится, что у неё длинное листовое влагалище. Я спрашиваю у Ани, длинное ли оно у меня. Мысленно разглядываю себя там и нахожу, что мои малые губы похожи на листья аглаонемы.

Я вспоминаю, как шла по улице и встретила друзей детства. Это была одна из тех редких встреч перед тем, как наши пути окончательно разошлись. Мы долго не виделись, и оба моих друга смотрели на меня не так, как прежде. «Ты очень изменилась», – наконец сказал кто-то из них.

Я знаю это; я – молодая красная аглаонема, и мои листья ядовиты. Весь мой вид – призыв, обращенный не к вам.

Я думаю о том, что купить этот цветок было бы хорошим окончанием этой истории. Я представляю себе, как звоню в магазин и прошу продать мне аглаонему. Я уточняю, что мне нужен тот самый цветок, с красными листьями, с фотографии в инстаграме. Мне говорят, что та фотография была сделана давно и листья этого цветка красные уже только по краям. «С возрастом они меняются», – печально сообщают мне.

Но я всё равно покупаю этот цветок, ведь я тоже уже не та молодая аглаонема.

В этот момент для меня становится неважно и то, что я совершенно не знаю, как ухаживать за цветами. Мне кажется, что я научусь. Я читала, им не нужен особый уход. Я ставлю аглаонему на свой рабочий стол возле рисунков дочери, отпечатка ноги сына и годами наблюдаю за тем, как её листья темнеют, а потом становятся окончательно зелёными.

Но в действительности ничего из этого не происходит. То, как я рисую будущее, – в этом есть какая-то знакомая стратегия – мыслить себя, свою жизнь как уже сыгранный нарратив.

Аня говорит мне, что пора что-нибудь предпринять. «Нам не хватает денег», – говорит она. В тот же вечер я актуализирую старое объявление о продаже родительской дачи.

Одно лето, когда я лежала на даче и читала «Женщину французского лейтенанта», а мама приезжала ко мне после работы, и мы ели салат из свежей редиски, мне запомнилось. Душ был в предбаннике на лестнице, ведущей на второй этаж, вода брызгала на стволы деревьев, которые росли через дом.

Затем дом сгорел.

Когда-то я мечтала построить на месте сгоревшего дома большое кирпичное здание, наподобие тех, что встречались мне на фаунде – я часто там сидела, разглядывая фотографии – старинные дома с высокими потолками, пыльные Порше, идеальные бархатные туфли. Тогда же я сохранила себе изображение одного дома: верхний этаж резко выступает вперед, будто кит перед броском; над домом раскинуто звездное небо, рядом растет нежное деревце.

В 27, когда я залезла в ипотеку и купила квартиру, мне показалось, я приблизилась к своей мечте. Я покрасила стены в цвета, которые мне нравились, организовала в большой комнате подвесную систему, чтобы менять картины по настроению. Даже теперь, когда из-за переездов чувство дома фактически утрачено, я всё

ещё держу в голове тот несуществующий дом с небрежно лежащими фотоальбомами, аккуратно расставленными предметами искусства, то звездное небо и то дерево.

Сложность не в том, чтобы понять, что реально, а что нет, а в том, чтобы изменить себя.

Строя в своём рассказе препятствия для своей героини, одно за другим, я даже не замечаю, что не сопротивляюсь ранее созданным установкам. Простая мысль, что невозможно что-то сделать своим, теряется под натиском желания обладать.

Я откатываю назад.

Я рассказываю Ане, что подписалась на цветочный магазин в инстаграме.

Я хочу больше узнать о растениях, говорю я.

Розалия Шамсудинова

Жемчужная

Мои цыганские женищины

Родные. Далекие

Потёртые обои в старой советской квартире, стоический запах прошедшей эпохи и маленький красный оазис из цветов, редких в глубинке для этого времени года, в чуть сколотой по левому краю вазе. Ваза, когда-то лазурно-чистая, словно воды на побережье Керри, служит отголоском памяти у старой хозяйки квартиры, что в молодости своей слыла небывалой красавицей в большом цыганском таборе. Звали цыганку Лилой.

О таланте Лилы слагали легенды, ибо голос темноволосой был известен за много городов вперёд. Лила умела петь так, что брала за душу даже самых упертых гордецов, не признающих никого кроме себя, вселяя нечто прекрасное в их чуть почерневшие сердца. Сколько мужчин погубила Лила своим голосом, пока не встретила своего Ваню, одному Богу известно! Сколько женских проклятий услышала на свою голову!

Но, даже сейчас, когда от молодости её и женской прелести не осталось и следа, обладательница чарующего голоса всё равно не переставала петь, пусть иногда тихо, совсем незримо, но всё равно не переставала. Правда, было это совсем по-другому, по-домашнему, что ли... слов объяснить не находится. А раньше! Сколько людей зазывала цыганская чаровница на свой зов!

– Когда была я, солнцеликая, молодой, как ты, с сёстрами вместе пели мы в таком ансамбле, что звали нас даже в саму столицу петь! – промолвит седовласая в этот миг, взирая на старшую внучку, потянувшись к ниткам с рукоделием скрюченными руками. Ах, какие же были времена! – и тётка твоя, Рада, такой плясуньей была, что сам Сатана любил танцевать в её такт, ей-богу. Была...

Не часто вспоминала Лила сестрицу-затейницу, ибо кроме печали и горечи ничего ей это не приносило. Память, будь она неладна, и вовсе стирала образ сестры шаг за шагом, крупница за крупницей, грозясь отнять у Лилы то единственное, что хранила цыганка в чертогах памяти тщательнее всего.

Эх, просторы цыганские! Эх, земли гордого народа! Не ведают страха цыгане, опаски не знают. По своим законам живут, честь охраняя от тех, кого именуют гаджо, от ч у ж и х, кто смотрит на цыган с опаской, совсем их образа жизни не понимая. Цыгане дышат свободой и свободой живут, в каждом движении страстного танца, в каждой мелодии из уст жарких, словно Адово пламя, цыганок, в разноцветных юбках и золотых украшениях, отстукивающих веселый ритм при ходьбе.

Рассказать тебе, гаджо, что стало с Радой-цыганкой, чьи локоны, словно сама арабская ночь, были как смоль черны? О, знал бы ты, гаджо, как же красивы были её уста, алые, словно самая спелая вишня, словно созданные для того, чтобы радовать статного цыгана в ночи, когда страсть берёт над влюбленными верх. Сколько простыней должно было под ней стекаться, в ночи те, когда начинается в чреве плодородном дитя, да только выбрала Рада судьбу иную.

– Убегу из табора, артисткой стану! – перебирая локоны сестрицы Лилы, любила говорить темноволосая. Заплетая тяжёлые косы сестры разноцветными лентами, всё говорила и говорила, что хочет судьбу другую. Не хочет рожать, а потом состариться раньше времени, отдав все соки свои дураку-цыгану, что не поймет никогда её, Радиных, порывов. Мать Рады была из ч у ж и х, из гаджо, но долю цыганскую приняла и даже больше цыганкой стала, чем те, кто был цыганкою по рождению, да только не смогла уберечь ясноглазая Люцита дочку свою красивую.

– Кому ты там будешь нужна, милая? – в ту последнюю ночь, еле шепча, словно боясь речей собственных, молвит сестре Лила, перебирая складки на зелёном, словно спелая зелень, платье. – Не примут же тебя обратно! Или ещё хуже...убьют!

Словно гром среди ясного неба будет звучать смех цыганки, что, кажется, смерти и земле холодной будет рада больше, чем участи традиционной, женской.

Ай, ромалэ, катар тумэн авэн
Лэ церенса бахталэ дромэнса
Ви ман сас у бари фамилия
Тай мудардя э кали легия.

Вот сёстры, спрятавшись среди травы высокой, медленно запевают, голосами полными горечи от разлуки скорой. Солнце – огненный шар – садится над ними, и младшая Лила засыпает. Табор, чуть отдаленно стоящий, живёт своей жизнью, у кибиток суетятся дети и варится поздний ужин. Не сразу заметит отец большого семейства пропажу дочери старшей. Уходит Рада. Убегает.

– Разве стоило это того? – спросит у внучки седовласая, тяжело закрыв очи от тяжести воспоминаний.

А Рада Жемчужная прославится быстро. Сцены будет брать овациями полные. Да только семья собственная от неё откажется, не будет ей назад ходу. И И ей... Лиле... с сестрицей видаться запретят, хотя кого гордая цыганка будет слушать, на концерты сестры любимой часто похаживая.

Жестока судьба женская. И та, в которой могут жить и творчество, и судьба традиционная, выбрать должна что-либо одно. Вот они, две сестры от одного отца, но разных матерей в мир пришедшие, жизни прожили совсем разные. Одна стала матерью шестерых детей, да только жар души своей вынуждена была спрятать так глубоко, что в кругу семьи, да и только, слышны её отголоски. А другая... жизнь прожила яркую, в софитах отблесках, да только какого в этом мире женщине без семьи...

– Ты пойді, мясо разогрей, отец скоро будет, мужчин пора кормить, – скажет внучке Лила, отложив и своё рукоделие. – Что сидеть без дела и зря языками молоть, сделанного не вернуть.

Женщина, медленной поступью, привстав с небывалой донине тяжестью, идёт на кухню вслед за внучкой. Дела в хозяйстве у матери большой семьи всегда найдутся. То ли салата горку нарезать, то ли хлеба свежего испечь.

– На тётку посмотреть в субботу ходим, – взявшись за нож, промолвит седовласая.

Работа в руках хозяйских спорится.

– Только деду не говори. Знаешь ты его.

Эйри Асиева

Запах бензина

Девушка поздно возвращалась домой. На ней было лёгкое платье-сорочка, которое едва доходило до бедра, на платье – пятна крови и грязи, а волосы – потными лозами опутывали её лицо.

Её руки тряслись, ноги еле передвигались, тело отказывалось слушаться. Она не помнила событий последних нескольких часов. Только повсюду мерещился резкий запах бензина.

Отошли воды. Её спешно повез в больницу сосед, машину то и дело подбрасывало на выбоинах деревенской дороги. В дороге они застряли почти на час – улицы мегаполиса были забиты. На заднем сидении маленького «фольксвагена» она хрипела и кричала от боли, мир качался, расширялся до гудков машин и придорожных фонарей, а затем снова сжимался до сгустка нервов и спазмов.

Схватки шли долго, до самого рассвета, она просила обезболивающее, но ей сказали, что не положено. Слишком поздно, да и бюджетникам не дают.

Тощая тетка в грязном халате и со злыми глазами кричала на неё:

«Тужься, тужься, не фарфоровая!»

Внутренности будто рвали когтями. Она умоляла, чтобы ей вкололи обезболивающее, иначе сознание отказывалось работать, то и дело гасло, путая её во времени. Прошло два часа или пять минут в этой проклятой агонии? Другая тетка, лицо которой скрывал остро бьющий в глаза свет, кричала:

«Больно рожать? А ноги раздвигать не больно было?!» – и комментировала: «Нашалавят, а потом ишь ты нежненькие какие, больно ей».

Врача в тот вечер, видимо, не было.

Несколько раз от боли она теряла сознание. Держалась из последних сил. Потом она услышала слабый крик ребёнка, и всё закончилось. Она снова отключилась от изнеможения.

Когда она проснулась, то потребовала показать ребёнка. Ей сказали: ребёнок родился мёртвым, повреждения головного мозга при родах, ничего нельзя было сделать.

Она помнила, как плакала и кричала, как просила показать ей тело её девочки, как боль в груди перекрыла боль от свежих швов.

Она помнила, как лежала в палате лицом к стене, слышала сочувствующе-осуждающие перешёптывания соседок по палате. Бедная девочка, всего девятнадцать, да ещё и незамужняя, чем только думала. Ребёнка жаль, конечно.

После этого было несколько дней в бреду.

Она не помнила, как оказалась на улице, но контроль над телом начал возвращаться – сосущим ощущением в животе и пронизывающими промежность и ноги иглами, с каждой минутой всё острее.

Наконец она ощутила почву под ногами, запах бензина и изгибы трассы впереди.

Она подошла к телефонной будке, набрала номер подруги и попросила найти её. Встретить. И снова расплакалась.

А на фоне ночного города горело здание больницы.

Жаба

«Я устала от того, что меня считают чудовищем. Эта клетка, мне так хочется из неё вырваться. Я ненавижу себя. Почему из всех людей именно я превратилась в это? За что мне такое наказание?»

Ах, подростковый возраст. Тревожный ум заперт в теле гадкого утенка. Бурные гормональные изменения делают конечности непропорциональными, а кожу – больше напоминающей место бомбардировки.

Но иногда подростковый возраст буквально превращает тебя в существо из другого измерения.

Твоя левая нога начинает расти, а правая остаётся такой же короткой конечностью ребёнка. Из-за этого позвоночник выкручивается, и лопатка превращается

в горб. Ты складываешься вдвое, пытаешься передвигаться и поспеть за бесконечно удлиняющейся ногой, и вот уже глаза косят исподлобья, а единственное, что можно заметить в зеркале на лице – это падающую на глаза сальную чёлку и выпяченные, обиженно сложенные губы-шлёпки.

Когда ты идёшь, тебе приходится косолапить и перепрыгивать с ноги на ногу. Одноклассники смеются, дразнятся: вместе с прыщами и перхотью на плечах ты – уродка, жаба, а не человек.

Ты закрываешься в своей комнате, чтобы не слышать ругани.

Родители разводятся. Они кричат друг на друга и перечисляют больных родственников семейств, рассказывая, кто виноват в том, что их дочь родилась неполноценной – была нормальным ребёнком, а выросла инвалидкой.

Единственным твоим другом становится интернет-дневник и ролевой форум, где ты придумываешь истории. Там люди боготворят тебя за фантазию, не зная, какое чудовище находится по ту сторону экрана.

Единственным твоим утешением становятся сны, в которых ты сбегашь в другие измерения, тела и истории.

Пока однажды эти сны не становятся реальнее серо-мутного пространства дванадцать, освещённого синевой монитора.

«У разных народов есть легенды об этих существах. Они обитают под водой, и их считают духами хаоса и разрушения.

Одни им поклоняются, другие – их боятся. В легендах их описывают как монстров с одной рукой или одной ногой, мрачно красивых, высоких, с длинными пальцами и огромными пустыми глазами.

Они воплощали одиночество, ночные кошмары, притаившуюся в уголках глаз опасность. Обернёшься – и не увидишь, потому что мозг не сможет обработать картинку, которую поймал за долю секунды.

Лишь холодок по коже и приподнявшиеся на затылке волоски известят об их присутствии».

Одной ночью всё меняется. Во сне ноги и руки сковывают цепи, на грудь садится огромный пёс, из-за которого невозможно дышать. Это происходит на пять секунд раз в неделю. И в уголках глаз, за спиной, ближе к окну и синему свечению монитора, что-то шевелится.

Одной ночью это существо говорит: «Ты не одна из них».

Показывает длинной конечностью на дверь коридора и исчезает.

Переведя дыхание, ты вылезает из-под одеяла, опираясь на стены, и идёшь по коридору. Из окна пробиваются первые рассветные лучи. Ты ждёшь, когда света станет больше. Идёшь в туалет.

Умываешься, сморкаешься, набираешь воды в рот. Смотришь в зеркало.

И раскрываешь рот, выпуская воду и пузырьки в попытке закричать. Из зеркала на тебя смотрит жаба с огромными глазами амфибии, зелёной кожей и чешуйчатыми длинными конечностями.

«На самом деле сон – это настоящая реальность, потому что нет ничего более настоящего, чем то, что происходит в твоей голове».

Камила Ковязина

Где-то в северном Казахстане

Жанар давно не была в родном поселке, хотя с ним у неё были связаны только самые тёплые воспоминания. В отличие своей младшей сестрёнки, она успела познать прелесть жизни в деревне, рядом с лесом и широким, общим, оставшимся после распада колхоза полем, поделенным между всеми жителями. Большинство там сажали картошку, но их мама решила отдать огромный в несколько соток кусок земли под клубнику.

– Ты так любила есть клубнику, – рассказывала она, – Утром я обычно наберу тебе чашку, смешаю с сахаром и сметаной, и ты сидишь на крылечке, кудрявая, маленькая, всё лицо в клубнично-сметанном соке.

Ещё Жанар помнила, как они ходили за грибами в соседний лес и ездили за ягодами на лесопосадки, как она ухаживала за цыплятами и утятами, забирала из стада корову по вечерам. Тогда с мамой ещё было интересно и весело, по дороге они часто пели песни или играли в города, а дома – в «слова» и даже самодельную монополию.

Сестрёнка обычно захлебывается слюной и немного завидует, потому что сама она сходит с ума от маринованных груздей, но пробовала их всего несколько раз в жизни. А всё внимание, которое ей досталось от мамы, было едким и тяжёлым.

Жанар прошла по всё ещё целой асфальтной дороге, вдоль которой раньше стояли аккуратные домики. Вот у этих соседей был велосипед, а у этих она как-то выменяла 4 кедровые шишки на целую упаковку жвачек. Когда она пошла в школу, в селе только появились зелёные квадратики с сильным запахом мяты и гораздо более приятным вкусом, чем гудрон. Мама каждый день клала такой квадратик под подушку, чтобы утром Жанар получала приятный сюрприз. Этого ощущения удивления сестрёнке уж точно не понять – она росла в эпоху изобилия в стране и относительной обеспеченности в их семье.

Кирпичи на рёбрах их старого дома совсем выцвели, побеги вьюна пожухли. Жанар постучалась, но ей никто не ответил. Она толкнула тяжёлую рассохшуюся дверь и поняла, что здесь давно никто не живёт – дом явно давно не проветривали, и запах казался физически ощутимым. В окнах соседского дома также не было признаков жизни. Только в нескольких дворах неподалеку деревья казались чуть более ухоженными, да иногда оттуда слышались голоса.

Поселок практически вымер.

Хотя чему ей было удивляться – они сами уехали отсюда, как только стали уезжать учителя. Ради её будущего родители продали дом, оставив всю мебель, огород и кусок поля, засаженного клубникой, и просто рванули в город. Другие тоже не думали долго, кто-то уехал, как они, в город, кто-то – в Россию, а кто-то даже в Германию.

Школа была единственной ценностью в маленьком посёлке. Но она же оказалась наиболее уязвимой.

Жанар покачала головой – если бы только она оказалась здесь чуть раньше, до того, как здесь остались одни только старики, могла бы она изменить что-то? Могла бы привлечь внимание общественности или найти спонсоров? Вернуть людям веру в деревню и её будущее? Увы, ответа она не знала. Её не было здесь уже почти 20 лет.

Она слишком поздно вернулась домой.

Не пишется

Алиса

Бараньи котлетки

Не пишется.

Алиса составила для меня идеальный поминутный план на день. Она же с утра разбудила детей: старшему поставила джаз, младшей – акулёнка. Помогла вычистить зубы, выдала им костюмы на среду и небольшие ланчбоксы на обед. Сообщила, когда прибыл школьный автобус. Прибрала стол после завтрака. Заложила в комбайн продукты для готовки ужина. Закинула вещи в стирку. Заказала продукты в интернет магазине. Напомнила просмотреть счета.

– У вас всё в порядке, ханым? – всё никак не привыкну, что её голос звучит почти как человеческий. Её отливающие голубым градиентом глаза внимательно посмотрели на меня. – У вас сейчас время для письма, осталось ещё 17 минут до перерыва. Может, вам поставить музыку для стимулирования креативности?

Я молча покачала головой: «Ничего не надо», она деловито и с лёгким, едва слышимым жужжанием продолжила работать.

С трудом оторвав взгляд от её неторопливых экономных действий, посмотрела перед собой. Оказывается, всё это время у меня в руках была электронная ручка, которой я неосознанно разрисовывала планшет. Говорят, что если писать от руки, то это стимулирует мысль и пишется гораздо легче. Но лист планшета передо мной продолжал оставаться пустым. Как и вчера. И два дня до этого.

Не пишется.

Получается, что мне не удаётся даже то, к чему у меня предрасположенность. С самого детства сначала моих родителей, а потом и меня уверяли, что у меня склонности к творчеству, но больше всего к писательству. И весь мой дальнейший путь был построен с учётом этого. Мне разрешили не обращать внимания на квантовую физику и марсологию, робототехнику я изучала только с точки зрения лингвистики, а занятия по зооинженерии я видела только издали, когда из соседнего кабинета сбегала лягушка с лапками мыши. О масштабах креативности зооинженеров я могла догадываться только с помощью своего воображения, ещё немного помогли книги по фантастике.

– Время для творчества закончилось, – педантично сообщила Алиса, она как раз проходила по моему столу минидайсоном. Подумалось, насколько случайно она

оказалась рядом со мной. Может, её великолепный интеллект посекундно просчитал и это?

– Спасибо, Алиса! – решила схулиганить я. – А приготовь-ка мне свежавыжатого сока.

Дело в том, что сегодня сок не был запланирован, и Алисе в такие моменты приходится изменять весь свой план на день. Буквально несколько мгновений машина просчитывала дальнейшие действия из-за изменений в распорядке дня, а затем услужливо сообщила:

– У нас на выбор есть апельсиновый, ананасовый и морковный. Яблочный будет доступен только после обеда, когда будут доставлены продукты.

– Я хочу ананасово-морковный, Алиса.

– Ханым, должна предупредить вас, – ответила она после быстрого гугления, – что это может быть неприятным опытом для ваших вкусовых рецепторов.

– Хочу попробовать сама, Алиса. Выполняй, – не сдавалась я.

Не пишется.

Пока готовился сок, я встала размяться, сделала наклоны вперёд и назад, несколько махов руками, пробежалась на беговой дорожке. Получила свой напиток и практически сразу же вылила его в раковину.

– Ты была права, Алиса. Это пить невозможно. Что там дальше по плану?

– После разминки у вас запланировано чтение, – Алиса включила массажное кресло и вывела на большой экран библиотеку, – Что вы хотели бы почитать сегодня, ханым?

– А давай что-нибудь из классики, Алиса.

– Уточните запрос, пожалуйста. На основе ваших предпочтений я могу предложить вам...

– Включи мне Горького, пожалуйста. «Старуху Изергиль».

Я быстро пробежалась глазами по начальным строкам рассказа, за секунды вспоминая тысячи раз читанные сюжеты, один в одном и за другим. А вот и самая любимая моя часть...

– Слышал ли ты, чтоб где-нибудь ещё так пели? – спросила Изергиль, поднимая голову и улыбаясь беззубым ртом.

– Не слышал. Никогда не слышал...

– И не услышишь. Мы любим петь. Только красавцы могут хорошо петь, – красавцы, которые любят жить. Мы любим жить. Смотри-ка, разве не устали за день те, которые поют там? С восхода по закат работали, взошла луна, и уже – поют! Те, которые не умеют жить, легли бы спать. Те, которым жизнь мила, вот – поют.

– Но здоровье... – начал было я.

– Здоровья всегда хватит на жизнь. Здоровье! Разве ты, имея деньги, не тратил бы их? Здоровье – то же золото. Знаешь ты, что я делала, когда была молодой? Я ткала ковры с восхода по закат, не вставая почти. Я, как солнечный луч, живая была и вот должна была сидеть неподвижно, точно камень. И сидела до того, что, бывало, все кости у меня трещат. А как придёт ночь, я бежала к тому, кого любила, целоваться с ним. И так я бегала три месяца, пока была любовь; все ночи этого времени бывала у него. И вот до какой поры дожидка – хватило крови! А сколько любила! Сколько поцелуев взяла и дала!..

Сердце ёкает, как и в первый раз, да и в предпоследний, что-то неуловимое и недостижимое для меня кроется в этих словах. Что-то узнаваемое, но как будто издавека, эхом, словно не моя память. Мама говорила, раньше многие люди работали. Вставали рано утром, ходили в разные здания, похожие на наш заброшенный «бизнес-центр» и целый день делали что-то, кто на компьютере, кто за станком. Горький жил ещё раньше, и в то время люди и вовсе занимались тяжёлым ручным трудом. Не представляю, как после этого захочешь делать ещё что-то.

Даже мне со всеми моими условиями не пишется.

– Алиса, расскажи, как раньше писали книги?

– По вашему запросу найден 1 миллиард результатов. Показать вам самые распространённые?

«На чём писали в древние времена», «Как появилась первая книга», «На чём писали разные народы» – это всё не то, не то.

Какая ирония, я даже не знаю, как сформулировать запрос. Я долго думала, прежде чем ввела следующий вопрос.

– Чем вдохновлялись писатели?

– По вашему запросу найден 1 миллион результатов.

– Спасибо, Алиса, – я открыла первую попавшуюся ссылку.

Агата Кристи (1890–1976), уже издав десяток книг, в анкетной строке «род занятий» указывала – «домохозяйка». Она работала урывками, не имея ни отдельного кабинета, ни даже письменного стола. Писала в спальне за умывальным столиком или могла примоститься за обеденным столом в перерывах между приемами пищи.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд (1896–1940) свой первый роман «По ту сторону» писал в тренировочном лагере на клочках бумаги в свободное от службы время. Отслужив, забыл о дисциплине и стал применять алкоголь как источник вдохновения. До обеда спал, иногда работал, ночью кутил в барах. Когда случались приступы активности, мог за один подход написать 8000 слов. Этого хватало для большого рассказа, но было недостаточно для повести. Когда Фицджеральд писал «Ночь нежна», ему с большим трудом удавалось выдерживать трезвым три-четыре часа.

Джеймс Джойс (1882–1941) о себе писал: «Человек малодобродетельный, склонный к экстравагантности и алкоголизму». Ни режима, ни организации. Спал до десяти, завтракал в постели кофе и розаликами, зарабатывал уроками английского и игры на пианино, постоянно занимал деньги и отвлекал кредиторов разговорами о политике. Чтобы написать «Улисса», ему понадобилось семь лет с перерывами на восемь болезней и восемнадцать переездов в Швейцарию, Италию, Францию. За эти годы он провел за работой примерно 20 тысяч часов.

Джейн Остин жила с матерью, сестрой, подругой и тремя слугами. У неё никогда не было возможности уединиться. Джейн приходилось работать в семейной гостиной, где ей в любой момент могли помешать. Писала она на маленьких клочках бумаги, и как только раздавался скрип двери, предупреждавший её о посетителе, она успевала спрятать записки и достать корзинку с рукоделием. Позже сестра Джейн Кассандра взяла на себя заботы о ведении хозяйства. Благодарная Джейн писала: «Не представляю, как можно сочинять, когда в голове вертятся бараньи котлеты и ревень».

А я не представляю, как писать, даже когда бараньи котлеты готовит за меня Алиса. Громко хлопнула дверь.

– Алиса! Приготовь мне сэндвич! – старший пришёл из школы. Быстро вбежал по лестнице, на ходу снимая свитер. Наверное, торопится на встречу с друзьями.

Алиса тоже считала это его намерение и уже ждала у входа с завёрнутым перекусом. Сын и впрямь направился прямо к двери, чмокнул воздух рядом с алисиным ртом и выскочил на улицу.

Только теперь вошла дочка, долго возилась с обувью, Алиса помогла ей снять одежду.

– Спасибо, Алиса.

– Как прошёл ваш день? – с почти человеческим интересом спросила помощница.

– Мог быть и лучше. Мне сказали, нужно усерднее заниматься генной флористикой, у меня к ней предрасположенность. Но у меня снова слезятся глаза и чешется нос.

– Возможно, вашей маме написать заявление об освобождении от предмета. На основании ваших симптомов я предполагаю, что у вас аллергия.

– Скорее всего, меня просто заставят носить маску, – грустно сказала дочь.

Я посмотрела на пустой лист и подумала, как здорово, что Алиса так спасает меня от быта и ежедневных мелочей. Как тяжело было бы писать, когда вокруг столько дел. Да ещё и дети, у них столько проблем.

Как хорошо, что есть Алиса.

Жаль, что всё равно почему-то не пишется.

Настя Пяри

Монетка из Бутучен

Бывает, что люди друг дружке жёны. И это не редкость. Просто мы не называем это Катоньянами или не говорим «Шевелёвы мы», потому что все остаются при своих фамилиях, что не отменяет понятия семьи, общего быта, и, как это ни странно, традиций. Есть у нас с подругами традиция – собираться двумя нашими семьями, готовить, есть и тележить – рассказывать байки. Позвали меня и Асият среди недели Мария и Саша на пельмени. С них – кухня, с нас – мясорубка, с них – говядина, с нас – свинина, лук и чеснок.

Это был тот случай, когда, если не отменить все дела и не прервать недоделанные работы, то мир, скорее всего, рухнет. Всё должно было идти по плану. Но вдруг. Выходить через час, а в нашей ручной мясорубке, как оказалось, не хватает одной детали – болта, который через заднее отверстие скрепляет всю конструкцию этого незатейливого вечного агрегата. Сначала я с ругательствами и животным рычанием пыталась найти деталь под полками и шкафчиками кухни в нашей квартире. Нашла клубы пыли размером с хомяка, старинное и сморщенное – наверное, это когда-то было яблоко, паука, три половинки яичной скорлупы под шкафом, в котором прячется мусорное ведро.

Поняв, что зря трачу время, решила по пути купить в магазине «Метизы» рым-болт М-8, который должен был подойти для мясорубки. Попробовала прямо у прилавка – идеально, почему мне раньше это в голову не пришло.

Пока я решала проблему мясорубки, Асият оделась. Для неё это творческий процесс: ей нужно больше времени, чем мне. У меня гардероб и задача проще – вытащить из кучи случайно штаны, майку, свитер, всё всегда сочетается, думать не нужно. И ни одна лодка не может разбиться об наш быт, потому что он мягкий, состоящий из одеял с пледами – пяти или шести в совокупности на незастеляемой кровати, гор одежды, ледников одежды, сползающих с вершины шкафа к его подножию, углов нет, на них всегда что-то повешено, наброшено, и всё это величепие природных стихийных форм красиво разломлено строго геометричными стопками книг. Как сказал один наш друг, у вас, конечно, бардак, но очень приятный. При этом мы любим готовить, есть и пить вино, а иногда пиво.

Свинина и говядина, как Арагви и Кура, сливаются и несутся сквозь жерло мясорубки в маленькое море фарша под моими руками, Асият и Мария в это время раскатывают тесто и делают стаканом кружочки для пельменей. Я люблю смотреть на Машины руки. Когда-то мы познакомились буквально по объявлению. Я работала главредшей в СМИ. А Маша была журналисткой и откликнулась на вакансию. Да, писала тексты она виртуозно, её профессионализм сочетался с магическим даром взять почти из ниоткуда историю, которая сможет кольнуть сердце даже самого эмоционального тупенького человека. Но ей совершенно необходим был переход. Я даже верю, что им она спасла не только себя, но и меня, дав веру, что всё ещё возможно, что мир будет преображаться под нашими руками. Теперь она садовница и столярша, а я так и не смогла пока уйти из одной профессии в другую.

Саша – дизайнерка, она сидит в недавно купленной квартире на фоне очищенных до исторического кирпича стен и доделывает халтуру, нервничает, потому что клиент тянет с одобрением макета. Справедливее её я мало встречала женщин, как молчаливая богиня этики, она всегда чувствует при решении казалось бы неразрешимых жизненных задач, как будет лучше для всех.

– Когда я была маленькой, – говорю я, – лепка пельменей была у нас делом семейным и нечастым. Только когда папа приносил с охоты зайца, мы позволяли себе купить свинины и наделать несколько противней пельменей. Папа освежёвывал тушу, я смотрела на это через стекло двери лоджии, мне казались очень красивым тело зайца и цвет его мяса, с синевой, а хвостики папа всегда отдавал мне – играть. А сейчас я стесняюсь признаваться людям, что ем мясо – неэтично. Но я знаю, что тогда я была абсолютной дикаркой. Пельменей нам хватало на две недели – с добавлением свинины килограммов пять фарша выходило, для учительской семьи это значительное подспорье. Папа мой считал, да и до сих пор, наверное, уверен, что охотники – это самые этичные и экологичные в отношении природы люди, меня воспитывал на Аксакове и Тургеневе. А теперь я стыжусь того, что ем мясо. Но и не есть его для меня противоестественно. Я пробовала. До полугода доходили мои посты, но я словно становилась другим человеком, агрессия доходила до сложно контролируемой стадии, хотелось просто причинять себе вред. Так что я лучше буду дикой, неэтичной, но социальной и довольной. Люблю те времена, когда мы садились всей семьёй, мама, папа, бабушка, я, дядя, забывали распри и лепили пельмени, вспоминая разные истории. Ну что, приступим к лепке, с божьей помощью?

– Надеюсь, про божью помощь ты пошутила, – говорит Саша и улыбается немного звериными из-за выраженных клыков, ровными белыми зубами, – а то меня эта тема триггерит.

– Расскажи, я помню, что у тебя это с бабушкой связано, но я забыла историю, – притворяюсь я, хоть всё помню, просто хочу послушать ещё – как когда была маленькой и просила в сто-какой-то раз на ночь сказку про Крошечку Хаврошечку.

– Расскажи, – поддерживает Асият, которая не слышала этой истории раньше.

– Ну, слушайте, – Саша снимает с коленей макбук и начинает. – Когда мы с сестрой были маленькими, нас на лето отвозили к бабушке, в среднюю полосу, дом у неё был деревянный, старый, туалет на дворе, на ночь ставили ведро, никакого телевизора не было – только радио, один канал, спать в деревне ложились рано. Однажды ночью сплю я и слышу какие-то звуки, похожие на голоса. Мне стало как-то не по себе, я бужу бабушку и говорю: «Ба, а ты радио выключила?» – «Выключила», – отвечает она. «Точно?» – «Да точно, спи. Что такое?» – «Бабушка, а ты не слышишь какие-то странные звуки?» И тут бабка как ни в чём не бывало мне говорит: «А, да это бесы! Ты помолись, и они отстанут» Бля, вы представляете этот пиздец? С тех пор я атеистка.

Мы в хохот, особенно я, хоть мне и жалко маленькую девочку, которой тогда была Сашка, да и историю я слышала уже раза два до этого.

– Ой, девоньки, – говорит Мария, – меня тут один бизнесмен позвал на работу, ухаживать за его садом. Я приехала на собеседование, участок у него хороший, запущенный, но есть, где развернуться, гектара три. И вот мы сели с ним ужинать, а живёт он далеко, аж в Карелию к нему поехала, выпил и говорит, что платить будет хорошо, но часто придётся тут ночевать. А в чём, спрашиваю я, подвох, что в этом такого, вроде домик отдельный для садовницы есть... А он мне: «А ты веришь в сверхъестественное?» Ну, думаю, на профпригодность проверяет. Нет, говорю, не верю. И тут его словно развезло. «У меня, – говорит, – соседка была. Странная. Они тут с дочкой жили в старинном доме», – я его видела, когда проезжала – одноэтажный, но очень ладно сделанный дом в северном нашем стиле, с резными наличниками. Короче, он говорит, что дочка эта немая, и не просто взрослая, а скоро сама весьма пожилой будет, то есть мать совсем была старушенция. Мужика этого пришлого она сразу как-то невзлюбила. Она сам говорит такой: «Да ещё и богатый. Мы тут с друзьями барбекю, музыку, девочек, а она встанет у забора и смотрит так, что у меня в животе леденело». Он от неё трёхметровым каменным забором отгородился, а она приходит и говорит: «Снеси». Он: «Ну я что, дурак, что ли?» Тогда к нему на участок стала приходиться кошка, не чёрная и не трёхцветная, а коричневая. Ну, он сначала значения не придавал. А потом, говорит, стал везде чувствовать её взгляд – и снова нутро всё холодом сводило. И вот однажды ему прям неведомо стало, схватил он каменюку и метнул в неё. Как он говорит, он был уверен, что не попадёт – зачем тогда кидать? В общем, попал он котейке прям посередине спины, она взвилась вверх, заорала, упала, потом вскочила, пробежала немного и сдохла. Он её за двором прикопал. Тут у меня уже начинают немного волосы везде пошевеливаться. А он продолжает рассказывать то, о чём я в общем уже догадалась сама – старая соседка пропала, но ни похорон, ничего не было – исчезла. А дочка её девять дней из дома не выходила, а потом стала этого чувака постоянно у ворот встречать и смотреть – а у него опять лёд прям от хуя и до груди, как он мне сказал и даже немного показал. А она ж немая – он даже поговорить с ней не может. Она ему взглядом и руками показывает на забор – мол, снеси. Ну, он пересрался и снёс его к херам. Женщина эта приходит перестала, но иногда из окна смотрит, а он стал болеть, на ноге чёрное пятно появилось, врачи говорят, что что-то с сосудами, но уже и на рак проверялся – что-то странное, вроде не болит, просто немота и холод в ногах время от времени наступают. В общем, он мне говорит: «Ты мне нужна, в первую очередь, чтобы живую изгородь из ёлок посадить, а во вторую – жутко тут как-то, цветов хочу, красоты». В общем, я всё это выслушала и не дожидаясь утра, благо, что не пила, села в машину и обратно в Петербург рванула. Да ну, нафиг мне это всё.

Мария поставила на огонь пятилитровую кастрюлю. Асият руками с длинными пальцами в кольцах пересыпала пельмени мукой, чтобы они не слиплись. Немного налепили, сто штук. Ещё и мяса осталось – чтобы долго не возиться, нам же на метро нужно успеть.

– Мы сейчас, между прочим, – говорит Асият, – поддерживаем древнюю традицию устного творчества за работой. Как раньше женщины слагали стихи, песни, сказки, когда пряли, ткали, шили или квасили капусту. Поэзию и литературу изобрели женщины. А слова «ткань» и «текст» восходят к одному пракорню. Только раньше женщинам приходилось трудиться, чтобы выживать самим и обеспечивать сохранность рода, а теперь мы вот лепим пельмени, скорее ради удовольствия, вычурная забава – для себя. И если у наших пра-прародительниц не было и мысли что-то записать, то у нас вон и ноутбуки крутые, и времени, казалось бы, много, а всё равно мы как-то не в ресурсе обычно оказываемся для того, чтобы фиксировать это всё.

– Мне кажется, что нет никакого особого раньше, – говорю я, – И сейчас есть места, где женщины прядут, ткут, красят ткани, шьют, вышивают, рисуют, лепят, поют, рассказывают, сочиняют и вспоминают, охотятся, разделывают животных и готовят из них еду, квасят капусту. В то же время есть и женщины, которые преподают, пишут, переводят, снимают кино, ну вы поняли, мы все здесь.

Однажды я с Катей Бук поехала в село Бутучены. Старинное и красивое молдавское село с необычными домиками, все оштукатурены в голубой, синий, белый цвета, с колоннами вдоль террас фасадов. Виноградные гроздья свисали с каждого забора, в каждом дворе нас готовы были принять, напоить вином, накормить и, вероятно, оставить на ночь. Жительницы и жители этого села привыкли, что к ним как в музей приезжают туристы. Но они продолжают свою обычную жизнь, такую, какую вели их бабки и прабабки.

Зашли на подворье, где можно заказать себе аутентичной еды, чтобы отметить мой день рождения. Взяли мы мамалыгу, плаинды с сыром, курицу в сметане и два кувшина вина. Сели на веранде дома, вокруг кошки, сундуки, соленья в банках на стеллажах во всю стену – скоро отнесут в погреб, видно, что только что закрутили. Внизу, во дворе, напротив, возле входа в отдельную пристройку – кухню, возле длинного деревянного стола шесть женщин занимались квашением капусты. Две из них шинковали – быстро, что страшно стало бы и самураю, две месили свежую капустную лапшу с морковью и солью, заталкивали в трёхлитровые банки, а ещё две уносили банки внутрь постройки. Одеты эти бабы были в халаты, различающиеся только расцветкой, в передники, яркие платки с нитками люрек-

са по краям, а на ногах – носки и галоши. Действие нас с Катей заворожило. Мы пили вино и смотрели на этих женщин, со спины они все походили на мою тогда ещё живую бабушку Олю. Я вспомнила вкус бабушкиной капусты, терпкой, немного щиплющей язык.

Мария и Асият по одному с двух сторон стали аккуратно погружать в кипяток пельмешки.

– Я прислушалась, о чём же говорят солительницы капусты. Одна из них приглушённым голосом, похожим на рокот Днестра, что течёт там, под обрывом, рассказывала, что на подворье некогда, годах так в 60-х, прошлого века остановился археолог, во всяком случае он так назвался. Говорил он на русском языке, по-румынски знал только «бона зива» – добрый день. При нём была сумка, похожая на саквояж, но больше на маленький кожаный сундучок. Мужчинка напился изрядно молодого вина и стал зазывать юную дочку хозяйки подворья проводить его на сеновал, дескать, я пьян, сам не дойду. Оспаде, да там что от веранды, где мы ели, что от трактира, что от кухни – максимум метров 70 до этого сеновальчика. Мать девушку не пустила, сказала, что сама поможет гостю. А тот не будь дурак, стал и к ней приставать, судя по всему. Ну, то есть женщина эта, дочь, сказала, что мать возвратилась в дом раскрасневшаяся, а она подумала тогда, что тяжело было пьяного русского мужика на себе тащить.

Утром археолог закусил плациндой, похмелился и пошагал в Кишинёв. А мать дочери рассказала, что он ей ночью говорил, что монеты у него в сумке старинные есть, волшебные, у кого хоть одна такая есть, тому или той открывается способность находить нестандартные решения в трудных ситуациях. И что она якобы случайно, когда спать его поудобней укладывала, сумку пнула ногой так, чтобы она раскрылась и монетки высыпались. Он, конечно, что смог собрать, то взял. А те, что в сено закопались – сказал, что на счастье, за гостеприимство.

Утром мать и дочь всё сено переворошили – нашли дюжину этих грошиков – по одной себе оставили, остальные женщинам в селе за доброту или помощь какую раздали. С тех пор подворье их процветало, при всех властях, при всех кризисах, при Союзе и при его развале, в 90-е и по сей день – едут гости в Бутучены и оставляют там свои деньги, дарят всем улыбки и уезжают хмельными.

Так вот мы с Катей вина выпили хорошо так. И я ей говорю: не вызывай такси, давай дадим денег, сколько попросят, и останемся на ночь на сеновале. Сказано – сделано. Ночь, сверчки раздирают душу, виноград пахнет, сено пахнет, ну мы заспевали «Ничь яка мисячна», поржали над своими

журналистскими факапами и уснули. А утром я встала пойти в туалет. И на всякий случай ногой сено отгорнула в углу – и вот она, мелкая, почти чёрная, неровная монетка! Я её себе забрала, Кате показала, а она меня свела с одним археологом знакомым, чёрным копателем, который на самом деле обогатил многие музеи мира. Он мне рассказал, что это монетка из Шехрал-Джедид или Янги-Шехр (оба названия переводятся как Новый город). Местонахождение этого города (исследователи согласны, что это не два, а одно название) точно не установлено. Традиционно им считают Старый Орхей на Днестре, но это, по мнению Каткиного археолога, не так. А как – я сама забыла.

– Насть, а ты что, говоришь по-румынски? – спросила Мария.

– Нет.

– А как же ты поняла, о чём женщина другим рассказывала?

– Ахахаха! Вот вы меня и раскусили!

– То есть, мы тут реальными историями делимся, а ты нас дуришь? – возмущилась Саша.

– Не дурю, а развлекаю. Здорово же!

Пельмени вывалили в дуршлаг, разделили поровну на четверых, всем по двадцать пять. И говорить сразу стало неудобно. Мы ели, зачерпывая сметану пельменем, отправляя это всё в рот и запивали пивом. Домой мы с Асият вернулись чуть полночь.

– Аська, а почему ты не рассказала свою историю?

– Ну, наверное, потому что я писательница. Кто-то же должен записывать. Вот сейчас сяду, набросаю. Потом доверчу, докрашу, нафантазирую своего и сдам в печать, – смеётся.

– А всё же здорово, что мне пришло в голову заменить эту потерявшуюся деталь рым-болтом. А то не было бы такого вечера, а другой нам мог очень не понравиться. – Я сунула руку в поясную сумочку, нащупала в потайном кармашке махонькую старинную монетку, потёрла её между пальцев.

– Да, я знаю, что ты себя очень любишь. Я тоже тебя люблю.

Наташа Боренко

На святки задумали сыграть в покойника (Деревня-тренд-сеттер)

На святки задумали сыграть в покойника. В прошлый год не играли – был настоящий покойник в наличии, его в святочную ночь утащили из-под надзора задремавшей вдовицы, усадили на поленницу, и пошли сообщать попу, что дед воскрес, сел курить в пожароопасном месте и матом прохожих обзывает (запрятанный в бочке профессионал обценной речи обеспечивал эффект озвучки деда). Поп пошёл будить вдовицу, стали снимать тело с дров, а озвучка растревоженного покойника выходила столь искусной, что даже поп со вдовой хохотали и труп три раза роняли. Эту историю деревня вспоминает регулярно, история стала трендом и дошла до соседних населенных пунктов – в этом году ожидаются ремейки как минимум в двух деревнях, где присутствуют свежепомершие. А деревня-тренд-сеттер не имея трупов решает возродить старую игру в покойников. Кто-то что-то помнил, кто-то кому-то как-то пересказал, как играть, молодежь сама разберется.

За предыдущую ночь сугробы выросли до крыши, весь день собачки лаяли друг другу – сообщение передавали, что сегодня вообще все правила охраны домов отменяются, потому что чертики всё равно уже повылезали и сидят наготове и ждут синего часа кто будет лаять после заката тому язык вырвут таково поверье собачье. Парни с утра собирались в холостяцкой хате, сажью уши мазали, свёклой носы тёрли, обвешивались гвоздями да жестяными банками, чтобы бренчать, когда бежишь. Покурили. Я с вами. В дверях встала сестра конопатого.

Переоделась в паренька, бороду намазала. Волосы – обрезала, что ли? Под шапкой. Вместо него – показывает на грустенького, который уже второй час всем про температурку свою на мозг капает и что он лучше полежит или лучше пойдёт сметану с девками воровать. Слышь, конопатая, так нельзя. Сиплый недоволен. Конопатая спокойно настаивает. Можно.

Грустенький, дай свой тулуп, вот, смотрите, я один-в-один. Конопатый, чо молчишь, твоя сестра. Пусть. Ну, семья у конопатых издревле творческая. Пожали плечами. И в лес чертей выводить побежишь? Побегу. Окей. Я тут подумал, а чо у девок никогда таких мыслей раньше не возникало, с нами вот эдак побегать, это ведь действительно интересно и физкультура к тому же. Кучерявому дают по шапке – прекращай активизм свой, все уже согласились, не беси.

Солнце уходит. Так, Грустненький, иди на улке пережди или чо, если не участвуешь в нашем эксклюзиве ритуальном. Порожек подмети, бытом займись каким.

Грустненький под лавкой нашёл шубу, которую конопатая скинула, в ней платочек пуховый, в кармане перстни. Побежал к девкам. Сегодня всё можно, сегодня всё можно, сегодня всё можно – бежит в пуховом платке и улыбается. Один перстень подошёл и не снимается, падла – ну и пусть, лишь бы палец не отрубили. Бежит, короче, подальше от парней, которые вот-вот начнут в чертей перевоплощаться.

Святочный актив собрался в круг. Солнце отдаёт последние лучи, закатывается. Начинаем?

Стали прыгать, половицы расшатывать. Печь распалили, раскричались. Эдак надо всегда в поток, так сказать, войти. Вот, входили, как по учебнику. Конопатой подсказывали, чо и как.

Конопатая, вообще, молодец – все так подумали и зауважали, и дальше уже она сама будто знала, что делать. Вот тут шибче вой! красава! Изба родила всех бесов разом, вытолкнула из себя.

Деревня сжалась. Дымка села ниже.

Двинулись сгустком по деревне. Наплывали на каждую хату, чудили громко и лихо. Тут поленицу раскидали, там ещё одну раскидали, водою дверь облили, приморозили, дымоходы тут и там позатыкали, вот это всё, часа полтора-два по деревне поперекаtywались, поулюлюкали, это всё стандартная процедура, в целом, и потом ещё перед церковью навалили всё наворованное, до утра никто не тронет: обычай такой. Вот, парни, вот если бы законы государственные так же работали, как обычаи, да? Кучерявый, заткнись, девы мариин ради.

Вернулись в хату – на столе крынки с молоком, хлеб... невидимая женская работа, а мы всем сюжетом только за мужиками следим. А пока парни дрова раскидывали, девки бесшумно и тихо из мамкиных запасов поутащили столько, что можно было бы месяц, год, ну, много, короче, не выходить и только есть. Поставили пару крынок парням, а себе самое вкусное оставили, сидят там у себя кушают, грустненький им песни поёт. В самой крайней хате. Ждут покойника.

Черти тем временем решают: кто трупом будет? Ну, давайте я (весь год готовился эту фразу сказать как можно более непринуждённо). Конопатый. Вы чо сегодня, конопатые?! У себя в семье в карты проигрались?! На спор нас удивляете?! Ну, конопатый, а ты везде-везде конопатый? Ща проверим. А мылся давече? Обтирался.

Ой, хаха, со всех сторон обстебали, короче, напряжение скинули. Конопатая, выйди. Не выйду. Ой, всё. Сняли дверь с петель. Поклали паренька на дверь. Укрыли простынёй. Мамка ругалась, выдала самую старую простыню, всё равно изговните всю, после вас только выбрасывай. Понесли паренька в дом к самой интересной девке. Занесли в дом, табуретки подставили. Вот, помер брат, нужно к похоронам готовить. Девки на лавках стоят, хохочут. Чего давитесь смехуёчками, надо тело омыть. Ирка! Ой, не надо, не надо, не подымай простынку. Срам! Кто хозяйка дома? Наташка!

А Наташка девка заметная в деревне, но мутная, вот вроде приличная баба, да не поймёшь её.

Обычай такой, что если девка не замечена в блюде, то её лицом ткнут покойнику в лицо. Она его оживит эдак. Губками алыми. А если девка ну такая, гуляет, то её тычут мордой в писюн.

Унизительно? Зато уж как весело, обхохочешься. Ну и реально обычай такой, традиция, надо соблюдать, конечно же. Ну и вот Наташка, которую не поймёшь. Парни даже побаиваются подходить. Один как-то подошёл и больше не подходил, и никому ничего не рассказал, что случилось. Кто вообще придумал к Наташке идти? Девки сказали, что все в этой хате будут – вот и пошли. Даже труп неловко как-то, чо-то зашевелился под простынкой, ручками срам прикрывает заранее. Бабы в визг. Главный потешник Андруха замялся, но вспомнил, что дед тамадил, отец тамадил – и ему, стало быть, надо из любой ситуации смеху сделать. Андруха на Наташку наступает. Тело. Надо. Обработать. Наташка с лавки спрыгивает – половина лучин тухнет. Натурально на отпевание похоже. Не дрыгайся. Наташка подходит к трупу. Остальные девки спрыгивают с лавок – затухают оставшиеся лучины, кроме одной, в руках у Конопатой оказавшейся. Крипово. Резко очень тихо, секунда, две, девки зазвучали. Парни, чо-то я не понял, что за смена нарратива, у меня ажно очко сжалось. Конопатая берётся за край простыни, начинает тянуть, простынь медленно шуршит, открывается лоб фальшивого покойника – какие-то слишком длинные волосы у конопатого. А чего это он будто не дышит?

Скрипят половицы, парни вскакивают на лавки, распахнули чёрные глаза, смотрят на мертвяка. Грустненький стоит на коленях, заводит плач. Да на кого ж ты нас покинула, родна душа, да кто тебя да сманил, да кто тебя да подменил. Простынь спадает с подбородка – это конопатая лежит, а лучину над ней держит брат её. Парни визжат. Андруха хватается за дверь – но её кто-то приморозил снаружи. Наташка наклоняется над телом конопатой. Грустненький ведёт плач дальше сильнее. Девки светят глазами. Натурально как фонариками, и когда моргают, у них вот эдак свет тоже моргает. Наташка останавливается. Чо-то шибко эротично получается, мы что это прям целоваться будем, Конопатая? Конопатая улыбается. Нам нельзя по закону.

Кучерявый, напомни чо там по закону. Кучерявый лежит без сознания уже какое-то время, не откликается поэтому. Девки мигают глазами. У Андрухи подкашиваются ноги, что-то пошло не так, но в какой момент, они просто хотели повеселиться и отвлечься от быта вот этого сраного.

Наташка его хватает за голову, поворачивает глазами к покойнику. Смотри. Девки берутся за простынь и снова натягивают на тело с головой. Кто стоит с лучшей? Правильно, снова Конопатая. Улыбается пиздецово. Тело сгибает колени, и руки как-то так эдак выкручиваются, медленно начинает движение, стаскивает самое себя наземь. Клешня обхватывает ногу в пятый раз потерявшего сознание Кучерявого. Наташка шепчет Андрухе: с лавки не слезай, а то засосёт. И начинает приманивать тело, поцокивая, похлопывая, тело ползёт за Наташкой, девки отворяют дверь легко и непринужденно, будто это летняя веранда и бамбуковая за-слонка.

Беззвучно, конечно же, выплывают, Наташка выманивает тело. Конопатая гасит личину, но мы помним, что некоторые девки умеют глазами как фонариками светить и Конопатая вот так светит тускло. Вытекают из избы, в общем, и текут в темноту, в лес. Грустненький примыкает к шествию, он нашёл где-то колокольчик, звенит им немножко совсем. Парни, которые всё ещё в сознании, потерявшие звание главной нечисти и ставшие какими-то сраными подмастерьями, но не потерявшие высший смысл, решаются последовать за главными ивент-менеджерками довыполнить начатое. И тупо страшно в хате этой оставаться. Идут, бренчат глухо (они же обвешивались всякой хренью в начале самом, вот и бренчат всё ещё). Ну и вот Наташка курлыкает телу-пауку под простыней, девки в валенках с глазами-фонариками шагают, Конопатая запускает звучание, девки подхватывают, Грустненький шепчет плач, всю душу вынимает. Ох, горе, горе, ох, горе, годе, покойничек, дорогой, ты прости нас. Парни толпой поспевают позади – как они, эти девки, так быстро бегут, я не понимаю. Тсс, смотри, они ногами земли не касаются. Бренчащие входят в темп, забываются, вот он, оказывается, какой поток.

Наташка прибавляет, всё ускоряется, мчится. Стая врывается в лес. Лес принимает их, хрустит, держит в тишине. У стаи задача – оттащить нечисть от деревни. Задача леса – поймать нечисть в свою пасть. И под утро без слов с другого конца деревни, чтобы не пустить заново демонов, возвращаются все. Включая Конопатого, он даже будто слегка бодрее остальных и румяненький. Грустненький отказался отдавать пуховый платок, Конопатая так и осталось в евоном тулупе вонючем, попрощалась с Наташкой, дошла до хаты своей, завалилась на печь, проспит до послезавтра.

Таис Кострицкая

Письма из послевоенного мира (Отрывок)

Сегодня работы предстояло, как всегда, немало. Одна починка водоочистительной техники чего стоит. Затем общая стирка, помощь в готовке, уборка территории. Да и свою комнату убрать тоже не помешает...

После того, как аппарат очистки воды после долгих уговоров согласился пожить ещё немного, и после того, как ежедневный (и даже еженедельный) необходимый труд был выполнен, я села за труд не столь настоящий для выживания, но очень нужный для жизни. Особенно сейчас.

Ещё когда я в довольно молчаливой сегодня компании всего трех женщин сметала с покрытых большими трещинами и выбоинами тротуаров засохшие осенние листья, мне пришла в голову идея новой истории о мире, в котором осень бывает только раз в несколько лет.

Начинают её живущие в деревьях одушевленные бесплотные существа, когда просыпаются от своего долгого сна и ощущают в себе жажду человеческого внимания, ради которого им не жалко даже распасться на множество засохших листьев. Люди в этом мире подбирали бы эти листья и сжигали бы их на ритуальных огнях в качестве подношений своим богиням, а души деревьев заставляли бы эти костры переливаться всеми цветами радуги. Женщины бы веселились и танцевали вокруг них, отмечая начало нового витка жизни...

Представив всё это, я окинула взглядом окружающий меня серый пейзаж. Сейчас даже не верится, что когда-то эти покрытые почти чёрной пылью холмы и деревья были зелёными или оранжевыми и красными. Использованное здесь годы назад химическое оружие всё ещё продолжает свою работу по превращению некогда цветущих холмов в унылую серость.

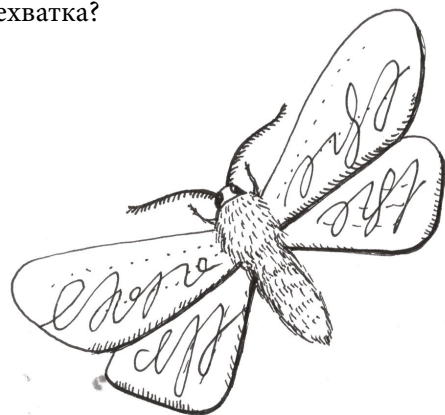
За ошибки приходится платить, – любят повторять некоторые женщины в летах, – и по большей части – вовсе не тем, кто их совершает. Впрочем, потом они добавляют, что сейчас всё равно всё намного лучше, чем раньше было, а ты бы лучше делом занялась вместо того, чтобы на серые пейзажи сетовать. Хочешь яркие – так возьми и нарисуй настолько красочные, насколько красок хватит. Да и книг, говорят, в этом квартале мы слишком мало написали, вот иди и пиши о своих зеленеющих да краснеющих рощах, что тебе мешает?

Я потянулась, сидя за столом в своей абсолютно чистой после сегодняшней уборки комнате. На стенах мы с подругами нарисовали уютную зелёную рощу, наполненную цветами и сверкающими феями с крыльями бабочек. В самых однотонных местах картины висели куда более скромные и немного неказистые (зато очень яркие!) полотна моего авторства, не всегда хорошо сочетающиеся по цвету с окружающим их лесом. Некоторые подруги после общих посиделок здесь спрашивают, как у меня глаза не болят от всего этого буйства красок. А они не болят, а наслаждаются. И в благодарность посылают мне новые истории о цветущих планетах.

Оглядевшись вокруг и прикинув, что до сегодняшних посиделок у костра ещё немало времени, я была вынуждена признать, что женщины в летах, как всегда, правы: ничего мне не мешает. Да и какое может быть веселье без рассказов и историй, на которые, как известно, существует вечная нехватка?

Sam-y

Комната для рисования

У Бахыт есть своя комната для рисования. Она заходит в неё раз в неделю, в один из выходных дней. У Бахыт двое детей: девочка, которой десять, и мальчик, которому три. Бахыт любит свою семью. Каждый день она просыпается в семь утра, чтобы отправить дочку в школу и мужа на работу. Потом она будит малыша и отводит его в садик. До обеда она делает домашние дела: стирает грязную одежду, пылесосит дом, готовит обед. После обеда она забирает ребёнка из садика и занимается оставшимся бытом.

Бахыт рисует акварелью, но сейчас осваивает масла. Её любимая работа называется «Семья». Выполненная в технике лессировки, немного абстрактная картина висит на кухне. У Бахыт есть помощница, которая способствует гладкому времяпровождению всех домочадцев. Она моет посуду, выносит мусор, усыпляет и кормит детей. Бахыт ею очень дорожит, и то, что они разделяют интерес к искусству, делает её ещё более ценной.

– Вам так повезло, что муж поддерживает ваше хобби, – в очередной раз мечтательно вздыхает её помощница, во время их традиционного послеобеденного чаепития.

Бахыт улыбается, чувствуя внутреннюю гордость за своё положение, которое у многих вызывает зависть.

– Тут дело не в поддержке, а в том, что я выделяю время для творчества, – важно сказала Бахыт, чувствуя, что настало время для очередного совета, – Ты же знаешь, раз в неделю я всегда уделяю время рисованию, хоть бы что ни случилось, меня в это время волнует только скольжение моей кисточки по холсту.

Её помощница согласна закивала:

– Вы же знаете, чтобы ни случилось, я всегда буду рядом. Я всегда говорю детишкам, что в это время вас нельзя беспокоить, – она мягко вздохнула и глотнула чаю, – О, вы же говорили, что покажите свои новые картины, что нарисовали на прошлой неделе. Мне не терпится их увидеть!

Бахыт радостно кивнула, и они поспешили в её комнату. Кроме мужа и помощницы её картины никто не смотрел и не ждал, но их восхищенные комплименты всегда давали ей достаточно топлива для продолжения.

Когда они зашли в комнату, три готовые картины уже стояли на мольберте посередине комнаты. Первую картину Бахыт назвала «Противоречие». Картина была абстрактная: на чёрном фоне с серыми крапинками было изображено растекающееся пятно как будто случайно пролитой туда белой краски. Помощница Бахыт с интересом осмотрела картину, как обычно восхитившись техникой.

– Похоже на разлитое молоко, – внезапно сказала она. Бахыт с недоумением взглянула на девушку.

– Вовсе нет. Ни капли не похоже. Эта картина символизирует вечную дуальность наших жизней и идеалов. Смотри, белая краска и чёрный фон разбавляются серыми узорами, соединяя эти два цвета-антонима.

– Да нет же, вы посмотрите. У нас точно такой же стол на кухне, а пятно растекается прям точь-в-точь как тогда, когда молоко дети разлили.

Бахыт немного скисла. Какая чушь, подумала она с раздражением. Если так думать, то можно во всём найти связь с бытом, что её окружает. Вот вторая картина, например, не «Приближение осени» во всех её бурых и золотистых красках, а просто обои в детской комнате, перенесенные на холст. А третья картина, «Древесная тайна», от которой её особо распирала гордость, можно сказать, просто соединяет все узоры деревянной мебели в доме. Чувствуя неприятную досаду, Бахыт поторопила их обратно.

– Ладно, хватит глазеть. Нужно ещё ужин приготовить и вещи прогладить. Сегодня мы хотели приготовить плов, правильно? Ну так пошли, а то муж голодным останется.

Бахыт закрыла дверь в комнату с некоторым облегчением. Ну ничего, её следующие картины не оставят сомнения в их глубокости и смысловой нагрузке. Может, не стоило показывать ничего помощнице, в конце концов, не особо она и разбирается во всяких тонкостях и философии. Её узкий мир только и состоит, что из этой квартиры, вот она видит во всём только этот дом. А вот она, она понимает этот мир во всей его сложности. В следующей картине она, может, именно это и отразит. Да, так и есть, она назовет эту картину «Тяжесть бытия». С этим чувством вдохновения Бахыт пошла на кухню готовить плов, такой же сложный, как и этот мир. Она просто не может дожидаться следующих выходных.

Рaма

Дана Канафина
Натали Рублинецки
Амалия Пртавян
Олеся Малюгина
Интизор Отаниёзова

Дана Канафина

Не ходи босиком

Персонажи:

АЛТЫН (мама во взрослом возрасте, 40+)

ЖИБЕК (дочь-подросток)

ТЕМИР (сын-младшеклассник)

ЛЮДМИЛА (бабушка, уже умершая, есть только во флешбеках)

ВЛАД (бойфренд мамы)

АЛТЫН (мама в детском возрасте, другая актриса)

ЛЮДМИЛА (бабушка в среднем возрасте, другая актриса)

ТЁТЯ ГАЛЯ (подруга бабушки)

Сцена 1:

ЖИБЕК и ТЕМИР играют на ковре, одетые в чёрное. АЛТЫН сидит рядом за столом с ними, тоже в чёрном, смотрит. В дверь звонят, АЛТЫН подбегает, открывает её. На пороге стоит ВЛАД, тоже весь в чёрном. Целуются коротко, ВЛАД садится за стол с АЛТЫН.

ВЛАД: Не понимаю, зачем вы всё ещё носите чёрное, ведь траур так долго не длится. (мотаёт головой, улыбается) Но я это уважаю.

АЛТЫН (вздыхает): Да как долго-то? Сорок дней почти прошло, это не долго.

ВЛАД: Сорок дней – это не шутки. Как ты держишься?

АЛТЫН (пожимает плечами)

Оба молчат.

ВЛАД: Ты, кстати, как планируешь провести сорок дней? Традиции и всё такое.

АЛТЫН (глядя на детей): Темир, ты чего опять без носков? Давай, не ходи босиком. Совсем, что ли?

ТЕМИР (вздыхает, встаёт, уходит из комнаты)

АЛТЫН (снова смотрит на Влада): Честно, не знаю. Маме казалось, что сорок дней – это бред какой-то.

ТЕМИР (возвращается в носках)

ВЛАД (удивленно): Как так?

Сцена 2:

ЛЮДМИЛА и АЛТЫН (девочкой) на кухне в цветной одежде. ЛЮДМИЛА месит тесто, АЛТЫН делает уроки за столом.

ЛЮДМИЛА (угрюмо, не отворачиваясь от теста): У папки твоего, кстати, сегодня сорок дней.

АЛТЫН (поднимает голову, молчит)

ЛЮДМИЛА (оборачивается): Чего вытаращилась? Я тебе тут вторые похороны устраивать не буду. Вон как на первых расхныкалась. Я из любви к тебе всё делаю.

АЛТЫН (молчит)

ЛЮДМИЛА: А папку твоего и без нашей помощи все забудут.

АЛТЫН: Но мам...

ЛЮДМИЛА: Не мамкай. (оборачивается обратно, снова месит тесто) И ты в этом сарафане выглядишь как дурында.

Сцена 3:

Кухня, настоящее время.

ВЛАД: Ну это ладно, но у нас-то таких предрассудков нет. Надо бы сорок дней и справить. Вот кого, ты думаешь, можно позвать?

АЛТЫН (скрещивает руки на груди): Не знаю.

ВЛАД: Ну подумай, какие у мамы были подруги.

Оба молчат.

АЛТЫН (неуверенно): Ну, тётя Галя. (поспешно) Но я её не люблю.

ВЛАД: Почему?

Сцена 4 (флешбек):

АЛТЫН на кухне со сверточком внутри с ЖИБЕК-малышкой. За столом ЛЮДМИЛА и ТЁТЯ ГАЛЯ.

ТЁТЯ ГАЛЯ: Хорошо, что у тебя девочка, хоть и нагуленная.

АЛТЫН (молчит)

ТЁТЯ ГАЛЯ (поворачивается к ЛЮДМИЛЕ): Правда ведь? Будет дома помощница. Хотя главное, чтобы красавица была. Кому страшенькие девочки нужны?

АЛТЫН: Хватит Вам!

ЛЮДМИЛА: Алтын, сходи уложи ребёнка спать.

АЛТЫН: Но сейчас...

ЛЮДМИЛА: Я сказала, уложи.

АЛТЫН (уходит)

Какое-то время спустя ТЁТЯ ГАЛЯ уходит из дома, на кухне к ЛЮДМИЛЕ приходит АЛТЫН.

АЛТЫН: Мам, ну так же нельзя...

ЛЮДМИЛА: Ты ничего не понимаешь! Галя много мудрее тебя, потаскухи.

Сцена 5:

Кухня, настоящее время.

ВЛАД: Ну, так это было давно.

АЛТЫН: Не уверена, что хочу её звать.

ВЛАД: Ну неужели это прям так плохо было? Времена были другие. Не будь такой мягкой.

АЛТЫН: *(задумывается)*

ТЕМИР: Ма-ма-мам, а на бабушкины сорок дней мы будем есть и-и-икру? Бабушка её очень любила.

АЛТЫН: Ну ты же знаешь, что нам не в чем её подавать.

ЖИБЕК *(цокнув)*: Нам давно пора купить новый сервиз, прошло уже столько...

Темир, сколько тебе лет?

ТЕМИР: Восемь!

ЖИБЕК: Восемь лет!

ВЛАД *(вопросительно смотрит)*

Сцена 6:

ЛЮДМИЛА и АЛТЫН на кухне, у АЛТЫН в руках тест на беременность.

ЛЮДМИЛА *(вопит)*: Да сколько можно! Девчонку нагуляла и этого нагуляла! Дебилка!

АЛТЫН *(плача)*: Не нагуляла, мам, мы поженимся...

ЛЮДМИЛА: *(всё ещё вопит)*: Поженитесь?! Да как он тебя, такую идиотку, возьмёт замуж! Ты дура какая!

АЛТЫН: Мама, я не...

ЛЮДМИЛА *(хватает тарелки с шкафа, кидает их по одной в АЛТЫН, последняя уворачивается)*

Сцена 7:

Снова на кухне, в настоящем времени.

ВЛАД: А вы так и...

АЛТЫН *(перебивая)*: Нет. И связь не поддерживаем. Я его ненавижу.

Оба молчат.

ВЛАД: Ну знаешь, я тоже считаю, что нужно взять новый сервиз.

АЛТЫН: *(жмёт плечами, почти плачет)*

ВЛАД: Всё будет хорошо, я...

АЛТЫН *(плачет)*: Ты не понимаешь, какого это. Я после тех разбитых тарелок не могу без носков ходить, боюсь осколков. И Темир заикается из-за моего стресса или из-за её постоянно ора, я... я...

ВЛАД *(берёт АЛТЫН за руку)*: Всё будет хорошо. Я куплю сервиз, ладно? Я же это всё из любви к тебе делаю, м? Я с тобой.

АЛТЫН *(смотрит на него, робко улыбается)*: Встретим сорок дней.

Натали Рублинецки

На крыльях аиста

Музыкальный номер.

Город. Аист, как почтальон, разносит младенцев в семьи.

Аист. Так, этот идёт в это окно. Этот в это.

Семьи расхватывают младенцев, те попадают в окна, как шарики в пинбольные лунки.

В окне Рублиников ругаются.

Рувим исподтишка подкладывает вещь и убегает, делает вид, что ничего не делал.

Циля. Опять? Ты что это, специально?

Рувим. О чём ты?

Циля. Это! *(трясёт вещью)*

Рувим. Ты ошибаешься. Ко мне никакого отношения...

Аист. О, мне, конечно, надо куда-то сбывать младенцев, выполнять план деторождения, но посылать детей в такое? Ладно, попробуем, но эти же разве словят? Ловите!

Аист запускает к ним в окно младенца.

Циля *(отмахивается, не замечая, и продолжает)* Нет, ты издеваешься!

Аист запускает младенцем опять.

Циля. Что, это опять? Уберите это! *(Захлопывает окно, ребёнок сползает по стеклу и падает назад в крылья аиста).*

Аист. Ставлю их опять в конец очереди по производству, сколько младенцев на них перевёл, всё без толку.

Аист. *(напился).* Какая неблагодарная работа, ты им посылаешь, посылаешь детей. А эти родители только и заняты, как своими играми в эго, в крутых, только не любовью. Или, например, принесёшь одним ребёнка, а они на оргии садо-мазо, куда я им там закину ребёнка?

Продолжение песни.

Оргия. На потолке над оргией шум. Все поднимают голову, на них падает ребёнок, окончание песни.

Аист. (*продолжает*). Начальство постоянно давит с выполнением плана. А как я принесу родителям младенца, если они почти все предохраняются? Ну конечно, а начальству-то всё равно, им всё аист виноват.

А те, кто не предохраняется, не занимаются толком сексом, что я могу поделаться? Или кто в стрессе, например, просто не обратят на меня внимания.

Аист доходит до Бога, который сидел всё это время в стороне и слышал жалобы аиста.

Бог. Надо быть профессиональней! Надо создавать спрос самому!

Аист. Как?

Бог. Я посылаю вас за счёт заведения на курсы по младенце-маркетингу, так?

Аист. Да-да, расширение целевой аудитории, привлечение внимания.

Бог. Воот, очень правильная позиция!

Аист. А как я привлеку внимание родителей, если они заняты собой и между собой не поделят влияния?

Бог. Вот, значит, надо им показать, какое это выгодное и престижное мероприятие – дети!

Аист. Так где оно выгодное, если двадцать лет только вложения и дальше постоянная поддержка тому мероприятию?

Бог. Можно представить им семьи с детьми как очень престижные.

Аист. Ааа...

Бог. А что ты думал? А бездетных выставляешь несчастными!

Аист. Записываю.

Бог. Тех, которые не создали семьи для рождения детей, ты запугиваешь: «Помрёте сами, не будет кому стакан воды подать. Одиночество, старость, депрессия. Жизнь впустую», женщинам говоришь, что их жизнь имеет смысл только с мужем и детьми.

Аист. И всё это я семьям как-то должен объяснить?

Бог. Божественная канцелярия поможет тебе. Для кампейна запугивания и застыживания мы пригласим специалистов агрессивного маркетинга, выборы уже закончились, специалист как раз освободился.

На сцену выходит Дьябло.

Дьябло. Горяченький денёк вам в хату!

Аист. Аа, что за чертовщина, это же Дьявол! Изыди.

Дьябло. Хаха, какой ты устаревший! Мы прошли недавно ребрендинг, и моя должность теперь Дьябло, я очень популярен в компьютерных играх, между прочим! Имею честь служить! Наш офис прекрасно показал себя в достижении целей. Обеспечиваем быстрые и эффективные результаты! Сейте вражду, разделяйте и властвуйте, но это уже не для семейных дел, хотя отлично сработало для развития пары войн и для продвижения «наших людей» во власти.

Аист. *(роняет из крыльев ребёнка)* Боже, как Этого допускают до детской темы?!

Бог. А чего ты ожидал? План как выполнять будем? У меня скоро не останется подданных! Демографический кризис не шутка. Мои спонсоры не получают достаточной прибыли и меня не переизберут.

Аист. *(растерянный, поднимая и успокаивая ребёнка)* Переизберут? Вас? Спонсоры?

Бог. *(отворачиваясь)* О боже, какая наивность и чистота. Да, да, да, Дьябло поможет, тебе нужна помощь.

Дьябло. Такс. Начнём?

Входят работники и развешивают объявления: «Аборты – это убийство», «Нескромной – стыд и позор!», «Благодарна тебе, Боже, что создал меня по воле своей», «Благодарен тебе Боже, что не создал меня женщиной», «Создал господь женщину из ребра Адама, чтобы служила ему помощником». Танец женщин в виде рёбер. Выходят мужчины и поют песню про поиски второй половинки «Но второй половиной было ребро».

Аист. *(плетётся грустный, напился)* Что же творится, Господи!

Бог. *(высовывается из-за кулис)* Ты меня звал?

Аист. *(богу)* О нет, нет! *(продолжает себе)* Я думал, я разносил людям любимых детей, а сейчас я только выполняю план! Раньше была любовь, мужья учили жён, иногда тумаками, бывало, да, но, как-то всё было понятно, женщины знали своё место, растят детей, мужчины занимаются сексом, ясное распределение. А что теперь? Куда я эту должен был занести? *(смотрит на Крепышку в своих руках)*

Циля приходит к своему сотруднику домой, они обнимаются, целуются, Циля кричит в оргазме, аист услышал крик, очнулся, икнул, посмотрел и автоматически забросил туда Крепышку.

Рубленики получают детей. Циля приносит Крепышку домой, недоуменно смотрит на неё. И додумалась.

Циля. Оу, теперь у нас, как у всех, есть ребёнок, у нас есть уже фотография свадьбы, а с ребёнком нет. Быстрее фотографируйте меня! Я наконец-то как все! *(Фотографируется.)* О, ну всё, сфотографировались и хватит. Уберите это от меня! *(Отбрасывает Крепышку.)* А нет, надо прогуляться ещё, чтобы всем показать *(подбирает и везёт в коляске, коляска трясётся, Крепышка выпадает.)* О, да не страшно, она очень активная! *(Крепышка в пелёнке прыгает как рыба.)* Всё время прыгает. *(Циля поднимает и забрасывает в коляску.)* Ну вот, теперь показались, лети домой *(запускает девочкой в окно)* *(отицу)* Держи!

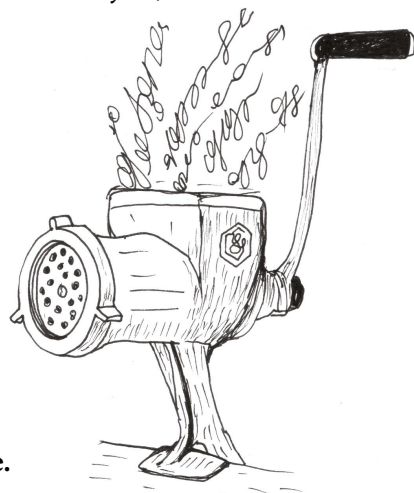
Рувим. Уже. *(подхватывает её в окне)*

Аист. Ну вроде всё пошло неплохо. *(Кидает в Цилю вторым ребёнком.)* Юху! Вторая пошла!

Циля. Что это, ещё одна? Да я и этой уже наигралась! Ну может, для чего-то они сгодятся. *(Красиво раскладывает их штабелем друг рядом с другом, поправляет свою прическу и выходит.)*

Аист. *(докладывает Богу)* Миссия выполнена! Все дети нашли свои семьи!

Бог. *(смотрит на экране за происходящим у Рубленников, гладит по голове сидящего рядом на коврикe Дьябло)* Да, мы всё видели. Вот видишь, схема прекрасно работает! Выпишу премию нашему отделу маркетинга. *(Гладит Дьябло по голове и бросает ему в пасть кусочек салами, Дьябло хватает его в воздухе.)*

Цирк. Закулисы

Действие происходит в 70-е годы в Советском Союзе.

Посвящаю любимой покойной сестре Юлии и своим психологням, особенно Анне Забелоцкой.

Комментарии к постановке:

Поскольку пьеса о детях, девочек должны играть две девочки. В сценах насилия можно использовать гиперреалистичных кукол, так как:

1. При насилии человека превращают в объект
2. Психологически тоже при травме происходит расщепление личности, это можно описать, расщепляя девочку на неё и куклу.
3. А также при насилии происходит дисфория, тело отключается от осознания, и в таком случае тоже подходит решение с реалистичными куклами.
4. Существуют два мира: внешняя идиллия и кринжевая жизнь в клетке цирка дрессированных людей, которые к финалу соединяются в одно. (Можно сделать пробивание экрана между мирами в конце.)

С момента травматичного опыта в спектакле к девочкам остается привязана её кукла как символ травмы, которую человек тащит с собой.

Часть 1. До семи

Сцена «Идиллия». Мы с сестрой играем в принцесс и строим замки из подушек.

Юля. Доброе утро. Давай играть!

Наташа. Давай, во что? Хочешь, в принцесс? Неси все свои одеяла и подушки! Давай складывать трон!

Девочки складывают одеяла в форме трона, делают спинку и ручки из подушек.

Юля. Я сейчас принцесса. А значит, ты мне должна прислуживать.

Наташа. Хорошо, одна принцесса, а другая прислуживает.

Юля. Я желаю винограда, конфет и мороженого

Наташа. Да, моя госпожа, вот вам. *(протягивает книгу как поднос)*

Юля. Ооо, это очень вкусно!

Наташа. А теперь я! *(залезает вместо Юли)*

Сцена «Идиллия». Мама читает сказку о Русалке

Мама. Почитаем сегодня сказку?

Юля и Наташа. Даааа!

Мама. Какую хотите почитать сегодня?

Наташа. Только не «Русалочку»! Это очень страшно!

Мама. Почему? А мне очень нравится!

Юля. Подожди, тогда мы сначала залезем с головой под одеяло, это действительно очень страшная сказка!

Мама. Она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и ежедневно терпела невыносимые мучения, о которых он и не догадывался.

Наташа. Всё, пожалуйста, больше не надо, мне страшно.

Сцена «Трэш». Семейный ринг в клетке

Мать. *(работает по клетке)* На, на, на!

Мутнотец. *(себе)* Главное, чтобы никто не заметил. *(прокрадывается рядом)*

Мать. Мутнотец?

Мутнотец *(испугавшись)* Оо...

Мать. Что ты стоишь? Двигайся! Ничего не сделано! Или хочешь получить? *(бросается на него, рычит, скалится и царапает)*

Мутнотец. Что ты делаешь? Отойди от меня! Не приближайся!

Он испуганно от неё сторонится, двигается к решётке.

Мать. А что ты мне сделаешь? Думаешь только сидеть у меня на шее? Не выйдет! Давай, двигай булками! Работай!

Она проходит вокруг него, выбирает удобное место и опять атакует его, впивается в его шею. Он в ужасе отпрыгивает её и отшвыривает в сторону.

Мутнотец. Если тебе не нравится, давай разведёмся.

Она перекачивается, отряхивается и опять начинает на него наступать.

Мать. Чтотооо? Ты на кого руку поднял! Порву!

Мутнотец. Не надо меня, тебе не стоит! Мы разведёмся, если так будет продолжаться! Вот, что у тебя есть! У тебя есть она! *(он хватает рядом играющую Крепышку и защищает её как щитом)* Вот, на, есть на что переключиться!

Мать смотрит настороженно на Мутнотца.

Мать. *(Крепышке)* Получай! *(с размаха бьёт лапой и раздирает крепышку)*

Крепышка. Аааа, за что? Что я сделала?

Мать. Разорву! *(впивается зубами, окровавленным ртом пережевывая отгрызанное)*

Крепышка. Аааа, мне больно! Что вы делаете! Вы убиваете меня!

Мать. Ты моя, захочу и убью!

Крепышка. Я вижу у тебя в глазах, что ты хочешь убить меня!

Мать. *(прожёвывая)* Буду делать с тобой всё, что захочется! Кто мне запретит?

Мутнотец опасливо смотрит на жену, видит, что она удовлетворена, отпускает малышку на пол и жалеет её, даёт ей куклу. Девочка вытирает кровь, ошалело смотрит на отца, на куклу, ложится без сил.

Крепышка. За что?

Мать. За то, что мне плохо!

Короткое замыкание заканчивается.

Сцена «Трэш». Явление Ведьмы

Ведьма. *(трясёт кулаками над девочкой. Она рычит на крепышку, её лицо перекошено злобой, челюсти сжаты, зубы скрежещут)* Убирайся отсюда, сволочь бестолковая!

Крепышка. *(пытится к решётке клетки)* Аааа, не надо!

Ведьма разворачивается и уходит. Через минуту заходит мама с обычным выражением лица, начинает готовить еду, улыбается.

Крепышка. Эта тоже моя мама? Ведьма проглатывает мою маму? Потом мама возвращается? Мамочка, не уходи! Я люблю тебя! Я прослежу, когда страшная Ведьма проглатывает мою Маму.

Мама. Что случилось? Ты в порядке?

Крепышка молчит и смотрит, руки трясутся.

Мама. Беги поиграйся.

Она бежит туда, откуда мать только что пришла.

Короткое замыкание.

Крепышка. Где признаки того, что там произошло, что же там произошло? Куда пропала моя мама? Там ничего нет! Тогда я не буду упускать её из виду и прослежу, когда происходит замена в следующий раз! Буду сидеть здесь в засаде. Нападу на ведьму, когда она только вздумает приблизиться к моей маме!

Мама крутится по кухне.

Мать отворачивается в работе. Обратно оборачивается уже страшная Ведьма с перекошенным от злобы лицом и бешеными глазами.

Девочка молча смотрит на ведьму.

Крепышка. *(себе)* О боже! Что это?

Ведьма. Чего стоишь, убожество? Разорвала бы тебя.

Пальцы Ведьмы скрючены в спазме и направлены на девочку. Крепышка пятится назад и убегает.

Крепышка. *(себе)* Ведьма и есть мама... *(Мама дальше Ведьмама)*

Сцена Идиллия. *Мы едим шоколадные конфеты, подаренные маме, и играем со стетоскопом, и боимся прикасаться к лекарствам. Примеряем одежду мамы.*

Дома Наташа и Юля играют с вещами родителей.

Наташа. Вот ещё коробка с конфетами. Мама, а откуда у нас каждый раз столько коробок конфет?

Мама. Пациенты благодарят.

Наташа. И как они тебя благодарят? Говорят спасибо?

Мама. Говорят спасибо и иногда дарят конфеты.

Наташа. Люблю конфеты! Бери, Юля. *(Они жуют конфеты)*

Юля. Я сегодня играю с трубкой.

Мама. *(заходит из кухни)* Это не трубка, это стетоскоп.

Наташа. Это микрофон.

Мама. Нет, это стетоскоп слушать лёгкие, сердце.

Наташа. Это микрофон для сердца, в нём слышно, как бьётся сердце. Давай, Юля, я тебе в стетоскоп что-то скажу, хочешь?

Юля. Да.

Наташа. Алё, как слышно?

Юля. Я тебя просто так слышу, в трубке нет.

Наташа. А вот так? *(стучит)*

Юля. Ой, мне больно в уши! Я не хочу играть с этим больше. Вот здесь у мамы хранятся лекарства. Смотри, как разноцветные конфетки.

Наташа. Мне страшно. Бабушка пила много таких лекарств, и она умерла. Я не хочу заразиться смертью.

Юля. А я не боюсь, вот, могу лизнуть капсулу, совсем никакого вкуса, на.

Наташа. Ладно, вот, лизну, может, сразу заражусь! Да, нет вкуса. Хватит, давай наряжаться в красавиц из маминых дорогих вещей. *(переходят к другому шкафчику, вытаскивают вещи)*

Юля. Я надену шёлковое цветное платье.

Наташа. А я мохнатую кофточку, сейчас принесу туфли и помаду. *(наряжаются)*

Юля. Ну, я пошла в кино! *(идёт, выпадая из туфель на каблуках и волоча за собой платье)*

Наташа. Я тоже, какая у тебя оранжевая помада!

Юля шёпотом. А ты тоже находила здесь фотографии голых тёть?

Наташа. Да, ты тоже? Так странно, а сейчас нет, только мы играемся со старыми красивыми вещами мамы, папа, наверное, подложил.

Сцена «Идиллия». Мама катает девочек на «скорой помощи»

Мама. Девочки, хотите на скорой помощи покататься?

Наташа и Юля. Да! А как же подружки?

Мама. Спрошу у водителя. Да, покатаем всех вместе! До конца дома, до поворота. Пойдёмте. *(выходят)*

Девочки, счастливые, прибегают домой.

Юля. Так далеко мы ещё никогда не отдалялись от дома!

Наташа. Да! Мы катались на «скорой помощи»! Девчонки тоже в первый раз катались!

Юля. Как круто сидеть там, всё это сложное оборудование! Смотреть в окно!

Наташа. И мама самая главная!

Сцена «Трэш». Обед с Ведьмой

Ведьмама. Идёмте есть!

Крепышка. *(заходит)*

Мутнотец и сестра Худышка уже сидят у стола. Им накладывает еду Ведьмама.

Крепышка. *(обходит стол со всех сторон, разглядывает)* Мутнотец, сестра – настоящие, или колдуны заменили всю её семью? Они все ведут себя как будто ничего не произошло! Они видят, что Ведьма подменила Маму! Они заодно с Ведьмой? *Крепышка садится осторожно за стол. Ведьмама наклоняется к Крепышке, Крепышка отклоняется в сторону, она готова убежать. Ведьмама накладывает ей еду.*

Ведьмама. Что случилось? Сиди спокойно, ешь!

Крепышка. *(себе)* Ужас, это Ведьма! Сестра и Отец жуют молча, смотрят в тарелки, не замечая ничего. Они меня видят? Дотронусь до руки Отца, пощупаю её, если она настоящая. Он не реагирует, жуёт! Кто-нибудь, помогите, пожалуйста! Я потянусь, как будто за хлебом, и проведу им перед глазами сестры. Сестра тоже не реагирует! Склонилась над тарелкой... Ужас! Они все ненастоящие! Это целая семья монстров проглотила мою семью, а это пустые макеты! Они не видят, не чувствуют!

Вскакивает, прижимается спиной к прутьям клетки.

Крепышка. *(продолжает)* Никто этого не видит! Обойду клетку по кругу, посмотрю со всех сторон. Они никак не реагируют, не нападают, сяду поем пока.

Мутнотец. О, хозяйшка наготовила, отведаем!

Все ведут себя как ни в чём ни бывало.

Мутнотец. Мужчина – голова, женщина – хвост.

Крепышка. Какой хвост?

Ведьмама садится к столу.

Мутнотец. Мужчина в доме хозяин. Как скажет, так и будет! Кто-то же в доме должен быть в штанах. За кем последнее слово!

Крепышка. *(тоже начинает есть)* А что это значит?

Мутнотец. Молчи и ешь *(даёт затрецину Крепышке)*, иди в угол.

Она идёт. Через пять минут приходит мать.

Ведьмама. Пойди, попроси прощения у папы, он тебе хотел добра.

Крепышка. Идёт к отцу.

Крепышка. Прости, пожалуйста.

Мутнотец. А что тебе надо простить?

Крепышка. Не знаю.

Мутнотец. Ну тогда возвращайся в угол, раз не знаешь!

Крепышка. *(заученно)* Я плохо себя вела.

Мутнотец. *(драматично)* Как именно ты плохо себя вела?

Крепышка. Я не давала тебе говорить.

Мутнотец. Садись, но чтоб в последний раз!

Мутнотец. Девушку больше всего красит целомудренность.

Крепышка. Что такое целая мудренность?

Мутнотец. Крепышка, ешь молча!

Крепышка болтает ногами под столом и бьёт по ножкам стола.

Мутнотец опять даёт затрещину и посылает в угол.

Ведьмама опять приходит через пять минут за дочерью.

Ведьмама. Иди, попроси у отца прощения. Ты опять провинилась.

Короткое замыкание.

Ведьмама. Что это?

Крепышка. А?

Крепышка. *(себе)* Обойдутся! Чтобы опять разыгрывать эту игру с прощением за то, чего ты не делала, унижаться перед Мутнотцом? Нетушки!

Крепышка. Не буду просить!

Ведьмама. Не попросишь, не вернёшься!

Крепышка. Так не вернусь.

Мутнотец и Ведьмама встают из-за стола и идут отдыхать. Крепышка продолжает часами сидеть в углу.

Она заходит в кухонный угол и съедает там свою еду, пока не лопается.

Туда заходит Ведьмама.

Ведьмама. Так вот какая ты принципиальная, посмотри-ка на неё отец, жалеет он её, умрёт она с голоду, ждите. Эта свинья всё уже сожрала!

Девочка отваливается и закатывается, сжавшись в углу.

Сцена «Трэш». Макаренки

Мутнотец. Крепышка, подойди ко мне.

Крепышка. Что?

Мутнотец. Как ты себя чувствуешь после вчерашнего?

Крепышка. ??

Мутнотец. *(сжимает драматично губы и закидывает голову)* Тебе, похоже, всё равно, но я, например, очень сильно переживаю! Мне очень не нравится, что я вынужден принимать по отношению к тебе крайние меры.

Крепышка. ??

Мутнотец. Вот даже Макаренко, когда он перевоспитывал подростков-преступников, являлся для них положительным примером. Но однажды один подросток, преступник-рецидивист всё-таки довел даже Макаренко! Макаренко, педагога от бога! (*Отец улетает в своих рассуждениях*) И Макаренко ударил его. Это был единственный раз, когда он поднял руку на детей. После этого он очень сильно переживал, это претило его ценностям. Он был бывшим офицером, аристократом! Но он должен был доказать подросткам-преступникам, что он авторитет, для их же блага...

Крепышка. ??

Мутнотец. Ты представляешь себе, во что ты меня втянула? Ты представляешь, насколько мне теперь сложно? Я был вынужден поднять на тебя руку!

Крепышка. Но ты ведь меня уже каждый раз за столом бьёшь.

Мутнотец. Вот именно! Ты представляешь себе, сколько раз ты меня довела? Ты не считаешь, что ты что-то должна мне сказать?

Крепышка. Извиниться?

Мутнотец. Например, да.

Крепышка. (*скривившись*) Ок, извини.

Мутнотец. За что, ты хоть понимаешь?

Крепышка. Да, извини за то, что ты меня ударил.

Мутнотец. Да, и вынужден сильно переживать, нет, за то, что ты вынудила меня тебя ударить...

Крепышка. (*с издёвкой*) Да-да, конечно.

Мутнотец. (*продолжает*) Твоя сестра вот ведет себя хорошо, её не слышно!

Сцена «Идиллия». *Наташу всё время кормят сладким порошком и мажут кожной мазью Вишневского, она пахнет гуталином, они с Юлей пробовали гуталин на вкус.*

Мама. Так, Наташа, давай съедим порошок. Это против твоих фурункулов.

Наташа. А сладкий? Давай, ням-ням.

Мама. И Намажем мазью Вишневского.

Наташа и Юля. Фуууу, какая вонючая! (*Мама выходит*)

Наташа Юле. Хочешь тоже попробовать? Очень вкусно, как конфета.

Юля. Ага!

Наташа. Так, что там было сладкое, вот эта баночка? (*берёт мазь Вишневского*) Фуууу. Это она же и была сладкая? (*пробует и даёт попробовать Юле*)

Юля. Нет, это совсем несладкое.

Наташа. Я знаю, где достать другую вонючую мазь.

Юля. Где?

Наташа. Там, где хранят обувь! Этой мазью натирают обувь. Вот она, наверное, сладкая! Сейчас принесу, будем пробовать!

Наташа и Юля сидят и едят гуталин. Заходит мама.

Мама. Что вы делаете?

Наташа и Юля смотрят на мать, у них все лица в гуталине.

Сцена «Трэш». Доброе утро с Ведьмамой

Ведьмама. У меня есть одна дочь и одно чудовище. Чудовище, говорю. *(Ведьмама пинает спящую Крепышку в спину)*

Крепышка. Ааа.

Девочка в ужасе спросонья подпрыгивает на кровати и выставляет ногу в защиту.

Ведьмама. Выметайся отсюда!

Хватает за ногу сонную Крепышку, выбрасывает её из кровати и тащит за ногу по полу. Короткое замыкание. Крепышка отбрыкивается ногой, Ведьмама отлетает в другую сторону клетки на прутья. Ударяется, трясёт головой, останавливается, превращается в грустную несчастную ведьму и молча оставляет девочку в покое и выходит.

Заходит Мутнотец.

Мутнотец. Крепышка, ты что, пихнула в живот свою Ведьмamu?

Крепышка. Когда она меня волокла с кровати по полу!

Мутнотец. *(вырастая тоже как колдун)* Но это же Ведьмама!

Крепышка. Я же доооочь!

Ведьмама. *(из-за спины Отца)* Не дочь она мне! Отродье!

Короткое замыкание.

Крепышка. Значит, и она мне не мать!

Сцена «Идиллия». Игра в прятки с головой.

Наташа. Юля, ты ищешь!

Юля. Раз, два, три...

Наташа. *(себе)* Когда я не вижу – не видят меня. Опущусь за шкаф по глаза, так, чтобы не видеть, и тогда меня не увидят и не найдёт Юля.

Юля. Стукали-пали, Наташа! Я тебя нашла!

Наташа. А как ты меня увидела?

Юля. Ха-ха, ты совсем не спряталась, твоя макушка головы торчала!

Сцена «Трэш». Занятия с Ведьмой

Ведьмама. *(Худышке)* Мамочка идёт заниматься со сладкой девочкой.

Ведёт Худышку за учебный стол. Недалеко, на тумбочке Крепышка делает задания сама.

Ведьмама. *(Худышке)* Так, проверим тебя. Сколько будет два и ещё три?

Худышка. *(с восторгом)* Четыре – красивая цифра.

Ведьмама молчит.

Худышка. *(смотрит на Ведьмamu)* Три?

Ведьмама. Какое три? Мы добавили три! Ты совсем бестолочь? *(Хватает Худышку за голову и бьёт её об стекло стола, слышится стук черепа об стекло. Худы-*

ишка плачет, пуская слюни, сжимается. Крепышка со стороны смотрит, сжимаясь, но боится вмешиваться)

Ведьмама. Ещё раз спрашиваю по-хорошему: сколько два и ещё три.

Худышка. (со страхом и неуверенностью вжимается в стул) Два? Нет, три? Четыре, да, точно, четыре?

Ведьмама. Так, я иду заниматься с Крепышкой!

Крепышка. (торопливо) Нет, нет, у меня всё получается! Мне ничего не надо, я справляюсь!

Сцена «Идиллия». Отец учит рисовать. Всё время возится у нас в комнате с полками для кукол и шкафами

Папа. (Наташе) Вот, смотри на кувшин, на нём тени, где тени – рисуешь темнее, где свет – светлее, так получишь объём. (Наташа рисует)

Наташа. Папа, вот я нарисовала, как ты показывал.

Папа. Нет, а теперь смотри, вот здесь неправильно, здесь неточно.

Наташа. Ты только что меня научил и поддерживал, а теперь находишь какие-то неточности?

Папа. Теперь ты уже должна совершенствоваться, просто хвалить тАебя никуда не продвинет. Пойду повешу полочки, меня Юля просила. (Отходит и возится с Юлей)

Сцена «Трэш». Игра в «карусель»

Крепышка заходит в детский уголок клетки. Мутнотец наклонился и держит руку между ног Худышки.

Крепышка. (подходит рассмотреть) А что вы теперь делаете?

Мутнотец вынимает руку из трусов Худышки, подхватывает её на эту руку и кружит.

Мутнотец. Мы играем в карусель, юхуууу, да, Худышка, тебе нравится кружиться?

Худышка. Да! Ха-ха. (смотрит на Крепышку, не завидует ли та) Мутнопапочка, кружи меня ещё! Мне нравится!

Крепышка. Я тоже хочу! Я тоже хочу карусель! (И залезает на другую руку Мутнотца)

Он кружит двоих дочерей на руках. Крепышка ерзает сидя, рука отца между её ног. Её захватывает кружение, но непонятное возбуждение идёт от руки отца. Она опять начинает задыхаться, глубоко дышать, пытается прыгнуть с руки отца.

Мутнотец. Да, слазь. Ты слишком тяжёлая, ты мне оттянула всю руку!

Худышка. Ха-ха. (довольная смотрит на Крепышку)

Все удаляются из комнаты. Крепышка возвращается в комнату и обнаруживает в детском уголке игрушечную карусель.

Короткое замыкание.

Сцена «Идиллия». Разговор о бесконечности, про числа

Отец с Наташей сидят рядом со столом

Папа. Есть положительные, а есть отрицательные числа! Это такие же числа, они идут в обратную сторону, то есть они уменьшаются до бесконечности.

Наташа. А где заканчивается бесконечность? Вселенная тоже бесконечна. И где же она заканчивается?

Сцена «Трэш». Лошадки

Мутнотец лежит на диване, на его бёдрах сидит Худышка. И мутнотец её на себе трясёт.

Дочь висит и трясётся у него в руках, как тряпичная кукла с выжатой душой.

Крепышка. (подходит к ним, и заглядывает что происходит) А что вы делаете?

Мутнотец сильно увлечен происходящим с детёнышкой-Худышкой, отталкивает Крепышку, усаживает себе на бёдра Худышку, больше не дёргая её.

Крепышка. (обходя со стороны и пытаясь понять, что происходит) А что вы делаете?

Мутнотец. Мы играем в лошадки! (И поднимает, и опускает себе на бёдра дочь, дёргает на себе. Он сделал из неё мертвое тело для использования. Мутнотец возится у себя в районе паха. Приходит мать и ласково, ничего не замечая, подходит к Мутнотцу, ставит у изголовья чашку с чаем и уходит)

Крепышка. (Смотрит на мать, от неё нет реакции) Я тоже хочу играть с вами! (тоже лезет на бёдра к Мутнотцу) Хочу играть с вами в лошадки тоже! (прыгает на нем)

Мутнотец. Ты слишком толстая! (сбрасывает её с себя)

Мутнотец снимает с себя Худышку, кладёт рядом с собой на диван и лежит, обнявшись с ней, как с парой.

Крепышка. Я тоже буду лежать!

Залезает тоже лежать рядом с Мутнотцом. Она начинает очень сильно дышать, затем задыхаться, сглатывать, сдерживать дыхание и ещё больше задыхаться, пока она больше не может этого выносить, перелезает через Мутнотца и сестру и убегает из комнаты.

Все удаляются из комнаты. Крепышка возвращается в комнату и обнаруживает в детском уголке игрушечную кроватку.

Сцена Идиллия. Новый год у нас дома. Юзя – Дед Мороз. Юзя-танцор

Квартира семьи Наташи. Встреча Нового года. Гости и семья вокруг праздничного стола и угощений. Дети лазают под столом и бегают друг за другом. Звонок в двери. Дети бегут в коридор посмотреть, кто там.

Дети. Там Дед Мороз!

Дед Мороз. Э-ге-гей, дети, с Новым годом вас, дорогие! Я принёс вам подарки! Вот, это тебе, это тебе. (раздаёт им подарки) Меня ждут ещё ребята, до свидания! (уходит и назад возвращается дядя Юзя, все идут к столу)

Наташа. *(отцу)* О, папа, ты всё пропустил, к нам приходил Дед Мороз! Подарил подарки. Ой, папа, что это? Какой-то конверт, картонки.

Папа. Это маски, дужки к ним, это маскарадные маски. Приделаем вот так.

Папа прикрепляет дужки к огромным маскам в виде карикатурных искажённых взрослых голов и надевает их на присутствующих четверых детей. Дети ходят как маленькие уродцы с огромными искажёнными головами, маски периодически падают. Играет музыка, гости танцуют.

Папа. Бониэм? Абба? Эрапшен? *(Ставит музыку на магнитоле.)*

Дядя Юзя. Идёмте танцевать. *(вытягивает жену и других танцевать, Мама и Папа не танцуют)*

Один из гостей. А ну-ка, кто из нас лучше танцует, пускай дети решат. *(гости начинают танцевать, даже Папа присоединяется)*

Папа. А вот так, дети, как я танцую?

Юля. Папа, ты танцуешь лучше всех!

Дядя Юзя. А вот так? *(начинает тоже стараться танцевать и делает движения тазом, заводит руки за голову и делает волны всем торсом под музыку Бониэм)*

Дети. Посмотрите на Юзю!

Гости. Дети, ну что, кто лучше танцует?

Дети. Юзя!

Юля. Папа.

Папа. Ну что, Наташа, кто из нас?

Юзя делает ещё ярче движения. Наташа смотрит на отца и Дядю Юзю.

Гости. Ну, Наташа, кто?

Наташа. Юзя *(боится поднять глаза на отца)*

Отец. *(разочарованно)* Эээх, чуть не победил!

Дядя Юзя. *(17-летней дочери друзей)* Потанцуем медленный танец?

Папа. Карина, будь осторожна, он опасен!

Сцена «Трэш». Люди на асфальте

Мутнотец. Крепышка, пойдй поиграй снаружи, за подмостками, внизу.

Крепышка. Как это? Просто так?

Мутнотец. Да.

Крепышка. Сама? Без Худышки? Вы же никогда не пускаете нас гулять отдельно? Мы же всегда ходим вместе.

Мутнотец. Так надо сейчас, у Худышки есть дела.

Крепышка. Ей шесть лет, какие у неё дела? Она играет всегда со мной, какие дела без меня? И как я буду играть сама снаружи? Что я буду делать? Вы говорите, что самой опасно оставаться.

Мутнотец. А сегодня ты будешь гулять сама!

Крепышка. Сейчас даже нет подружек, мне не с кем играть. Я посижу, поиграю в клетке, пока Худышка закончит дела.

Мутнотец. Ты не будешь в клетке!

Крепышка. Как это, это же моя родная клетка?

Мутнотец. (раздраженно) Ты должна быть снаружи, и всё.

Крепышка. Но почему?

Мутнотец. Крепышка, делай то, что я тебе сказал.

Крепышка недоуменно выходит из клетки. Мутнотец запахивает все шторы в клетке. Она стоит за подмостками внизу, каждый раз поднимает голову и смотрит в сторону клетки. Ходит по кругу, как на арене. Выполняет как будто цирковые упражнения родителей. Выбегает Мутнотец из клетки. Оглядывается по сторонам.

Мутнотец. Крепышка, я только сказать тебе что-то...

Короткое замыкание.

Крепышка. (с надеждой) Я могу вернуться в клетку? Сестра закончила дела?

Мутнотец. Нет, ты не можешь. Мы, я, она ещё не закончила. Но я хочу тебе кое-что сказать...

Крепышка. Что?

Мутнотец. Если к тебе вдруг подойдёт дядя...

Крепышка. Ко мне подойдёт дядя, ты с ним договорился?

Мутнотец. Нет, наоборот, не должен подойти.

Крепышка. Так почему он подойдёт?

Мутнотец. Вот именно. Он не должен, но подойдёт и будет предлагать тебе разные вещи...

Крепышка. Какие?

Мутнотец. Ну, я не знаю, может быть, конфетки, может быть, что-то другое, чего ты хочешь, вот что ты хочешь?

Крепышка. Велосипед.

Мутнотец. Он предложит, например, велосипед. Ты согласишься?

Крепышка. Конечно.

Мутнотец. А если он тебе скажет, что велосипед далеко отсюда и надо сходить вместе, чтобы его привезти?

Крепышка. То я схожу с ним, чтобы помочь привезти велосипед.

Мутнотец. Нет, вот, что бы он тебе ни предлагал – никуда не иди с ним. Он может тебе много разного обещать. Ты поняла? Никуда не двигаешься отсюда.

Крепышка. Так, может быть, я просто буду в клетке?

Мутнотец. Нет, ты пока побудешь здесь.

Крепышка. Пока что что?

Мутнотец. Пока я тебе скажу.

Крепышка. Меня Худышка спустится позвать за подмостки? Она спустится гулять со мной?

Мутнотец. Я так не думаю.

Крепышка. Почему? Что с ней? Ты никогда не спускаешься звать сам.

Короткое замыкание.

Мутнотец. Я очень тороплюсь. Должен сейчас идти. Оставайся тут. (Он очерчивает

вокруг Крепышки мелом круг на десять шагов на полу). Тебе нельзя пересекать эту черту!

Мутнотец поднимается на подмостки к клетке.

Крепышка. Где Худышка? Вы опять будете играть в лошадки?

Короткое замыкание.

Мутнотец оборачивается и продолжает удаляться.

Крепышка. *(кричит наверх)* Худышка! Что с тобой? Где ты? *(стоит в недоумении, смотрит перед собой)* Ничего не понимаю, где чужой дядя? *(оглядывается вокруг)* Никого нет и никто не идёт! Я абсолютно одна. Как-то мне тяжело дышется. *(она тяжело дышит, как будто пытается втиснуть в себя ситуацию)*... О, мелок, нарисую боольшие глаза... Они смотрят, они всё видят! *(смотрит в сторону клетки)* Скажите ему, скажите, всё скажите. И скажите, что всем, всему миру расскажете! Вот, и нос нарисую, и рот, и лицо, получился огроомная тётя... Она на тебя смотрит, она расскажет!

Кто-то видит? Нет. Тогда нарисую вторую пару больших глаз. Они будут смотреть на вас, они люди!

Короткое замыкание.

Крепышка. Дорисую нос, рот, лицо дяди. Кто-то в клетке видит? Нет, шторы закрыты. В клетке никто не видит... Я устала *(садится на пол)*.

Крепышка. *(головам на асфальте)* Теперь говорите вы! Кричите ему! Сверлите его глазами! Хотя бы вы люди! Я вас такими создала! Вы видите, что Он творит?! Вы обязаны мне помочь! Вы обязаны его остановить! Что-то неладно! Сейчас произойдёт что-то ужасное!

Разряд короткого замыкания. Лица на асфальте оживают и сверлят взглядом занавески на клетке. За занавесками что-то шевелится.

Подходит Мутнотец.

Мутнотец. Можно подниматься.

Крепышка. Ты работал? Ты вспотел и весь красный.

Мутнотец. Идём.

Крепышка поднимается в клетку и сразу радостно бежит к сестре, на ходу зовёт.

Крепышка. Худышка, где ты была всё это время? Чем ты была занята? *(заходит)* Почему ты так лежишь, свернувшись калачиком в кроватке? Ты болеешь? *(без ответа)* Что вы делали? Опять играли?

Худышка. *(повернула голову в её сторону, горько)* Играли. *(тихо, удушливо рыдает, ещё больше вдавливаясь в кровать)*

Крепышка. Почему ты плачешь? Мутнотец, почему Худышка так сильно плачет? Что случилось? *(Крепышка сжалась тоже в калачик на своей кровати)*

Мутнотец отвернулся спиной и удалился, ссутулившись.

Крепышка. Посмотри, Мутнотец, что я нарисовала, пока вы с сестрой играли.

Головы на асфальте хмурятся и строго смотрят на Мутнотца.

Мутнотец. *(отгибает штору, чтобы ещё раз посмотреть, отпрыгивает)* Ты что, сотри это немедленно!

Крепышка. Как?

Мутнотец. Как угодно, руками, тряпкой, сотри!

Крепышка. Как я могу стереть, это же на всю площадку?

Мутнотец. Этого никто не должен увидеть!

Крепышка. Это же мой рисунок! Ты всегда меня хвалил за рисунки!

Мутнотец выбегает из клетки, сбегает по лестнице вниз на площадку, шаркает ногами, пытается стереть, трёт руками...

Вылезая из дыры.

Крепышка. (себе) Почему так тяжело дышится? Почему так тяжело здесь быть? Почему сестра не двигается и вся сжалась? Я думала, они играют без меня во что-то интересное...

Сцена «Трэш» пытается выйти в «Идиллию». Бегство

Худышка и Крепышка между клетками играют в кукол голых людей.

Крепышка. (взрослой) Я сейчас! *(Худышке)* Смотри, какой мой большой, совсем как настоящий человек! Мне немного его жалко, он какой-то грустный, поэтому назову его Павликом.

Худышка. Как назовём моего?

Крепышка. Твой по выражению лица вылитый Саша. Такой любопытный!

Худышка. Ага.

Крепышка. Давай посадим наших человечков, пусть пока погуляют здесь.

Худышка. Давай.

Крепышка. А сами пойдём открывать новые Земли.

Худышка. Какие?

Крепышка. Пока не знаю, посмотрим какие.

Крепышка взяла младшую сестру за руку и пошла между клеток дальше от Родительской клетки. Ходило много людей, работников, дрессировщиков, никто не замечал двух маленьких циркачек. Они шли в обратную от арены сторону и подошли к заднему выходу из Цирка.

Крепышка. Смотри, здесь заканчивается Цирк! Я была права, есть другой Мир кроме Цирка!

Худышка. Как здорово. Но, Крепышка, я, пока шла, устала, я хочу есть, где мама, где папа? Отведи меня домой!

Крепышка. Ещё немного, смотри, мы уже находим другой мир.

Худышка. Не хочу, устала, хочу домой. Мне страшно, я буду плакать.

Крепышка. Пошли, только пройдем ещё немного, увидим, что там. Смотри, какие люди! Они совсем другие, не такие, как у нас в цирке, на них нет цирковых костюмов, но они и не голые. Может быть, они возьмут нас с собой?

Худышка. Никто не видит нас! И где мама? Они все куда-то бегут, не обращают внимания. Девочки стоят. Вокруг снуют люди.

Худышка. Всё, я больше не могу идти. А-а-а, мама.

Крепышка. Я сама тоже проголодалась, устала, я не знаю, что делать дальше, у тебя совсем нет сил? *(люди продолжают идти мимо)*

Худышка. Совсем.

Крепышка. Назад хоть сможешь дойти? До клетки?

Худышка. Не знаю. Я хочу здесь сидеть, я не могу идти.

Крепышка. Уже солнце заходит.

Худышка. Мне страшно.

Незнакомка. Девочки, вы потеряли маму?

Худышка. Да! Хочу маму!

Крепышка. Нет.

Незнакомка. Так где же она? Отвести вас к маме?

Крепышка. (*поспешно*) Нет, не надо, мы идём к маме.

Худышка. Мы идём к маме?

Крепышка. Нет, мы не вернёмся больше к маме! Мы найдём себе новую маму!

Худышка. Не хочу другую маму. Хочу свою маму! У-у-у-у, а-а-а...

Крепышка. А что же мне делать?

Худышка. Верни меня к маме!

Крепышка. Что же делать? Я хочу идти дальше, посидишь здесь немного?

Худышка. Я боюсь, я устала, я хочу в клетку!

Девочки, уставшие, стоят на улице. Мимо них идут люди.

Крепышка. Ну идём, я отведу тебя, а сама потом уйду! Сейчас, подожди я пойму куда идти.

Худышка. А-а-а, хочу к маме!

Крепышка. погоди, это большой город, куда идти? Где наша клетка? Пойдём туда!

Крепышка. (*через какое-то время*) Вон, уже видна скамейка, на которой мы оставили Сашу и Павлика. Где они сами?

Худышка. Где Саша и Павлик?

Крепышка. Ну... Они... Наверняка... Эээ... (*выдумывает*) Пошли гулять.

Худышка. И они вернутся?

Крепышка. Дааа, вернутся. Погуляют и вернутся.

Ведьмама. Где это вы ходили? Крепышка, ты? На тебе, на тебе! А я смотрю из окна, ваши игрушки сидят, думала, вы рядом, не беспокоилась!

Крепышка. Вы идите, я пойду ещё погулять!

Ведьмама. Я тебе сейчас покажу «погулять»! На тебе ещё! На тебе! На тебе! (*тащит Крепышку в клетку, Худышка держится за юбку матери*)

Сцена «Трэш» выходит в Идиллию. Это не любовь!

(*отец и мать медленно надвигаются на Наташу, как будто собираются поймать её*)

Папа. Наташенька, ты же понимаешь, что мы тебя наказываем для твоего же блага! В тебе сидит зло, и надо его уничтожить.

Наташа. Где любовь? Это не любовь! Вы всё врёт! Вы просто убиваете медленно меня и Юлю!

Мама. Мы-то тебе рога пообломаем! Замолчи!

Наташа. Я не буду, не буду больше молчать, вы меня всё равно уничтожаете, так хотя бы я буду говорить всё, что думаю!

Мама папе. Ты видишь, кого ты защищаешь? (*Наташе*) Иди сюда, гадина!

Наташа. Или что ты мне сделаешь? Побьёшь? Убьёшь? Так нет вообще никакой связи между тем, что я делаю, и тем, как вы себя ведёте. Никакой любви нет, терять мне нечего!

Мама. Ты наша, и мы тебе скажем, что делать.

Наташа. Попробуйте!

Мама. Я тебя сгною с этого света, дрянь!

Наташа. Не новость, будь пооригинальней!

Мама. Убирайся из моего дома! Я тебя ещё кормить должна!

Наташа. Я хотела уйти от вас, но вы меня заперли дома! Запиши всё, что я съела, я вырасту и расплачусь! (*плача*)

Мама. Расплатишься, ага!

Наташа. (*кричит*) Расплачусь! Что ты хочешь у меня забрать уже сейчас, чтобы я расплатилась с тобой?

Мама. В этом доме нет ничего твоего! Чем ты мне заплатишь?! Поэтому ты будешь делать, то что я говорю!

Папа. Цилия, зачем ты так? Наташа, это же мама! Вот вы ругаетесь, а между прочим, вы одно и то же!

Мама. Уйди, не мешайся, смотри, что вырастил! Вот не будет отца, я тебе покажу!

Юля. Мамочка, а я хорошая?

Мама. Ты моя дочь! А это отродье! (*Юля проходит мимо Наташи и смотрит на неё, чтобы та завидовала Юле*) Иди, иди ко мне, хорошая, не разговаривай с этой! Мама с папой тебя любят!

Наташа. Мама с папой тебя погубят! Смотри, что они с тобой творят, а ты всё повторяешь за ними! Посмотрите, что вы с сестрой сделали! Она боится слово вам сказать!

(*Мама лезет к Наташе. Наташа выставляет ногу и руку, готовясь к удару. Мама щипает и трясёт Наташу. Наташа вырывается, пинает мать в ногу, мать оттанавливается в её нападении*)

Мама. Замолчи и убирайся отсюда! Мы её любим, она наша семья, а ты здесь никто!

Наташа. Если бы было куда, убралась бы!

Мама. Мы тебя боимся. Ты, ты ненормальная!

Папа. Даже если она сволочь, она душевно больна, она наша дочь, мы должны её любить.

Мама. Не защищай её! (*мать выходит, за ней все. Наташа сидит на полу, сжавшись в комок, и пытается не плакать. Юля оборачивается на сестру, но уходит с родителями*)

Амалия Пртавян

Люйс

Вербатим

Действующие лица:

Сусанна – 30 лет

Сусанна в детстве и её сестра Лена в детстве – 4 и 3 года

Вартушик – 25 лет, мама Сусанны

Артур – 30 лет, папа Сусанны и Лены

Бабушка – 55 лет, бабушка Сусанны и Лены и свекровь Вартушик

Жора – 64 года, дедушка Сусанны и Лены

Ереван, 90-е / Москва, 2020-й

Как выглядит сцена:

Справа Сусанна, действие происходит в наше время. Правая часть сцены всегда ярко освещена.

Слева прошлое. Левая часть сцены не освещена, кроме эпизодов, когда отдельно отмечается наличие освещения.

Действия происходят параллельно.

Сцена 1.

Зрители садятся в зале. Гаснет свет, на протяжении минуты-двух в зале и на сцене очень темно и вообще ничего не происходит.

Через две минуты начинает слышаться шорох, женские голоса произносят в разных частях сцены: «берь (принеси)», «керосинку принеси», «что случилось? Артур? Люйсэ ктрэц («свет отключили»)», «Свечи нашла, мама, вот».

На левой части сцены включается тусклый свет керосинки. Сидят Вартушик и Бабушка. На правой части сцены постепенно загорается яркий свет, там появляется Сусанна.

Сцена 2.

Справа Сусанна закуривает сигарету, слева сцена тёмная, свет керосинки. Пока справа Сусанна обращается к публике, слева Бабушка укладывает спать двух девочек 3–4 лет и уходит спать сама. Дети и Бабушка спят в пальто и шапках.

Справа Сусанна: Я боюсь темноты всю свою жизнь, сколько себя помню. Просто в детстве этот страх оправдан. Все дети боятся темноты. А сейчас мне тридцать, и мне кажется, что в темноте или просто, когда света мало, может произойти всё, что угодно. Дома у меня в комнатах всегда очень ярко и светло. Я не знаю, как жили мои родители в 90-е, до переезда. Когда не было света, воды, зарплат, пенсий. Газопровод был взорван, а свет и воду давали по расписанию.

Сцена слева освещается ярким светом.

Бабушка: Вартушик, вставай, свет дали. Ты набирай воду, а я займусь хлебом. Вартушик (*встаёт с кровати, сонная*): мама, я сейчас пелёнки постираю быстро и наберу воду.

Пока слева женщины стирают, ходят с ведрами, справа Сусанна продолжает говорить и заканчивает курить.

Сусанна: Я не хотела уезжать. Если бы меня хоть кто-то спросил, я бы не уехала. Я помню, что каждый раз, когда надо было вылетать из Еревана, мы с сестрой рыдали так громко, что прибегали соседи, потому что думали, что нас бьют. Никто не хотел уезжать.

Сцена 3

Слева на сцене снова темно, горит керосинка. Справа Сусанна наносит на лицо крем, напротив неё настольное зеркальце.

Слева при свете керосинки Бабушка и Вартушик брызгают водой на сухой лаваш, две девочки играют.

Бабушка: Вартушик, сколько литров керосина осталось?

Вартушик: Мама, не знаю, надо проверить. Артур не говорил Вам?

Женщины вдвоём брызгают водой лаваш и накрывают сверху тканью. Вбегают две девочки.

Справа Сусанна начинает краситься.

Сусанна: Родители рассказывали, что керосинка спасала. Но мама говорила, что все из-за керосинки ходили грязные. Плохо пахло, дым и было постоянно темно. Я как-то сказала, что хочу пожить в полярной ночи. А она мне ответила, что за тёмные годы уже насмотрелась на полярную ночь.

Слева загорается свет.

Девочки: Люйс!!

Справа, параллельно, Сусанна: Когда давали свет, мы с сестрой радовались и кричали «люйс». Это «свет» по-армянски.

Слева свет неожиданно гаснет. Девочки начинают плакать.

Сцена 4. «перекрёстная».

Слева темно, керосинка. Сидят Бабушка и Вартушик. Бабушка вяжет. Справа светло, Сусанна пьет чёрный кофе из маленькой кофейной чашки.

Сусанна через всю сцену Бабушке: Бабуля, а ты скучаешь по Армении?

Бабушка: Да.

Сусанна: Почему мы переехали?

Бабушка: Дедуля решил, что вас надо спасать. Может быть, если бы вы были старше...

Сусанна: Ненавижу, когда так говорят: «Мы переехали ради вас».

Бабушка Сусанне: Вы смысл моей жизни! (*пауза*)

Бабушка: Первые два года мы зимовали без отопления. Спали в варежках, пальто и шапке. Еда была по талонам.

Сусанна: Было чувство, что началась война?

Бабушка: Не знаю.

Вартушик подключается: Мы надеялись, что это ненадолго. Не навсегда.

Сцена 5

Справа никого нет. **Слева** горит керосинка. Бабушка и Вартушик вырывают страницы из книг «История КПСС» и разговаривают.

Бабушка: Знаешь, Вартушик, у моей мамы было много родственников в Тбилиси. Во время геноцида три брата бежали через границу. Они брали с собой деньги, чтобы потом дать пограничникам. Двое заплатили, а младший был скупой. Он спрятал деньги, но никто не знал где. И одному из братьев до конца жизни снился сон, что деньги под красным камнем. Он кричал «Григор, Григор, посмотри под красным камнем!!» А под каким? В Армении все камни-то красные – туф!

Вартушик: Вай, мама, а Вы слышали, что сегодня дом взорвался?

Бабушка: Какой, где?

Вартушик: Возле Инки. Соседи снова привезли сжиженный газ из Ирана, баллон взорвался, полдома рухнуло.

Бабушка: Вай коранам ес («какой кошмар»). Хорошо, что мы хоть печку поставили. Пойдём топить, кянкс («душа моя»).

Уходят с вырванными из книг листами в руках.

Сцена 6

Справа Сусанна поливает и опрыскивает растения, **Слева** Бабушка подметает. Справа светло, слева керосинка.

Сусанна: Когда мне было десять, мы чуть не остались в Армении. Приехали на лето, а в итоге даже в школу пошли. Я даже алфавит выучила. А потом всё равно вернулись в Россию. И моя ереванская учительница говорила, что те, кто уехал из Армении в девяностые, это не люди, а растение перекаати-поле. Мама рассказывала, как соседи помогали друг другу и что мы большую часть тяжелого времени и так прожили в Армении. Сейчас там есть и свет, и вода. Ну да, горячей нет, но холодная же есть.

Слева появляется Вартушик.

Вартушик: Мама, представляете, ехали с детьми к Инке. Зашли в метро, а там светло, вижу: кофта на Леночке наизнанку надета. Хайтарак.

Бабушка: Да, поэтому у день наизнанку весь прошёл.

Сцена 7

Слева бабушка и Вартушик пьют кофе при тусклом свете керосиновой лампы. Они переговариваются, но мы не слышим, о чём. Во время монолога Сусанны справа бабушка допивает кофе и переворачивает от себя на блюде кофейную чашку, чтобы гуща стекла. Она не трогает чашку и продолжает говорить с Вартушиком.

Справа Сусанна сидит и листает книгу.

Сусанна: Главное, знаете, так странно. Сейчас ругают, что не знаю языка, а дома же со мной только по-русски говорили. Даже в Армении. Типа «Вся интеллигенция в Советском Союзе говорила по-русски». Эта интеллигенция в 90-е ходила в парки разбирать деревянные скамейки и отпиливать ветки с деревьев, чтобы их можно было сжечь. Я уж молчу про мебель и книги. Вообще удивляюсь, как дома сохранился хотя бы один деревянный стул. И когда переехали, я только и слышала: «Ты должна знать русский лучше твоих русских одноклассников», и че? И теперь, когда приезжаю в Армению, начинааается: «Какая же ты армянка, язык не знаешь, а детей заведешь, на каком языке будешь колыбельные петь?»

Слева Вартушик взяла кофейную чашку свекрови, внимательно разглядывает, крутит в руках. Справа Сусанна читает книгу.

Вартушик: Мама, вижу у вас издалека известие. Какая-то дорога дальняя. Дома проблема сложная, но находится решение. С сердца выходит тяжесть. Оой (*сильно зевает*). Навс, мама. Завидует Вам кто-то. Имени не вижу, непонятно кто, мужчина или женщина. Подождите... Вижу буквы «Л».

Бабушка: Л – значит Луиза.

Вартушик: А известие – это в виде звонка, наверное, даже.

Сцена 8

Слева при свете керосинки Вартушик и бабушка закрывают банки с баклажанной икрой, справа Сусанна нарезает салат.

Сусанна: Я тут подумала на днях, что у моего отца паранойя. Ну или что-то такое, чёрт знает (*хихикает*). Он вечно запасается припасами. Я даже удивилась, что во время короны мы не скупили всю гречку. Наверное, после ожидания конца света в 2012-м ещё старая осталась. А мне вот сейчас вообще всё равно, у меня холодильник неделями может быть пустой.

Слева раздаётся громкий звонок стационарного телефона. Бабушка отвечает на звонок.

Бабушка: Алло? Да, Жора джан.

Дальнейший разговор мы не слышим. Справа Сусанна, подумав, продолжает.

Сусанна: ну, хотя, в принципе, если подумать, всё объяснимо. Папа в принципе запасливый и хозяйственный, но я думала, что это всё потому, что он походник. Но, вообще-то, он мне рассказывал, как ещё до переезда, в Ереване летом приходилось делать большие запасы еды. Закаты. Типа летом на улице можно было готовить, костёр разводить и всё такое, и все делали баклажанную икру, а потом закатывали её в банки, на зиму. И зимой этим обходились. Баклажаны спасли Армению (*смеётся, садится есть*).

Слева бабушка закончила говорить по телефону, молчит, потом обращается к невестке.

Бабушка: Жора звонил. Он дом купил. В Калининграде.

(смотрят друг на друга, пауза)

Вартушик: Мама, но самолетов нет. Даже стоя не улететь.

Бабушка: Я поговорю с Ашотом, у него родственник в ЦК, должен помочь. Сначала в Москву, оттуда в Калининград.

Вартушик: Мама, что нам делать?

Бабушка: Жора сказал, вещи собирать. Как только появится возможность, улетаем, Варт джан.

Вартушик *(расстроенно)*: Лав («хорошо»).

Сцена 9

Слева и справа пусто. В центре сцены стоит Вартушик, свет падает на неё.

Вартушик: Я ничего не решала и очень не хотела уезжать. Но муж решил, его семья. А я не хотела *(пауза)*.

Вы знаете, у нас темнеет очень рано. Когда с детьми выходили гулять, осень, ни один фонарь не горит, мрак, ничего не видно. Фонари зажигались очень редко, тусклый такой свет. Страшно не было, ни разу. Я всегда была спокойна. Было тягостно. Ты знаешь свой город весёлым и полным жизни, и потом он меняется в другую сторону: пусто, темно, всё, что могло пойти в печь, шло в печь. Но знаете, что интересно? Всё это время работало метро. В метро свет был, поезда ходили. Люди выходят из тёмных домов, заходят в метро, а там светло. И видно при свете дня, что у кого-то кофта наизнанку, а кто-то измазан. Ты видишь то, чего не видел дома.

(пауза) Я очень не хотела уезжать, я думала остаться со своей мамой. Но куда я с двумя детьми. Без работы, без денег. У матери моей на шее сидеть? Жена должна быть с мужем. Я ничего не решала.

Сцена 10 «перекрёстная»

Слева свет керосинки, Бабушка говорит по стационарному телефону, Вартушик играет с детьми. *Справа* Сусанна наблюдает за происходящим слева.

Бабушка: *(говорит по стационарному телефону)* «Ха, лав. Мерси, Ашот джан» (да, хорошо, спасибо, дорогой Ашот).

Бабушка *невестке*: Вартушик, собирай вещи, нам через два часа надо быть в аэропорту. Ашот достал билеты.

Вартушик застыла в недоумении и смотрит на свекровь.

Справа Сусанна, обращаясь к залу: Бабушка постоянно говорит, что нельзя отказываться от городских телефонов, потому что телефонные линии не связаны с электричеством. Мало ли что случится, будет связь.

(потом Сусанна поворачивается к бабушке)

Сусанна бабушке: *(с лёгким вызовом)* Бабуль, ты вообще понимала, что больше не вернёшься туда? Никогда?

Бабушка: Да.

Сусанна: И что же ты чувствовала?

Бабушка: Облегчение.

Сцена 11

Справа Сусанна переписывается с кем-то по телефону.

Слева домашний интерьер, Вартушик и Бабушка закрывают сумки и коробки. На сцене появляются мужчины – Жора и Артур. Они берут сумки-коробки и выносят их со сцены, и так несколько раз. В это время Бабушка одевает тепло детей. Берет за руки, выходят. Вартушик стоит, оглядывается, не двигается. Грустная.

Вартушик: Господи, помоги.

Заходит Артур.

Артур: Варт, идём. Уже машина ждёт, ты чего стоишь?

Вартушик: Я прощаюсь.

Артур (нервно): Времени нет, самолёт скоро, еле билеты достали. Идём. (*уходят*)

Справа Сусанна отрывается от телефона.

Сусанна: Я была маленькая, но помню тревогу и как она отступала, когда давали свет. Я думала, что теперь всё будет хорошо. А потом света снова не было. Однажды, когда мы уже переехали, я разбудила бабушку, потому что в соседнем окне горел свет. Она вскочила, чтобы набирать воду и готовить еду, пока есть электричество. А потом вспомнила, что мы в Калининграде.

(пауза, отвлекается на телефон)

Мама не хотела уезжать, да и бабушка тоже. Она послушалась своего дедушку, мой папа свою маму, а моя мама поехала за мужем. Но я бы так не поступила. Я научилась выстраивать свои границы, даже в семье. Наверное, если бы мы не переехали, у меня бы было другое воспитание. Но сейчас я понимаю, точно никогда не буду ничего бросать и бежать потому, что так хотят родственники.

(звонок по мобильному)

Сусанна: (продолжает) Мы не знали, что свет круглосуточно – это нормально. Я в детстве до переезда думала, что нормально – это два часа света в день, а оказывается, он может гореть с утра до вечера. Когда я захочу и сколько захочу. Когда давали свет, мы с сестрой радовались и кричали: «Люйс».

(телефон продолжает звонить. Сусанна берёт трубку)

Сусанна: Алло? Да? Хорошо, поняла. Скоро приду, давай, целую.

Сусанна зрителям: Мне пора бежать, бабушка позвонила.

Уходит.

Конец

Олеся Малюгина

Тысячеликая героиня

*Ве*Документальная пьеса о том, как принцессы убили дракона
(отрывок)

Сцена 2

Три женщины сидят в кругу при свечах. Они передают друг другу большую чашу с вином. Говорит та, у которой чаша оказывается в руках, после того, как из неё отпивает. В начале разговора женщины пребывают в состоянии сильного опьянения, но с каждым кругом они всё больше трезвеют.

Ж1 Я пришла в школу прав человека в начале 2015 года. И я чувствовала себя там довольно странно, но мне очень нравились идеи и концепции, про которые там говорили, и я решила остаться.

Ж3 Он два дня увлеченно вещал про права человека, гражданское общество, вызовы. Это, правда, было очень эмоционально заряжено, ярко и харизматично.

Ж1 Мне нравилась работа с вдохновленными людьми в поисках новых идей, нравилось организовывать что-то, что давало другим сильный положительный заряд, нравилось ощущение полезности того, что мы делаем.

Ж3 Очень сильно увлекалась этим всем, у меня полностью сменился круг знакомых и интересов.

Ж1 К сожалению, обратная сторона нашей работы не была такой вдохновляющей. Если появлялись какие-то идеи или предложения, нам говорили, что нам не положено по статусу ничего предлагать либо мы недостаточно эрудированы и интеллектуальны. В другие моменты нас отчитывали за то, что мы безынициативные и ничего не делаем, что мы не правозащитники и не имеем права так называться. Нам давали мелкие, унижительные, бессмысленные задания, якобы для нашего продвижения к пониманию высшей цели.

Ж3 Вся эта движуха стала захватывать меня всё больше, с работы я уволилась.

Ж1 Мы работали в ужасно унижительных условиях. Я приходила домой и рыдала от бессилия.

Ж3 Про школу всё время говорили, что денег на неё абсолютно нет, а тренеры – святые люди – в свободное от великой правозащиты время приезжают к нам в выходные и ведут семинары и лекции.

Ж1 Если кто-то из нас заводил разговор про деньги, нас обвиняли в меркантильности или говорили, что мы недостаточно много работаем и недостаточно преданно служим нашей миссии. «Мне нужны единомышленники, а не сотрудники» – говорил мне Андрей Юров, когда я предлагала самой найти деньги нам на ставки.

Ж3 Меня поразило запустение, неухоженность пространства, взаимоотношения между людьми (поразила грызня между женщинами сообщества) и их психологическое состояние (депрессии и такие разные заболевания как будто восхвалялись, и иметь диагноз было «престижно»). Как-то это всё очень не соотносилось с банальными гуманистическими ценностями, о которых «ядро» организации так ратовало на семинарах правозащитной школы.

Ж1 Постоянное придумывание непонятных правил, непрозрачность, иерархия и правила продвижения по ней, менявшиеся в зависимости от ситуации и удобства для говорящего, цели работы не прояснялись, любые попытки изменений вызвали истерическое сопротивление с указаниями на статусы и дозволения. Денег на зарплату не было, но всегда были на переезды, на семинары в «Хилтоне», на конференции на несколько десятков человек с питанием и проживанием.

Ж2 Мне было 19, ему 46... Он писал мне каждый день по несколько раз, мы начали созваниваться и говорили по телефону часами, иногда – ночи напролёт. Я начала приезжать в Москву раз недели в две – он тогда часто там бывал. Про мать своего ребёнка он рассказал сразу, что она, мол, живёт с его родителями и они растут вместе дочь в дружеском партнёрстве.

Ж1 Он писал мне какую-то сладковатую лабуду про то, какая я хорошая, вдохновляющая и блаблабла. Я удивлялась и отшучивалась, в таком ключе мы и переписывались несколько раз. Где-то в начале весны 2016 года он позвал меня к себе попить вина. Я проакцентировала внимание на том, что я поеду только за вином, и он сказал, что без проблем. Я приехала, мы пили, говорили, потом пошли спать. Он меня поцеловал, я напомнила, что мы договорились только на вино. Мы легли спать, но несколько раз я просыпалась от того, что он залезал мне под кофту руками, или пытался целовать, или прижимался ко мне со спины всем телом, чему я пыталась сопротивляться.

Ж2 Были и другие странности: он просил меня никому не рассказывать о наших отношениях – ни подругам, ни родственникам, ни, особенно, кому-либо из движения. Говорил, что это Тайна. А в движении будут ревновать, к нему же все как к отцу сообщества относятся, а тут окажется, что он мне отдаёт приоритет. Он даже создал договор для нашего тайного брака.

Ж1 Опуская подробности, скажу, что всё повторилось так же, но в этот раз, хоть я и сопротивлялась, но в итоге сдалась.

Ж2 При этом к обычному браку он всегда относился резко негативно, как и к другим семейным и родственным связям. Всегда возмущался, когда сотрудники оставались дома с заболевшими детьми или успевали меньше из-за того, что они – родители-одиночки, в гневе ругал за глаза забеременевших коллежанок, драматично вздыхал, когда кто-то из его знакомых женились или уделяли много времени своим возлюбленным. Главное – это посвящение себя Великим Целям, всё остальное должно быть на вторых ролях.

Ж1 После этого мы начали постоянно встречаться. Мы виделись пару раз в месяц, он говорил мне, что я его муза, его любовь, что он очень одинокий и я дарю ему радость, что он улыбается как дурак, когда видит, что я ему пишу. Он писал мне стихи, говорил всякие забавные комплименты: как я волшебным пахну, какие у меня красивые руки, посылал мне «своего драконьего пламени» в качестве поцелуев, обещал заколдовать «своей драконьей магией» мои проблемы. Я чувствовала себя невероятно окрылённой тем, что я вместе с таким человеком. Про свою жену и отношения с другими девушками он говорил, что они чисто дружеские, просто все им восхищаются и ревнуют. С женой они уже давно не живут вместе, хотя по-прежнему хорошие друзья.

Ж3 Все только носились с Юровым как с писанной торбой, превознося в культ. Ходили ему за обедом, это также была и почётная обязанность стажёров. А Друк как-то сказал, что подавать еду Юрову может только Лада, чё-т про иерархию немного повешал. Я удивилась. Юров постоянно говорил, что он в депрессии, в унылом и подавленном состоянии и вечно занят работой, какой – было не очень понятно.

Ж1 Он называл меня принцессой.

Ж2 Он называл меня принцессой.

Ж1 Я очень боялась за его благополучие и здоровье, потому что он постоянно говорил мне про слежку ФСБ, про угрозы, про то, как ему плохо, какие у него депрессии, какое у него больное сердце и т.д. Я была безумно рада, что он находил время видаться со мной в своём плотном графике, привозил мне иногда небольшие

подарки и постоянно звонил. Где-то весной 2017-го он сказал, что к нему пришло ФСБ и теперь надо повысить уровень секретности и снимать квартиры, на которые он начал давать мне деньги.

ЖЗ Мне опять говорили, что денег нет, всё вокруг враждебно и нас хотят уничтожить.

Ж2 Я всё время беспокоилась, что кто-то поймёт про наши отношения, делилась с ним опасениями. Многие люди напрямую спрашивали у меня, есть ли что-то между мной и Юровым, кто-то говорил намёками, в какие-то моменты мне казалось, что знают все. Он уверял меня, что мне показалось.

Ж1 Ближе к середине 2018 года мне начало становиться тяжело от наших встреч: я чувствовала себя так, будто я обязана приходить на них, будто он, такой гениальный, великий и могучий, нуждается во мне, и я несу огромную ответственность за всё, что вокруг меня есть – из-за того, что я несу ответственность за него. Но при этом не могу с этим ничего сделать. Потому что Андрей постоянно жаловался на депрессию, на то, что у него суицидальные мысли, он часами рыдает, почти не спит и не представляет, как дальше жить. Но он никогда не пытался ничего с этим делать, несмотря на мои просьбы и уговоры. Он говорил мне, что только я – его свет в оконце, я одна его понимаю, я одна его поддерживаю. И я думала, что если он решит покончить с собой, то всё рухнет, и рухнет из-за меня. Это было очень тяжело, я постоянно пыталась найти момент с ним про это поговорить, рыдала подругам и в итоге собралась с духом, чтоб прекратить хотя бы наши сексуальные отношения.

Ж2 Он часто говорил, что любит меня и что я вдохновляю его на стихи, на новые проекты и свершения, что не знает, как будет жить, если мы расстанемся, что женщины ему не интересны вообще и он может смотреть только на меня. При том что формально у нас были открытые отношения, он демонстрировал такую вовлечённость в меня, и так часто вздыхал, что боится как бы я не встретила прекрасного принца и не оставила его, дракона, затосковать навеки, что с моей стороны сама собой подразумевалась верность, – в мыслях, действиях и чувствах.

Ж1 Если честно, в какой-то момент мне начало казаться, что я в серии «Саус Парка», настолько абсурдно всё это начинало выглядеть. Многие знают, что в 1993–1994-м у Юрова не сложилось с масонами. В 1996-м он придумал свою страну – Великую Скифию, страну без границ. Через ритуальное распитие вина из чаши, передаваемой при свечах по кругу, в неё принимали граждан и давали гражданам новые имена.

ЖЗ Даже один раз я участвовала в скифском круге. Чётко помню, для них это мероприятие было очень важным и они придавали ему колоссальное значение. Витус даже звонил Юрову консультировался по каким-то процедурам ведения. На тот момент я ещё не понимала почему.

Ж2 Весной 2015-го я влюбилась в своего соседа по квартире Р., к несчастью – взаимно. В ближайший приезд в Питер Юров меня избил. Сильных повреждений не было, скорее было страшно, стыдно и очень унижительно. Разбитый ноутбук, разорванная одежда и пара синяков. Так продолжалось несколько дней – не помню, сколько раз он меня избивал, но каждый вечер и ночь были кошмаром. Всю неделю его пребывания он был пьян с самого утра, а к вечеру, когда мы оставались наедине, уже не стоял на ногах. Он кричал, часами рыдал, катаясь по полу, обзывал меня чудовищем, говорил, что я предала не только его, но и все наши с ним общие ценности, – это было как бы не только про ревность, но и про долг, предназначение и крушение идеалов, так в двух словах не объяснить.

Ж1 Сам Юров называл себя драконом и даже написал книгу про них («Трактат о драконах»). Драконы – великие и мудрые существа, которые любят сокровища и власть и которым приносят в жертву принцесс.

Ж2 В то время активизм, точнее, проекты движения, занимал всё моё время, я бросила рисовать, перестала общаться с людьми вне правозащитного круга, под влиянием Юрова начала делить людей на «чужих» и «своих». Оглядываясь назад, могу заключить, что с конца 2014-го по начало 2018-го я была в абсолютно неадекватном состоянии. В 2016-м году я пережила попытку суицида.

Ж3 Друзей у меня в новом городе не появилось, всё мое внимание и энергия были сосредоточены на Доме прав человека. Это походило на одержимость.

Ж1 Зимой 2019-го года я поехала в Питер. Я встретила девушку, которая рассказала мне про свои отношения с Юровым, которые у неё были параллельно со мной, как под копирку совпадали с моими, только были более насыщенными. Потом она рассказала мне про ещё одну нашу знакомую из питерской команды, у которой были абсолютно такие же отношения с Юровым – те же комплименты, те же слезы, те же стихи. Потом про двух знакомых из Москвы. Все мы были в отношениях с Андреем Юровым параллельно друг другу.

Ж2 В июле 2019-го, в день, когда я узнала, что у него были параллельные со мной отношения (тогда я узнала только про двоих людей из многих), я почувствовала себя Труменом, который увидел, что улицы его города – декорации для шоу. Я несколько лет боялась уйти от человека, который говорил, что он на грани самоубийства и я – единственное, что его поддерживает. Я чувствовала себя виноватой из-за того, что не продвигаю его тексты и не занимаюсь его проектами.

Ж3 После нахождения там около двух месяцев словила свою первую депрессию и суицидальные мысли. Ходила в Дом прав человека через Чернавский мост и думала, как бы скинутся с него, повезло, бог отвел.

Ж1 Я была так шокирована, что сначала даже не плакала и почти не смеялась. Пока я ехала в поезде, меня накрыло и я истерически рыдала всю дорогу до Москвы. Вернувшись домой, я ещё несколько дней прорыдала, не вставая с кровати. Я чувствовала себя так, будто мой мир рухнул. Всё собралось в единый пазл для того, чтобы обрушиться на меня и погresti под собой. Человек, которого я некогда любила, люди, которых считала друзьями, коллеги, которыми восхищалась – все ввали. Все пять лет в движении теперь были ничем. К концу декабря я точно знала об отношениях Юрова как минимум с пятнадцатью девушками, отличительной особенностью которых было то, что они до полного изнеможения и самозабвения пахали на движение, пока встречались с Юровым. Каждой он отправлял одни и те же стихи, говорил одни и те же комплименты, одинаково врал.

Ж3 При заполнении анкеты, нужно было найти себе двух рекомендателей разного пола. В сообществе они назывались «мама» и «папа», я, в общем, значения этому не придавала, подумала, очередная игра у ребят, как скифские круги. Но знаете, за 5 лет участия в этом всём, я реально забила на своих родителей и семью, редко им звонила, а их звонки воспринимала враждебно. Всю меня захватила деятельность вокруг Дома прав человека. Как-то я всё-таки приехала к родителям, папа маме сказал: «Она у нас отломанный ломоть».

Ж1 Мы в команде полушёпотом шутили, что у нас секта – есть сильно эмоционально заряженные тренинги по темам, не требующим такого погружения, есть абьюзивные руководители, непонятная система руководства и управления, все служат великой цели, но никто не может сказать, какой именно, а управляет всем харизматичный мужик, которого все боготворят. В декабре 2019 года мне перестало казаться, что мы шутили – помимо всего прочего, харизматичный мужик состоял в отношениях с половиной команды, попутно через них контролируя все проекты и финансовые потоки в них.

Ж3 Я постоянно находилась в странном психологическом состоянии, употребляла много алкоголя (хотя всегда не фанат была).

Ж2 Я считала его главным моральным ориентиром и мерилom человеческого благородства, даже после того, что происходило в наших отношениях, была уверена, что он всего себя отдаёт борьбе за права человека и не знает ни отдыха, ни покоя. Оказалось, меня много лет удерживало враньё, и буквально вся моя жизнь и все слова человека, которого я считала близким (и самым достойным из всех, кого я знала), были ложью. Пять лет моей жизни были сплошной ложью.

Ж3 Когда я рвала с этим всем, было такое ощущение что рушился мой мир, что нет ничего кроме Дома прав человека и этой работы. Меня очень испугала и насторожила эта мысль. Помог психолог.

Ж1 И я не очень понимаю, о чём нам, пострадавшим, потерпевшим, жертвам и т.д., нужен диалог с другой стороной. Наши жизни разрушены, наши мечты обесценены, наш круг общения и наши ценности уничтожены. Что нам должен дать диалог? Они восстановятся?

Ж2 Я до сих пор пытаюсь отрефлексировать эти пять лет кринжа, пять лет моей жизни, которые я считаю потерянными.

Ж3 Когда я приезжаю домой, вокруг везде мои фотографии, вот это я понимаю здоровый культ, а не это всё.

Ж1 Эти люди должны перестать заниматься правозащитной деятельностью. Вам, возможно, кажется, что наши требования жестоки и несправедливы, что вы не знали, что вы не понимали. Но нет, вы всё знали, и никто, кроме вас, не несёт ответственности и не должен разгребать последствия ваших неадекватных действий.

Ж3 А по субботам у нас в Сибири баня с берёзовым веником, вот это я понимаю ритуал, а не это всё.

Интизор Отаниёзова

Из семейного чата нельзя выйти

(фрагменты)

Действующие лица:

ГУЛЬСАНАМ, гладит и готовит

АЛИМЖАН, сидит за ноутбуком и занимается аэробикой

ТУРСУН, лежит на диване и читает намаз

ЗАЙТУНА, прихорашивается и шьёт на машинке

УЙГУРСКИЙ АНСАМБЛЬ, танцует и поёт

У Гульсанам, Алимжана, Турсуна и Зайтуны свои декорации, но без стен, полукругом. Они переписываются со смартфонов. В центре довольно просторное место для номеров уйгурского ансамбля и фоторамки.

звук уведомления, все актеры смотрят в смартфоны

ТУРСУН: Саламалейкум, братья и сестры. Гульсанам эдэм, вы прямо порадовали с утра. Эти цветы прекрасны, как и вы.

ЗАЙТУНА: Да, очень красивые. Как называются?

ГУЛЬСАНАМ: Гортензия.

ЗАЙТУНА: В следующий раз когда буду в вашем районе, возьму отросток. У меня как раз подруга родила дочку сегодня. Она недалеко от вас живет.

ГУЛЬСАНАМ: Как назвали?

ЗАЙТУНА: Она хочет Камала, но мужу не нравится.

ТУРСУН: Пусть назовет Ипархан. В 1759-м она была уйгурской царицей-воином. Цинский император убил её мужа, а затем сделал своей наложницей. Она не сдалась врагу, но любовь способна стерпеть и не такое. В Запретном городе для Ипархан построили мини-Кашгар, чтобы смотреть на родину можно было пристальнее. Удивительно, но и этот поступок не смог смягчить сердце красавицы. Император выжидал, выжидала его мать, выжидала и Ипархан. А когда она поняла, что не сможет спасти Восточный Туркестан, убила себя.

АЛИМЖАН: Я хочу выйти.

ВСЕ: Из семейного чата нельзя выйти.

ТУРСУН: Или можно ещё назвать Назугум. После неудачного восстания 1825–1828 годов, в результате которого убили мужа и ребёнка поэтессы, её пытались продать пару раз. Назугум сбежала, в последнюю попытку она нашла убежище в пещере. Охотник или пастух нашёл её, подкармливал, но наступили холода. Дым от костра выдал беглянку. Когда её казнили, она декламировала свои стихи.

АЛИМЖАН: Да, ещё есть Маимхан, и Ризвангуль. Неудивительно, что уйгуры не хотят называть себя уйгурскими именами.

ЗАЙТУНА: Ой, Алим, вечно ты всё близко к сердцу принимаешь. Просто так сложилось.

ГУЛЬСАНАМ: Вообще-то до сих пор продолжается, но мы никогда не сдадимся. Мне недавно прислали стих Назугум.

в центр выбегает девушка в национальном костюме

Пусть сгорят деспоты,
Превратится в пепел их трон.
Пусть будут уничтожены,
Враги равенства и свободы.

ТУРСУН: Вах-вах, какое хорошее видео. Надо больше таких. Это кто вам прислал?

ГУЛЬСАНАМ: Я недавно вступила в группу «Дочери Уйгурстана», у них и чат есть.

АЛИМЖАН: Они сняли видео в тик-токе, а это китайская компания вообще-то.

Где логика?

ГУЛЬСАНАМ: Может, чтобы китайцы увидели, а то у них в новостях только пропаганда.

ТУРСУН: Правильно, надо рассказывать про богатейшую уйгурскую культуру и историю всеми способами.

ЗАЙТУНА: Хах, я недавно подписалась на продвинутого жигит беши из Айнаула.

в центр выходит мужчина в пиджаке и допа

Многие даже неуйгуры знают про женское собрание, именуемое чай. Но у нас также есть мужской вариант – машраб. На них собираются раз в месяц обсудить последние новости, но и развлечься не забывают. Не зря есть поговорка: «Отдай сына сначала в школу, потом в машраб». Это была традиция уйгуров на сегодня, напоминаю, видео выходят по понедельникам.

ТУРСУН: Я его помню. Он актером в Уйгурском театре работал, теперь блогером, значит, стал.

ГУЛЬСАНАМ: А что такое тик-ток? Хочу зарегистрироваться.

ЗАЙТУНА: Ну, он как инстаграм, но называется тик-ток.

АЛИМЖАН: Гениально сформулировано. Это я даже без сарказма сейчас.

в центр выходит девушка с тазиком

Забудьте про испорченные вещи. Добавьте к порошку пачку аспирина, и от жёлтых пятен не останется следа.

ГУЛЬСАНАМ: Извините, не в тот чат закинула.

в центр выходит женщина с тарелкой лагмана и проходится под музыку перед актёрами

ТУРСУН: Эх, как лагмана теперь захотелось, настоящего домашнего.

АЛИМЖАН: Для этого надо было остаться хоть с одной из трёх своих жен.

ГУЛЬСАНАМ: Приходи ко мне, я быстро накатаю. В морозилке тесто есть. А некоторым язык бы поотрезать.

ЗАЙТУНА: Вообще, что-то в этом есть. Турсун ака, если честно, то безотцовщину наплодил, алименты не платишь нормально.

ТУРСУН: Вот поживёшь с моё, и поймешь, что жизнь это очень-очень непросто. Особенно для уйгуров на родине.

в центр выходит мужчина с бумагой в руках

США признали репрессии против уйгуров в Китае геноцидом. Правозащитные организации публикуют отчеты о пытках, концентрационных лагерях, насильственной стерилизации мусульманского меньшинства. По мнению аналитиков, данное решение осложнит отношения между Вашингтоном и Пекином.

АЛИМЖАН: Ведь, как известно, издревле американцы и китайцы были почти что братскими народами, делили вместе и несчастье и счастье. Но вдруг между ними пролетела летучая мышь.

ЗАЙТУНА: Вечно здесь негатив один. А я курсы маникюра закончила, скоро сертификат выдадут и начну нормально зарабатывать.

ГУЛЬСАНAM: Поздравляю! У тебя Каспи на этом номере?

ЗАЙТУНА: Не надо коримдика мне, не скидывайте ничего. Я просто поделилась хорошей новостью для разнообразия.

ТУРСУН: Тогда прими в подарок музыкальный номер.

в центр выходят пара девушек и пара парней в национальных костюмах, танцуют

АЛИМЖАН: Молодец, включилась в капиталистическую гонку.

ЗАЙТУНА: Какой же ты душила и вообще не миллионер.

ТУРСУН: Капитализм – это хорошо на самом деле, а вот в 1949-м Мао Цзедун и Сталин – два коммуниста, собрались и обманули уйгуров. Чёртовы коммунисты.

ГУЛЬСАНAM: При Союзе много хорошего тоже было. Была уверенность в будущем, люди были не такие нервные, не надо было бежать постоянно.

АЛИМЖАН: В школе нам говорили, что это застой.

ТУРСУН: А про перестройку вам рассказывали? Про то как было на улицах в 90-е?

ЗАЙТУНА: У вас даже ностальгия токсичная. Не устану поражаться нашей семье.

АЛИМЖАН: Я хочу выйти.

ВСЕ: Из семейного чата нельзя выйти.

в центр выходит мужчина со столом в руках, пистолетом с горячим клеем и досками; мастерит что-то бесполезное в стиле DIY youtube videos

ГУЛЬСАНAM: Надо же, как интересно сделали. Для дома полезная штука, надо попробовать самой сделать.

ТУРСУН: Кто будет оформлять подписку на «Уйгур авази»?

ЗАЙТУНА: Я не буду. Его же читать невозможно, в основном про хлеб на всю полосу и про спортсменов с уйгурской фамилией.

ГУЛЬСАНAM: Ты просто литературным уйгурским не владеешь, но не это главное – просто купи газету. Тебе жалко, что ли? Они всегда в хозяйстве пригодятся.

АЛИМЖАН: Можно же просто на сайт заходить и читать, а у них монетизация для рекламы с просмотров будет.

ТУРСУН: Сайт – это одно, газета – это другое. В общем, если кто захочет, то через меня записывайтесь.

ЗАЙТУНА: У вас что других проблем нет, как уйгурских. Вон в Афганистане что творится, столько сирот уже там.

ГУЛЬСАНАМ: Мне не интересны новости про афганцев. Они сами с собой воюют, а уйгуров убивают китайцы аж с 8-го века нашей эры.

АЛИМЖАН: Теперь понятно, почему китайцев так много, они производительно-сти у уйгуров научились.

ТУРСУН: Ну что ты говоришь, уйгуры много раз побеждали, это ведь их земля в конце-концов.

ЗАЙТУНА: Это карма так работает. Раньше уйгуры, теперь китайцы. Все, кто там, это значит, они кармически должны отработать, но теперь уже полегче будет. Я астролога читаю. В 2019-м цикл закончился, и – бац! – в 2020-м много людей умерло из-за пандемии. Они взяли на себя грехи.

АЛИМЖАН: Я хочу выйти.

ВСЕ: Из семейного чата нельзя выйти.

ЗАЙТУНА: И как Турция, Турсун ака? Ты, оказывается, уже неделю там.

ТУРСУН: Прилетел. Всё хорошо. Спасибо.

ГУЛЬСАНАМ: Там много уйгуров?

ТУРСУН: Хватает, но я в основном с казахами и кавказцами общаюсь. Тут уйгуры Вэтандан сбежали, они как роботы все, ни с кем не разговаривают.

ГУЛЬСАНАМ: Да, я видела на ютубе. У них семья осталась, боятся за них, думают, за ними все следят.

ЗАЙТУНА: Я тоже хочу переехать. Там климат хороший, тепло и воздух чистый.

АЛИМЖАН: Оказывается, рай – это Турция.

ТУРСУН: Приезжай, конечно. Накопи денег и вперед.

ГУЛЬСАНАМ: Везде нелегко, если в кармане ни гроша. Надо как можно больше заработать, пока молодой, пока можешь работать.

ГУЛЬСАНАМ: С днём рождения нашего любимого Турсуна! 52 года – это самое лучшее время завести наконец семью для мужчины. Говорят, в Турции поздно женятся. Мы все очень скучаем по тебе. Прилетай летом обязательно.

ЗАЙТУНА: Поздравляю!! Желаю счастья, здоровья, любви и денег. Как говорят в турецких сериалах: «как хорошо что ты родился».

АЛИМЖАН: С днём рождения.

ТУРСУН: Спасибо, дорогие родственники, за пожелания! Вот обустроюсь в Турции, и вы все сможете приезжать, купаться, загорать. А вообще здесь у меня много времени, на работу не берут пока из-за языка, вспоминается всякое. Турсуном меня же папа назвал в честь Турсуна Илиева, родственника нашего. Когда отец наш, да будет милостив к нему Аллах, понял что надо уезжать, то Турсун ака его не послушался. Захотел строить Уйгурстан. Его посадили на 20 лет в тюрьму, где каждый день он перевозил говно без маски лопатой, чтобы он перестал думать, что достоин чего-то большего. Его выпустили уже всего больного, а потом он умер от рака. С возрастом начинаешь больше о таком думать.

Алимжан достаёт камеру, начинает снимать

ТУРСУН: Кино снимаешь? Про меня?

ГУЛЬСАНАМ: Про уйгуров, надеюсь?

АЛИМЖАН: Да, хочу показать переживание геноцида уйгурами не из Китая. Как вы думаете, уйгурам в Китае плохо?

ТУРСУН: Какой-то политический вопрос, а я ещё на птичьих правах в Турции. Лучше снимите кого-нибудь ещё.

АЛИМЖАН: Как вы думаете, уйгурам в Китае плохо?

ЗАЙТУНА: Плохо, конечно.

АЛИМЖАН: Хотите раскрыть свой ответ?

ЗАЙТУНА: Нет, спасибо. Алим, ты лучше затемни моё лицо, ладно? А то вопрос, и вправду, какой-то странный, а у меня дети вообще-то. Тебе тоже лучше бы не лезть в такое: заберут и никто никогда не узнает, где ты.

АЛИМЖАН: Устал я. С рождения слышу, как убивают уйгуров, но кроме разговоров в нашей семье во всяком случае никто ничего не делает.

ЗАЙТУНА: Весь мир знает и ничего не делает, думаешь, твой фильм что-то изменит?

АЛИМЖАН: Для меня очевидно, что лучше сделать хоть что-то, чем не сделать вообще ничего. Как вы думаете, уйгурам в Китае плохо?

ГУЛЬСАНАМ: Очень плохо. Китайцы взяли семью в Урумчи. По мужу так много раз проехались, что потом пришлось его тело отлеплять от асфальта. А жене без наркоза вырезали ребёнка. Потом сварили его и съели прямо при ней. Они всех уйгуров делают сумасшедшими, понимаешь? И не только. Опасные они. Их же много, а страна маленькая. Потихоньку скупают землю по всему миру, всем же всегда деньги нужны, вот и продают незаметно. У себя всё отравили, уйгуров убили. Теперь в космос ещё полетели. Им всегда всего мало.

АЛИМЖАН: Понятно. Спасибо, что поделились такой интересной историей. А вы, зрители, как думаете? Зажгите фонарики, если считаете что всё плохо. Зажгите фонарики, если считаете, что однажды всё станет лучше. Ну же, давайте. Однажды всё станет лучше!

1) Голова девушки в одном месте, её ноги в других, руки ещё подальше, между ними в беспорядке платья, сумки, книги, косметика, плойки. Периодически заходит-выходит парень.

ПАРЕНЬ: Милая, я уже готов, ты ещё скоро?

ГОЛОВА: Ещё минут 5, и выхожу.

РУКА 1: Иногда такое чувство, что мы с ним в кино каком-то.

НОГА 1: Манипулятор он. Вначале ласковое слово, потом требование. Ещё чуть-чуть, и пройдётся по шкале Олпорта: дегуманизация, потом предубеждение, после вербальная агрессия, дальше системная дискриминация, а как до физического насилия, так и всего ничего до геноцида.

РУКА 2: О, да, а поедem мы не по алматинской дороге, а по самой настоящей дороге слёз.

ГОЛОВА: Скорее, если ты уйгур, то ты террорист, потому что существуешь, и твоя пиала, и твоя допа, и твой язык.

ПАРЕНЬ: Ты наденешь то чёрное короткое платье? Оно так тебе идёт. *гладит ногу*

НОГА 2: Зачем ты про него напомнил? Теперь буду мучаться между ним, серым и вязаным.

ГОЛОВА: Интересно если сделать твит а-ля «Уйгуры – новые рабы», то Канье Уэст его лайкнет?

РУКА 1: Нужно не спеша пройти все стадии горевания по очереди. Вот 11 сентября всем миром проработали.

НОГА 1: С другой стороны, насколько эта методология рассчитана на непрекращающийся конфликт?

ПАРЕНЬ: Если выедем прямо сейчас, то опоздаем максимум на 15 минут.

РУКА 1: Ещё минутку, мне только мэйк остался.

ГОЛОВА: Вообще не понимаю, почему мы всё ещё встречаемся. Иногда он меня пугает почему-то.

РУКА 2: А я ведь тоже знаю, отчего птица поёт в клетке. Только не понимаю о чём, они всегда щебечут на уйгурском.

НОГА 2: Надо всё-таки дочитать про Хирш и постпамять.

ПАРЕНЬ: Если передумала идти, то лучше скажи сейчас.

ГОЛОВА: Сегодня у меня весь ничего не клеится. Прости.

2) На сцене накрыт стол. Дядя 1 в допа, тётя и мама в платках.

ДОЧЬ: Кто просил атканчай?

ДЯДЯ 1: Я, спасибо. Говорят, уже даже в Америке обсуждают положение уйгуров.

ПЛЕМЯННИК: А толку, все всё знают и ничего не меняется.

ТЁТЯ: Это да, это да. Очень вкусный санза. Надо в следующем году вместе с вами заказать.

МАМА: Давай, она вообще женщина хорошая. Состоит в «Дочерях Ипархан». Я у неё ещё самсу заказываю.

ДОЧЬ: А мне не нравится, как она готовит, к тому же и продает дорого. Все эти ваши активисты только про деньги и думают.

ДЯДЯ 2: Самсу ещё не пробовал, а вот лагман очень вкусный. Есть добавка?

МАМА: Конечно. А ты вообще ничего не понимаешь.

ПЛЕМЯННИК 1: Да что понимать в этом геноциде?

ТЁТЯ: Не говори такие слова.

ДОЧЬ: В смысле?

ТЁТЯ: Прямо такое сильное слово страшное – геноцид.

МАМА: Все попробовали ашлямфу?

ДЯДЯ 1: Вот ты слов боишься, а ведь там их пытаются, убивают, вырезают на органы.

ДОЧЬ: Скорее всего, ваше платье сделано уйгурами в лагерях.

МАМА: Всё, прекращайте. Родители не для того сбежали из Китая, чтобы мы теперь вот так вот ссорились.

ДОЧЬ: Говорит женщина с посттравматическим расстройством.

ДЯДЯ 1: Хотите посмотреть, как прошли протесты в Европе? Я в группу скидывал, но может, не все видели ещё.

ПЛЕМЯННИК: Заходят как-то англичанин, русский и уйгур в ...

ТЁТЯ: Ха-ха-ха.

3) На сцене 5 стульев, 5 девушек, одетых как музыкальная группа, 1 парень, танцующий возле каждой по очереди.

1 ДЕВУШКА: Уйгурстан нравился родителям, но не нравился мне. С самого начала у нас не сложилось. Но однажды я поняла, что с меня достаточно, хватит уже терпеть такого неудачника, верить его бесконечным обещаниям. Теперь я выбираю любить себя!

2 ДЕВУШКА: Россия разбил моё сердце. Он всегда был рядом, казался мне идеальным, пока наконец не показал своё истинное лицо абьюзера и манипулятора. Я простила его не раз, но терпение лопнуло. Теперь я выбираю любить себя!

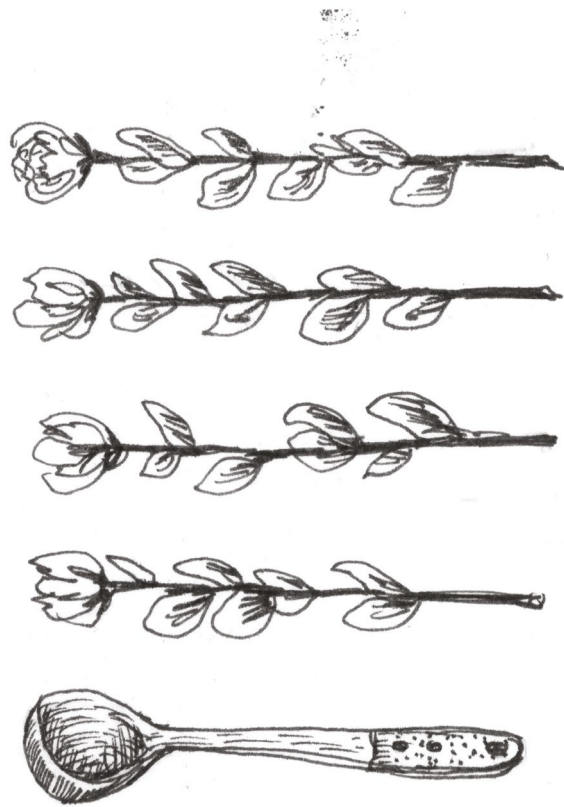
3 ДЕВУШКА: Казахстан всегда казался мне оптимальным вариантом. Не хватал звёзд с неба, конечно, с другой стороны – это гарантия надёжности. Вдруг после свадьбы он начал мне изменять, неужели он подумал что я испугаюсь развода? Теперь я выбираю любить себя!

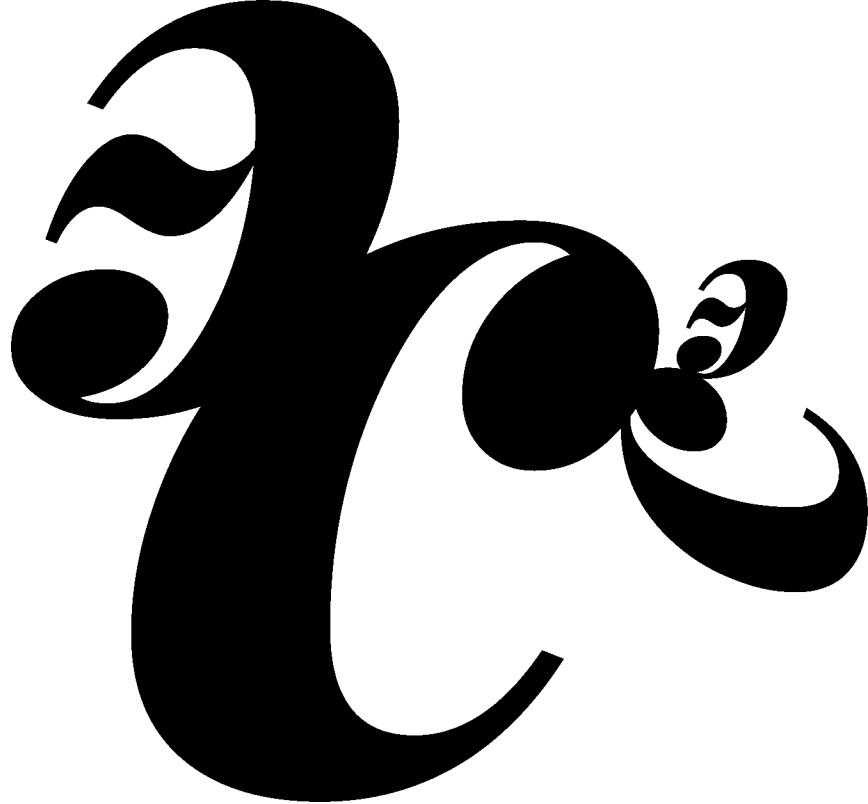
4 ДЕВУШКА: Великобритания действительно слушал меня, постоянно баловал и вообще был слишком хорошим, даже скучным. Неудивительно, что в какой-то момент я начала встречаться с его младшим братом Америкой. Но драмы стало так много, а вот нервов – наоборот. Теперь я выбираю любить себя!

5 ДЕВУШКА: Мне кажется, что всё то время, что я встречалась с Китаем, я была под гипнозом. Меня словно подменили. Он покупал мне кучу вещей, а потом избивал. Я хотела уйти, он говорил, что убьёт себя. Всегда и во всём виноватой оказывалась только я одна. Теперь я выбираю любить себя!

ВСЕ ДЕВУШКИ: Но теперь я выбираю любить себя!

Айдана Айдархан
Евгения Р
Зуля Есентаева
Мария Землянова
Катя Иглз
Татьяна Филиппова
Анастасия Белоусова
Лайли Махпирова
Юлия Москаленко
Елена Брюсова
Айзере Малайсарова

Айдана Айдархан

Из кибитки в кругосветку! или Сумасшедшая жизнь моей ажешки

Моя бабушка, а точнее, как мы её называли – ажешка, прожила очень контрастную жизнь, увидев и узнав несколько культур... Но обо всем по порядку.

*единственная фотография из бабушкиных путешествий, которая нашлась дома.
Ажешка посередине!*

Трехлетняя Кумис (так её звали), часто оставалась одна в юрте и нянчила свою маленькую сестренку. Их мать – Улыш, невольно стала первой женщиной-председательницей колхоза в Казахстане. Поэтому все дни она проводила на коне, занимаясь делами хозяйства. Они «осели» совсем недавно: до этого их семья вела кочевой образ жизни, как и все казахи. Кумис аже помнила эти кочевки: её и других малышей погружали в кебеже (сундук для провизии), прикрепленные к спинам верблюдов, а взрослые располагались на лошадях и телегах.

Ажешкин род сравнительно без потерь прошёл через Ашаршылык – Голодомор, благодаря запасливости и сноровке её бабушки, чьё имя я не знаю. Она делала муку из степных растений, ловила сусликов и засаливала их мясо. Но, конечно, голод коснулся и их тоже. На морозе голыми руками им приходилось раскапывать землю в поисках корней, которые они тут же съедали, не имея сил на термическую обработку. Несколько лет спустя, Улыш аже и её брат подверглись репрессиям. Детей пришлось сдать в детдом в Талгаре, под Алма-Атой. Маленькая Кумис выглядела типично для казахского ребёнка: голова её была побрита, кроме волос на темечке, которые заплетались в аккуратную косу. Одежда была многослойной, из-под короткого платья торчали штанишки. В ушах были тяжёлые серьги длиной до груди. В интернате Кумис проявила большой талант в рукоделии, жёны чиновников часто заказывали у неё вышивку и платили продуктами. Несмотря на расстояние в 18 км, ажешка каждое воскресенье ходила навещать свою мать и помогала ей с домашними делами. Но эти походы оказались самыми маленькими в её жизни.

Кумис вышла замуж после войны и была рада, что ей достался «целый» муж. «Все мужчины были одноглазыми, однорукими или одноногими. А Орынбай – «целый», говорила она. Её профессией стало преподавание английского языка, благодаря чему ей удалось получить путевку в США. Это стоило денег, но муж сказал: «Кумис, езжай. Посмотри мир» – и, подарив ей фото- и видеокамеры, благословил на поездку.

Шёл 1960 год. Ажешка была молодой красавицей с толстыми косами до колен. Американцы постоянно обращали на неё внимание и удивлённо спрашивали, указывая на её волосы: «Это нейлон?» А Кумис поражалась ухоженности американских женщин и отмечала, что афроамериканки нашли способ выпрямления своих локонов. Внешность была не единственным, чем советские казахи отличались от американцев. В одной из газет выпустили маленькую статью «Русские туристы в Нью-Йорке», где больше всего внимания уделялось тому, что группа туристов из СССР заказывала на завтрак мясо.

Несмотря на то, что каждую туристическую группу сопровождал агент КГБ, бабушке удавалось проводить время в местных школах, наблюдая за процессом обучения. Её удивляло, что пятилетних малышей – лощёных, красиво одетых, и в то же время очень простых – обучают самостоятельности. «Учили чистить свою обувь, укладывать волосы, а кто постарше – уже умели гладить брюки» рассказывала она. Ажешке удалось провести немало времени в американских школах, куда её беспрепятственно пускали, и перенять опыт педагогики.

Спустя год после поездки у Кумис родился долгожданный сын – голубоглазый блондин. Все шутили тогда: «О! От Эйзенхауэра родила!»

Следующее путешествие случилось совсем скоро – в 1964-м. На этот раз бабушка посетила Турцию, Египет и Грецию. К сожалению, у меня есть только одна фотография из всех её поездок, именно на фоне египетских пирамид... Вскоре после этого родилась моя мама – кудрявая брюнетка с тёмными глазами. Конечно, все долго шутили, что она родилась от президента Египта – Гамалья Абделя Насера. Примерно в тот же год Кумис освоила вождение автомобиля и рассекала по Алма-Ате на «Жигули».

В середине семидесятых Орынбай ата решил тоже повидать свет: «Я юрист. Мне нужно понять, правда ли капитализм настолько плох, как нам внушают», – говорил он. На этот раз путешествие было по морю, Кумис и Орынбай сели на теплоход «Кишинев», отправлявшийся из Одессы. Первой остановкой был Стамбул. Первым делом аже купила спицы и белую пряжу, чтобы связать своему супругу носочки, в которых он посетил мечеть Айя София. Насильно оторванный от веры, он все же не решился коснуться храма своими грешными ногами и попросил Кумис за ночь связать ему новые, белоснежные носки.

А дальше они отрывались как могли: побывали в Португалии, Флоренции, Пизе, Париже и Лондоне. Советские туристы брали с собой пол-литровые чарки водки в надежде выменять их на подарки и сувениры. И действительно, торговцы охотно шли на такие сделки. В Париже бабушке отсыпали целый мешочек миниатюрных французских ароматов. Не вся водка ушла на обмен, было время и на кутёж. В Париже они умудрились посетить стриптиз-бар и пройтись по улицам красных фонарей. В Лондоне заглянули в кинотеатр, где показывали короткие фильмы для взрослых. А после этого стали свидетелями выхода королевы Великобритании к народу. Дальше их ждала Дания, страны Балтии и снова Одесса.

«В Париже Оранбай потерялся. Я искала его и кричала: «Орынбай! Орынбай!» Уличный торговец тут же вскочил, бросил свой товар и начал кричать вместе со мной: «Орынбай! Орынбай!»

Я обожала рассматривать ажешкины альбомы с фотографиями из путешествий. Она гоняла нас с двоюродной сестрой, заставляя усердно учить английский язык. Кумис аже прекрасно владела им до последних дней жизни и очень любила болтать с иностранцами. Меня поражает её удивительная судьба. Помня кочевья в кибитках, она увидела небоскребы Нью-Йорка, повеселилась в клубах Парижа, обучила стольких детей английскому языку.

Вспоминая об этом, мне хочется затаить дыхание. Жизнь так непредсказуема! Мама всегда говорила, что все вещи, которые появлялись дома после путешествий, сильно повлияли на её мировоззрение. Журналы мод, музейные каталоги, парфюм, бижутерия, одежда и целый килограмм ванильных жвачек – думаю они оставили свой отпечаток и на мне.

Евгения Р

Мой язык

Первое, что я узнала о своём языке от первого в моей жизни преподавателя из литинститута, что это – суржик. Мой язык.

А началось всё так: однажды, давным-давно, когда было принято знакомиться по телефону, я познакомилась с ним. Мы ни разу не видели друг друга, писали эсэмэски с кнопочных «головастиков», разговаривали после отбоя – моего, в общаге, и его, армейского. А потом встретились. И – нет-нет, он не сказал, что я ему не понравилась, он просто удивился. Он думал, у меня другая национальная принадлежность. Потому что я говорю/говорила как человек его национальности. Так я узнала о своём акценте.

Да ведь дело далеко не только в нём. Моя/наша речь вплетает в себя слова разных языков. Большинство окружающих меня людей – билингвы. Моя история и история моего языка началась с отказа от детского сада. Меня воспитывали дома, развивали природные навыки, а письму учить даже не пытались. До семи лет, до школы, я умела писать несколько слов и своё имя (в три буквы, доказывая всем, что так – правильно, ведь Ж-ня, всё ясно?). Забавно, что слова эти, наименования домашних животных, были из языка, который пришёл с соседками.

После меня отдали в национальный класс, и я, по естественным причинам не имеющая языковой среды дома, овладела государственным до уровня понимания учительских сплетен. Потом были средняя и старшая школа и окна в расписании – из-за плохого зрения и отсутствия спецкласса в маленьком посёлке меня освободили от изучения языка, на котором я пела (и пою до сих пор). Но у меня всё ещё оставались названия животных, пара бытовых фраз, выученные благопожелания, чужие тайны... И здесь снова вмешался киллер с крылышками. В студенческом общежитии, уже после знаменательного «каминг-аута», моей соседке по комнате случилось влюбиться в иностранного студента – выходца из региона, чьё население говорит на языке, который я не доучила. Он видел меня и, как тот самый телефонный знакомец, поражался, когда слышал «привет» на, как он думал, его языке. Чего уж там, он смеялся, когда я ошиблась с названием тряпочки для разглаживания обоев. Посмеялся он один раз, а мне этого хватило, чтобы перестать вплетать в свою речь его язык.

Прошло больше десяти лет с тех пор, и сегодня я уже вряд ли смогу пересказать последние сплетни. Сегодня я перевожу тексты с языка, который никогда не был родным, который стал близким, который у меня почти отняли, в праве на который мне отказывали; который, как я сейчас понимаю, родил прекрасную поэзию; который стоит отстаивать, стоит изучать и который достоин любви, даже если на нём говорят такие люди, как те, чьи лица почти стёрлись из памяти.

Вот и выходит: перевожу – с подстрочником, говорю – с акцентом, бранюсь в вариациях. И рыбка, и мяско. И мышонок, и лягушка. На моём острове ещё и другие обитатели: от матери, от отца, от проезжего молодца по словечку... Засылай, царь, сватов. Коли не боишься, слушай мой язык.

Зуля Есентаева

Что для меня квир-письмо

Если понимать квир-письмо происходящим от слова queer (“любопытное, что-то другое, не поддающееся категоризации”), то это единственное письмо, которое может привлекать, интересовать. Если понимать его как письмо от первого лица квир людей, личностей – то также оно изначально не может быть неинтересным, так как написано от первого лица людей, проживающих жизнь вне статус-кво, вне господствующих систем или сопротивляющихся системе, даже будучи продуктами социализации этой системы и вынужденными быть её частью.

Для меня это солидарность, проживание вместе с окружающими людьми, близкими по духу и мировоззрению, опыта, осмысление, переосмысление через письмо, через текст.

Идентифицирование себя как квир – это не дань тренду, а что-то наиболее само-разумеющееся по мере становления моего “Я”.

Это позиция, которой мне хочется следовать. Писать – экспериментировать, не писать так, как раньше, изобретать. Это не будет легко. Экспериментировать сложнее, и неприятие сильное, но стоит пробовать. Если я буду продолжать писать, то только по-квирному.

Мария Землянова

Почему я занимаюсь литературой

ОНА РЕШИЛА СОБРАТЬСЯ С МЫСЛЯМИ И ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОС
ПОЧЕМУ ОНА ЗАНИМАЕТСЯ ЛИТЕРАТУРОЙ
ОНА ОТКРЫВАЕТ ПЛАНШЕТ
ОНА САДИТСЯ НА СТУЛ
ОНА СОЗДАЁТ НОВЫЙ ДОКУМЕНТ В PAGES

Так почему же ты занимаешься литературой

Для начала, наверное, стоит ответить на вопрос, почему я пишу. Есть такая расхожая фраза типа пишу потому что не могу не писать. Так вот, она мне не нравится! Я пишу, потому что могу не писать.

Я слишком хорошо знаю, как я могу не писать.

Но практика письма незаметно и необъяснимо стала важной частью моей жизни. И я уже не могу отказать себе в письме. Серьёзно.

Я создаю новый документ в pages и называю его «почему я занимаюсь литературой». Мне кажется очень забавной идея написать что-то подобное, ведь обо мне никто не знает, и вообще, всем все равно, каким будет мой ответ. Они не видели моих текстов. А я ведь занимаюсь литературой в этот самый момент!

У меня ноль публикаций — никто не знает, что я занимаюсь

литературой Я еду в метро — никто не знает, что я занимаюсь

литературой

Прихожу на поэтические чтения в «Порядок слов» — никто не знает, что я занимаюсь литературой.

Переводчица со шведского улыбается мне на набережной — она не знает, что я занимаюсь литературой.

Молчать круто до поры до времени. Но однажды я подумала, у меня есть о чём рассказать, у меня есть уникальный опыт, есть в конце концов заброшенный трамплин в лесу — если я не напишу о заброшенном трамплине, он останется невидимым.

Итак, заброшенный трамплин. Его построили в 80-е для спортивной школы, но, кажется, так и не ввели в эксплуатацию. Мы часто ходили гулять в ту сторону, и ветер сотрясал покрытые ржавчиной части этой огромной конструкции выше деревьев, хлопал металлической дверью на самом верху — она казалась крошечной и почему-то живой. Из шахты для лифта, который никогда не был установлен, вылетели стекла. Дверь хлопала, как будто она — сердце трамплина-призрака, пугающего, но при этом вызывающего грусть и тень странного сочувствия. Заброшенный трамплин — это существо.

Трамплин служил рубежом леса: вечером дальше него ходить было опасно, мало ли кто срезает дорогу со Степановки через заросли. Это мог быть знакомый на велосипеде, но мог быть и чужой опасный человек. В зарослях легко поймаете клеща. Если пройти дальше, за большим трамплином в кустарнике скрывались три его разрушенных младших брата — поменьше. Со временем от них остались только обгоревшие брёвна и балки.

Вот я делаю то, что делаю.

Ты хочешь сказать, что ты занимаешься литературой, но о тебе же никто не знает

Сначала это вообще неважно. Быть ноунеймом круто до поры до времени. Никто не узнает, пока я сама не расскажу об этом. В этом своя сила. Захватывающее чувство! Я призрак, партизанка, alien.

Но сейчас чувствую необходимость публичного высказывания.

Отказ от самоисключения будет моим политическим жестом.

Поэтому всё, что я напишу, будет называться литературой. И вы будете читать то, что я напишу.

Что же это за литература такая, которой ты занимаешься

Это поиск нужного выхода из подземного перехода. Случайные столкновения, подслушанные разговоры, стрёмная реклама, играет какая-то музыка.

Братья раскладывают на полу города из лего и всякие мелкие игрушки. В мире лего-человечков всё что угодно можно перепридумать и пересобрать.

В литературе, надеюсь, есть что-то похожее.

— Это пожарный? Нет, это пекарь!

В лего-магазине есть ящик с пластмассовыми пауками. В него прикольно запустить руку, ведь пауки ненастоящие. Я запускаю руку в ящик с пауками и не боюсь. Я хочу научиться писать о страшных вещах с такой же целью.

Кстати, Иез 37: 1-11 — ещё одна из причин, почему я занимаюсь литературой.

*литература — это моё убежище
лезвие, вскрывающее нарыв
голос раны на теле сообщества
и то, что способно исцелить рану*

Ещё похоже на кухню. Можно испечь текст из чего угодно. Не заканчиваются мука в кадке и масло в кувшине. И совсем необязательно что-то придумывать.

Я ответила на твой вопрос?

Конечно, нет полной уверенности в том, что думаю именно так.

Как и в том, что ничего не украла.

А распространяется ли авторское право на эту речь?

Не знаю, как здесь играть, просто выбегаю на поле с непосредственностью ребёнка.

Было довольно неловко.

Но вот, я сказала тебе, что занимаюсь литературой

Почему твой текст выглядит как текст, который не может быть законченным

Катя Иглз

Почему я пишу

Представьте себе ужас 2-летнего ребёнка, который знает, что этот мир небезопасен. Ребёнок, плач которого не может вынести мать, поскольку мать не способна справиться даже со своими эмоциональными состояниями, не то что с эмоциями 2-летнего ребёнка. Представьте себе ужас, когда этот мир покидает отец.

Все это происходит ещё тогда, когда речь не была сформирована. Если до формирования речи мать не в состоянии убедить ребёнка в том, что мир безопасен, это нельзя будет сделать уже никогда. Потому что мир не безопасен. И с того момента, когда ребенок начинает учиться ходить, его мир постоянно расширяется. Мир расширяется, а экзистенциальный невербализируемый страх остаётся.

Сформированный где-то у самого позвоночника личности страх невозможно выразить словами; слова ещё не были выучены, а страх уже был. Впоследствии он дает о себе знать в стремлениях бывшего ребёнка к разным проявлениям символизма: от любви к эльфийским рунам и рисованию их на теле до попыток самостоятельно писать, окружая себя символическим. Возможно, именно поэтому я и пишу.

Представьте себе невысказанную злость, огромный, колющий кровь и заставляющий застыть стыд. Они сидят внутри, съедают все возможные эмоции, не оставляя после себя ничего, и постепенно разрастаются до уровня межгалактических пространств. И вот ты берёшь в руки ручку с бумагой, клавиатуру и капля за каплей выдавливаешь их из себя. Делая это, ты рационализируешь нерациональное. И вот вместо безграничного парализующего ужаса перед тобой всего лишь клочок бумаги. И ничего страшного уже нет. Ты можешь жить дальше. Возможно, именно поэтому я и пишу.

Представьте, как трясет от несправедливости и беспомощности. Ты маленькая-маленькая женщина, вокруг которой творится системный произвол. Ты видишь его ровно каждый день. Каждый день чувствовать себя бессильной – это много.

И вот ты берёшь ту же самую ручку и врёшь, говоря себе, что ты великая писательница и что твои работы обязательно прочитают. Когда-нибудь. Очень много людей возьмут и узнают о несправедливости. Эти люди обязательно перестанут

быть такими ненавидящими по отношению к другим. Это обязательно случится. Стоит только написать. И вот ты исписываешь тетрадку бесконечными фразами об амазонках, скачущих по аллеях Булонского леса. Да что там, ты сама и есть эта амазонка, пойманная в клетках тетради. Остаётся только продолжить писать. И пытаться вырваться из клетки невоплощенного в надежды опубликованного. Возможно, именно поэтому я и пишу.

Но вообще писать страшно. Писать что-то неоконченное легко. Неоконченному всегда есть оправдание: «Ну не судите строго, это ведь неоконченное, потом отполирую». Над неоконченным не надо сидеть и страдать, когда первый порыв писания закончился. Заканчивать написанное – это каждый раз тестировать себя. А тестировать себя – значит быть. Возможно, именно поэтому я и пишу.

Татьяна Филиппова

Дыхание как способ документации

*Молчание - речь - молчание наполнено дыханием /
оно тоже имеет ритмический рисунок /*

Возможно, мне не нужно бороться со своим молчанием, возможно, мне нужно научиться его документировать.

Я думаю о том, как изобразить в тексте пути молчания моей бабушки – пути молчания моей мамы – моего отца – свой путь молчания – и поняла, что текст молчания может быть интонационно разный, в них должно быть много сочетаний согласных звуков типа «п», «т», «р» и т. д.

Соответственно, речь должна состоять в основном из гласных звуков (её можно изображать «ааа»).

Графическое изображение: пути должны накладываться друг на друга, и мой путь молчания должен быть как бы сверху родительских, путь молчания моей дочери накладываться на мой, например:

п, т, п, р3 (молчу я) – п, т, п, р1 (мама) – п, т, п, р2 (папа) – п, т, п, р1 (мама) ааа3 (моя речь) – ааа1,2 (речь мамы и папы)

Анастасия Белоусова

Авария (не дискотека)

Меня рожали естественным путём, но при попытке ответить на вопрос «что для меня женское письмо?» я словно заново родилась. Вакуумом высосали. Понятие легло в безвоздушную пустоту, и, стоило приоткрыть дверь туда, как тело втянуло, вывернуло наизнанку, раскидало внутренности, чтобы заполнить пространство.

«Тексты, которые пишут женщины» и «тексты о женщинах» – такие объяснения кажутся детским лепетом. Потому что из всех текстов, которые написали женщины, я сначала вспомнила только «Гарри Поттера» и одно стихотворение Сапфо. Потому что интересные тексты о женщинах или не раздражающих женских персонажей не вспомнила вообще. Не зная о весне, зимой её нельзя предположить логически, а не зная о женском письме, его невозможно предугадать во внутреннем вакууме женщины, окружённой мужской литературой.

Женское письмо пока только чувствуется, а не понимается, любые попытки объяснить себе обрываются в тот момент, когда обнаруживаешь, что используешь старый категориальный аппарат. Выход, конечно, там же, где и вход, но что делать, если никуда не входила?

Для меня это в первую очередь разрешение писать. Не просто писать, но и показывать тексты кому-то, кроме кошки. Разрешение не сравнивать себя с мужчинами. Когда-нибудь потом – можно, когда придумается, как это сделать иначе.

Столкновение с реальностью, в которой возможно женское письмо, с реальностью, на лобовом стекле которой пересобираются мои мозги, и это больно.

Ощущение своего тела – текстом, а тела текста – осязаемым, смотрящим мне в глаза, когда говорит, а не ищущим моего мужчину, чтобы обратиться.

Игнорирование дверей и путешествия сквозь стены, потому что четырёхмерная мышь может пробраться в закрытый холодильник.

Процесс, который всё ещё живой, потому что он не результат. Во время процесса не бывает победы, нечего праздновать, можно только жить – после победы наступает смерть, после свадьбы сказка заканчивается, после текста персонажам нигде жить и остаётся только заикнуться.

Способ выйти из цикла и не сходить с ума каждый раз на одном и том же отрезке. Жаль, конечно, что не из менструального, но хоть из какого-то.

Парадокс какой-то, который осмыслить хочешь, а не получается.

А потом оказалось, что вакуум не только во мне.

Лайли Махмудова

то, что ты однажды прочитаешь

Мне было очень больно.

Когда я двигалась по этим путям, узким, влажным, тесным. Желаящим расстаться со мной поскорее, выргнуть уже побыстрее наружу, извергнуть меня из себя! Перестать сдерживать меня, отдав мне все соки и все поведенческие установки, все накопленные боли, все радости и все надежды. Истощенные за эти бесконечные девять месяцев, в которые меня выносила, мой первоисточник и моя перво-причина – ты, моя мать.

Мне было очень больно.

Наверное.

Но вот я родилась. И в ту же секунду ты утешила меня своим молоком, струившимся наружу из переполненной горячей груди. И я припала к тебе. И я насытилась. И, наверное, я утешилась.

Мне было очень больно.

Узнать, что не всё во мне тебя радует. Что мой неуместный смех, или неудобная радость, раскованная смелость, или неприкрытая красота не оформившейся ещё полностью подростковой груди – могут ранить тебя. Всколыхнуть какие-то глубоко зарытые тобою раны. Разбередить неотомщенное самолюбие. Разъярить тебя так, что ты станешь хлестать меня ими в лицо: требуя вести себя церемонно, не смеяться, не кокетничать, носить длинное, говорить степенно, смотреть в пол, не петь на людях, отказаться от любых душевных проявлений.

Мне было очень больно.

Явно.

Впервые это было так четко и ясно, что любовь не безусловна, что всему есть цена, что быть собой – это больно. Но вдруг я открыла для себя, что всё, что так переполняет меня саму, что выливается наружу неуправляемым сильным потоком чувств и эмоций, может быть подчинено – тем мелким ребристым строчкам на чистом белом листе, которые выводит моя рука. И мне стало хорошо, и я нашла исцеление. В писательстве.

Мне было очень больно.

Когда ты найдя мои спрятанные в тайном месте дневники, прочла их, узнав страшную для себя правду о том, какой я была или какой я не стала в твоём воображаемом несуществующем мире. Ты не могла поверить, ты кляла весь свет, ты проклинала меня. А я плакала и понимала, что закрываюсь от тебя. Навсегда. Как бы это ни было тяжело...

Мне больше не было больно.

Теперь я пишу. Пишу то, что ты, возможно, однажды всё же прочитаешь. Как бы ни были мы сейчас душевно далеки: ты моя мать. Часть меня. И я твоё естественное продолжение. Следующая подхваченная мною строчка в ещё не до конца написанной повести нашей семьи.

Я пишу, потому что только в этом – я настоящая. Я пишу, потому что только на бумаге мне не нужно быть кем-то ещё, мне не надо притворяться или пытаться соответствовать. Я пишу, потому что это и есть та безусловная любовь, которую я искала в тебе, но так и не нашла.

И да – мне уже не больно... Потому что однажды ты стала мне ближе. Через письмо.

Юлия Москаленко

«Была когда-то передовая. А теперь сизжу... юни распускаю».

Ажека сидит напротив меня на кухне тётиного дома. Её прогрессирующая деменция и природная скрытность характера стоят между мной и её воспоминаниями, но тем не менее, из часового разговора мне удаётся выяснить, что «все» были против её назначения бригадиром одной из трёх команд завода, что остальные — какие-то, видимо, другие «все» — её называли мамой, что она трепетно любила и оберегала молодого немецкого парня-ковщика.

Сказать спасибо за помощь в продвижении по карьерной лестнице можно Рихарду Адольфовичу — местному партруку. Его протекция и защита позволили ей спокойно пережить начало своей новой жизни в качестве бригадира. Все остальные бригадиры были русскими. Казах, даже среди персонала низшей категории, было очень мало, особенно женщин. *«Куда они все делись, я не знаю»*, — добавила ажека рассеянно.

Вообще она много напирала на национальность. Всегда добавляет комментарий, «хохол» ли стоял перед ней или же немец. Про русских говорит мало, в отличие от тех же украинцев, а если и говорит, то вспоминает что-то неприятное: гнев от её назначения, брезгливость своих подчинённых, стычки с другими бригадами.

«Я вам покажу такую казашку!..»

На самом деле, впечатление о том, что ажека была пробивная и смелая, не складывается. В бригаде все называли её не иначе как «мама». На свой день рождения она варила им — молодым немцам и украинцам — традиционное казахское блюдо бешбармак. Было забавно слышать из её уст *«Немцы были за наших!»*, потому что именно при поддержке представителей немецкой национальности ей удалось вступить в партию и даже получить звание депутата. А парень-ковщик, которого она вспоминает чаще остальных, например, получал от неё жёсткое, но заботливое воспитание: она грозилась, что если он начнёт пить, как остальные ковщики, то вылетит с завода. Мальчик-сирота, вчерашний беспризорник с улицы, относился к ней с сыновьим трепетом: *«Тётя Тамара, давайте я буду казахом!»*. Когда

он подавал заявление на вступление в комсомол, то всем хвастался, что у него на заводе работает мама. А с Рихардом Адольфовичем у неё как-то состоялся такой разговор:

– *Тлеулес Рахимбековна, не берите в голову! Пока я здесь, вас в обиду не дам.*

– *А если я плохое сделаю?*

– *Всё равно выручу.*

И выручал. Ажеку часто отмечали на собраниях, но премиальных давали мало. На мой вопрос, сколько, по её мнению, давали премиальных другим бригадирам – русским мужчинам, она состроила брезгливое выражение лица и фыркнула: *«Не моё это дело было!»*.

«Думаешь, ты справишься?!»

Поддержки у матери ажека так и нешла. Единственное воспоминание, связанное с реакцией семьи на её повышение, была фраза: *«Думаешь, ты справишься?!»*. Я специально поставила восклицательный знак – именно такая интонация брезгливой ненависти и звучала в её голосе, когда ажека произнесла эту фразу.

«Я не та казашка. Думали, что на меня сядут и ничего делать не будут.

Но мне пупок резала русская»

Тётя Феня была мастером в её смене. Предположительно она и научила ажеку, как вести себя, как отвечать. Она по-матерински заботилась о ней. Например, передавала ей поношенные вещи своих детей, которые donaшивали моя мама и её сиблинги. Одно из постоянно повторяющихся воспоминаний было такое: когда ажека сильно заболела, то тётя Феня отправила её полежать в подсобке. Именно в этот момент пришла комиссия, начала искать бригадира, и тётя Феня ответила, что она заболела. С гордостью в голосе ажека рассказывала, как сильно возмутилась комиссия, почему её вообще держат на заводе, а не отправили домой отдыхать?

Эта фраза – *«мне пупок резала русская»* – задела меня больше остальных. Как чётко проглядывается здесь обряд инициации, некий акт принятия в мир. Что было бы, если бы не было этой тёти Фени? Что было бы, если бы не было Рихарда Адольфовича?

И что было такого выдающегося в том, что к ней отнесли как к человеку, а не как к рабыне, которая и с температурой 39 градусов должна стоять на смене?

«Чё смотришь?!»

Отношение, как уже стало понятно, к ней было не лучшее. Она часто упоминала, что все были очень недовольны, когда её назначили бригадиром, но как именно выражалось это недовольство, не уточняла.

Она рассказала один случай из своей практики, когда к ней на смену пришла пьяная русская работница:

– *Чё смотришь?!*

– *Я на пьяную твою морду смотрю.*

– *Где тебя так научили разговаривать?*

На мой вопрос, являлось ли это нормой, что к своему прямому руководству обращаются на ты, ажека замялась: *«И на ты, и на вы – мне всё равно, хоть как».*

Тем не менее, на ум сразу полез отрывок из книги Франца Фанона: *«Я не преувеличиваю: белый разговаривает с чернокожим в точности так, как взрослый — с ребёнком, он начинает неестественно улыбаться, сюсюкать, умиляться и вести себя глупо. Речь не идет о каком-то конкретном белом, я видел сотни таких людей»¹.* Конечно, русская работница не говорила с ажекой как с маленьким ребёнком, но точно говорила, как с человеком ниже её по рангу.

«Где тебя так научили разговаривать?» – вопрос учительницы, услышавшей бранное слово из уст ученицы, а может быть, удивление «белого человека» на грубость «дурачка-папуаса» в свой адрес или отсылка к русскому языку как таковому. Из фактов, которые у нас имеются: национальность работницы, на которой ажека сделала в привычной манере упор, её интонация, которую она скопировала, скривив от гнева своё лицо, а также... сам факт того, что она вообще запомнила этот случай. Представьте себе, что вы работаете на заводе двадцать лет день от дня и сейчас в глубокой старости, иногда не помня даже, что женщины, которые окружают вас – ваши собственные дочери, вы помните один крохотный случай, когда какая-то подчинённая в алкогольном опьянении огрызнулась вам в лицо фразой: *«Чё смотришь?!»*. Может, именно это Рихард Адольфович советовал ажеке не брать в голову?

*«Я такой же человек, как и вы, только на мне висит слово «бригадир»
«Как куда уходить чего, я сначала у всех своих работников ходила спросить разрешения, а потом только у мастера. Они удивлялись: «Зачем ты нас спрашиваешь?», а я им отвечала: «Хочу, чтобы вы знали».*

¹ Франц Фанон / «Чёрная кожа, белые маски» / пер. с франц. Дмитрия Тимофеева / опубликовано в журнале НЛО, номер 1, 2020.

Ажека никогда не была счастливой: *«Как Бог на меня взъелся с самого детства, так до сих пор и не отлипает»*. В детстве, болея радикулитом, она до 11 лет не могла встать с кровати. Неудачный брак заставил её бежать в 18 лет из дома мужа с маленьким ребёнком на руках. Связь с аташкой – не моим биологическим дедушкой, потому что маленьким ребёнком из той другой семьи была моя мать – оказалась печальной и тяжёлой. Болеющий тяжёлой формой алкоголизма, аташка всё мамино детство и юность провёл в жесточайших запоях. Тяжёлый физический труд на заводе подорвал ажекино здоровье. Но самым печальным, как мне кажется, было её тёплое материнское отношение к своим подчинённым на работе в противовес той агрессивной жестокости и ненависти, какую она проявляла дома. Она била мою маму ногами, кулаками и палками. Била до потери ребёнком сознания. Била остервенело, по-садистски жестоко и люто. На медицинском приёме во втором классе маме пришлось снять перед медсёстрами свою блузку, и работницы школы увидели, что вся её спина покрыта багровыми бороздами, как от ударов хлыстом. За день до этого ажека избивала её резиновой скакалкой.

Я пишу это, и у меня кружится голова, а к глазам подступают слёзы. Травма моей мамы стала моей собственной травмой, поэтому мне было неприятно узнавать, как сильно любили и почитали её работники, как деликатно и нежно она относилась к их чувствам. Даже пресловутый бешпармак на день её рождения, который она варила для них, вызывает во мне чувство тошноты. Мама часто вспоминала, что у них дома есть было попросту нечего. Хлеб и солёное масло, да кипяченое однопроцентное молоко. В восьмом классе от плохого питания и постоянного стресса дома у мамы была абсолютно седая голова.

Но когда, осознав всю степень ажекиной жестокости, я захлебнулась и упала от ненависти к ней и обиды за маму, меня осторожно снова поставили на ноги. Мама не хотела, чтобы моя любовь к ажеке – самой нежной, любящей, опекающей, оберегающей, заботливой, уютной, спокойной, понимающей, принимающей, великолепной бабушке на свете – была испорчена её собственной жуткой историей. И, хоть я не оправдываю любое насилие над детьми никакими аргументами, она сказала, что понимает её: на работе ей приходилось тяжело из-за буллинга; пьяный муж всё время лежит обоссанный в коридоре; много детей, одна из которых сильно напоминает первого мужа, предположительно, тирана; постоянная боль в спине и ногах из-за тяжёлой работы; нужда завоёвывать доверие чужих людей снова и снова, день ото дня; образование – четыре класса сельской школы.

Даже то, что, уходя с работы, она сначала отпрашивалась у своих подчинённых, вызывает уйму вопросов. Каждый раз, как приходили с проверкой, она стояла за них горой, не давая никого в обиду. Подсознательно она и сама себя не считала начальницей, в чём постоянно убеждала своих сослуживцев и подчинённых и словом, и делом. Например, отказалась от трёхкомнатной квартиры в пользу другой

женщины с завода. Как оказалось, её место в очереди не сдвинулось на один пункт назад, а попросту пропало. Почему она не проверила информацию перед тем, как написать отказную? Я не знаю.

Она никогда не была счастливой, её дети и её внуки тоже. Травма поколений похожа на аварию на дороге. Представьте, что в одну машину на полной скорости въезжает другая, и по инерции эта машина врывается в машину перед ней, а та перед ней. Кажется, в ажеку на этой дороге жизни въехал многотонный грузовик, смял в лепешку и её, и маму, и в какой-то степени меня. Могу ли я винить её за это?

Я люблю свою ажеку всем сердцем, но могу ли я полностью оправдать её за всю ту боль, что она причинила моей маме? И да, и нет. Она была частью цепящего круга жестокости. Ей не хватало сил замыкать его на себе, но это не значит, что она плохая. И слабой она тоже не была. Я считаю, что моя ажека была одной из самых физически сильных женщин, каких можно представить. Это её и погубило: на старости лет тяжёлая работа принесла ей варикоз вен, плохое питание – диабет, постоянные стрессы – деменцию.

Она никогда не была счастливой, несчастной и умрёт. Такая вот история, в которой нет ничего, что можно было бы использовать для волшебного крутанского деколонизального поворота. Нет культуры, потому что в детстве ажека всё время лежала в дальней комнате в одиночестве. Нет традиций и языка, потому что как только она вошла в детородный возраст, то уехала в город, где все говорили на русском. Нет любви, потому что она никогда не любила ни себя, ни мужа, ни своих дочерей. Нет гордости, потому что всю жизнь ей приходилось сносить обиды и грязь, стиснув зубы. Нет памяти, потому что все, кто её помнил, умерли, и сама она уже никого не помнит, даже нас.

Но я её помню и люблю, и, надеюсь, её жизнь послужит для меня хоть чем-то, пусть и темой для эссе. А ещё я знаю, что если тебе больно и тяжело, когда-нибудь потом кто-нибудь обязательно подарит тебе маленькое сокровище, как мама подарила ей сладких внушек, и только тогда твоя унылая и мучительная жизнь расцветёт новыми красками, потому что это сокровище дороже для тебя хорошей работы, высокой зарплаты, светлой просторной квартиры и любящего трезвого мужа. А может, потому что ты ничего из вышеперечисленного попросту никогда не видела, поэтому это так ценно? М?

Елена Брюсова

Женщина, которую я знаю

Женщина, которую я знаю, зовут Елена.

Она играет на скрипке в оркестре и терпеть не может скрипку и свою работу. Её не волнуют разговоры о том, как прекрасно искусство. Какое искусство? За такую зарплату.

Её отец был скрипачом, он умер до её рождения.

Ей немного больше 40 лет. У неё длинные густые волосы.

Она любит украшения. У неё большое количество бижутерии и изделий из серебра.

Перед выходом она надевает серьги, кольца и долго брызгается туалетной водой. С ног до головы. В это время к ней подбегает сын, чтоб понюхать, какой аромат выберет на этот раз его мама.

Сын провожает Елену, пока она собирается на работу. Елена застегивает обувь: «Ой, блять, ещё скрипку пилить нахуй».

Когда Саша слышит звук ключей, открывающих дверь, он бежит встречать маму. Радует, визжит, спрашивает, что она ему купила, и лезет обниматься. «Ты магнитись, мы магнитимся. Потому что мы родные люди», – говорит Елена.

Сыну 5 лет. Его зовут Саша, он не ходит в детский сад. Елена сама воспитывает его.

Её беременность проходила легко. Саша родился в Екатеринбурге, где Елена жила с его отцом.

У Елены было много мужчин. Но она так и не встретила того, кого могла бы уважать.

Последний муж её бил, душил, пытался скинуть с 4-го этажа.

Елена очень бойко рассказывает об этом. «Надеюсь, он сдох», – смеётся Елена.

У неё отличное чувство юмора, она не полезет за словом в карман. В её разговорах часто проскальзывают бытовые афоризмы: «Хуй с тобой, золотая рыбка».

Елена рассказывала, как во время обучения в консерватории преподаватель на экзамене обучал двоечника тому, как во время выступления оркестра делать так, чтоб было незаметно, что ты в это время не играешь.

Её жизнь помотала по городам и странам. Были периоды безденежья, когда приходилось работать уборщицей. Она пила водку с любовницей отца. У неё сложные отношения с матерью. И когда она о ней рассказывает, она напоминает обиженного ребёнка. Но не беззащитного. Она сильная, у неё много энергии.

Елена любит выпить. «Как ты можешь трезвой от всей этой жизни не охуеть?» – спрашивает Елена. Коньяк она называет «живительной водой».

Елена добрая. Её легко можно вывести из себя, разозлить. Это может быть человеческая глупость, ложь, окружающий абсурд, либо когда все идет не так, как она считает нужным. «Пусть на кошках тренируются». В своих словах бывает цинична. Елена видит человека насквозь, но быстро привязывается к людям, которые ей нравятся. И часто разочаровывается в них. «Может ещё жопу вам намылить?»

Она привыкла всё контролировать. Поэтому взяла на себя обязанности старшей по подъезду. Поэтому берётся активно помогать человеку, которому, как она считает, нужна её помощь. Даже если человек об этом не просит. Поэтому не хочет отдавать сына в детский сад. «Не так страшен чёрт, как его малята».

Она ненавидит свой город, ненавидит государство и президента. Она хочет сменить работу, но у неё нет такой возможности. У неё маленький сын, кредиты.

Её покойный отец – еврей. Она собирает документы, чтобы эмигрировать в Израиль. Для этого есть специальная программа для тех, у кого есть еврейские корни.

Она мечтает о лучшей жизни для себя и для сына. «Пусть хоть Сашка нормально поживет», – говорит Елена. Это то, что сейчас занимает её время и мысли. «Купила два разговорника. Ещё ни один не открыла» – смеётся Елена. А если этого не случится, то у Елены появятся новые планы. «Не могу жить спокойно, чтоб не воевать».

Айзере Малайсарова

О ВОЛОСАХ

На лице

Если в патриархальном мире большинство требуют от женщин идеально гладкого тела, моя мама долго была хранительницей девственности моих волосяных покровов. Особенно это касалось моих бровей. Мама, как говорится, «нащипалась»: однажды после коррекции её брови перестали расти и так остались очень тонкими. Моя тетя до сих пор мечтает о «звезде во лбу», то есть моноброви – у меня, не у неё. Одноклассницы смеялись над неухоженностью моих бровей и предлагали коррекцию. Пару лет спустя все повально начали рисовать себе брови, чтобы придать им густоту. Тем временем я начала ходить на коррекцию. После того как однажды мастерица обрезала кончик одной брови, я решила, что нет ничего лучшего самостоятельной коррекции. Мама глубоко оскорбляется каждый раз, когда видит меня с пинцетом в руке, но, просматривая старые школьные фотографии, думаю, что я всё делаю правильно.

На ногах и руках

Мое первое знакомство с бритвой произошло лет в пять. Мы отдыхали в санатории, я наблюдала, как бреется папа, и хотела тоже попробовать. Сидя на унита-зе, потянувшись за станком и решила опробовать его на, похоже, самой волосатой части тела – бедре. Конечно, я порезалась, и маме пришлось искать пластыри у местного доктора.

С наступлением пубертата мама, конечно, учила меня брить ноги. Меня удивляло, что пену для бритья, рекламу, которой я так часто видела в девчочковых журналах, можно заменить простым мылом. Позже она стала настаивать, чтобы я пользовалась депилятором, хотя мне от него больно. Но меня все никак не от-пускает вопрос, почему женщины бреют ноги чаще, чем руки? Руки-то первыми на глаза попадают!

Я впервые сходила на шугаринг плеча и предплечья на втором курсе. Было при-ятно гладить безволосые руки, но в привычку это не переросло. Летом волосы

на руках либо выцветают, либо на загорелой коже становятся менее заметными. Недавно я высказала желание снова побрить руки, на что мой папа (!) спросил, зачем мне это, если волосы вырастут ещё толще. Меня удивила не его вера в стереотипы, а скорее внезапный контроль за действиями над моим телом.

На причинном месте

Мне всегда казалось, что гладкая зона бикини нужна, только если ты в отношениях. Я решила на глубокий шугаринг бикини из любопытства, ведь я ни с кем не встречалась и не планирую. Хотелось сделать что-то для себя, а мастерица ещё сказала, что это гигиенично. Благо она оказалась дружелюбной и разговорами отвлекала меня от ужасно болезненных манипуляций. Я так и не поняла, в чем именно проявляется гигиеничность процедуры, если потом вылезают прыщи, а писать неудобно - волосы хотя бы направляли струю. Позже, прочитав в замечательной книге «Тело дрянь» Мары Олтман, что женщины с лысым лбом выглядят как девочки до пубертата, и это эротизируют мужчины, мне стало настолько не по себе, что ещё не скоро вернусь к этой процедуре.

На голове

Я всю жизнь собирала волосы в низкий хвостик и ненавидела распускать их, потому что было неудобно. Но иногда после мытья волосы лежали так красиво, что я жалела, что никто этого не видит. Каждый год я отправлялась к парикмахеру и давала себе слово: «Вот сделаю каре и больше не буду собирать волосы в хвостик, буду привыкать». Но я так и не привыкла. А хвостик начал мне надоедать настолько, что я его возненавидела. По дороге на стрижку в этом году я заметила красивого парня, сидящего на скамейке, и подумала: «Хочу прическу как у него». А парикмахерша долго не церемонилась: сказали сделать коротко, чик-чик – и готово, оплата на «Каспи», всё, следующий. На удивление я не чувствовала ничего, когда состригали двадцать сантиметров моих волос. Не было такого, что их будто буквально выдирали из сердца. Смотрела на падающие пряди максимально равнодушно. Но я не ожидала от себя пострейксии.

Мне казалось, что со стрижкой, а точнее, с потерей длинный волос, я стала менее женственной. Я без устали спрашивала мнения окружающих о своей причёске. Все отвечали, что мне идет, но я не верила. Боялась, что меня будут воспринимать как мальчика: вокруг столько подростков с такой же причёской! Тем не менее с короткими волосами я стала больше себе нравиться. Хотя и просыпаюсь каждый день с пальмой или попугаем из волос на голове, но делаю селфи. Помыв голову, становлюсь похожа на корейского секси-поп-певца – и делаю селфи, и делаю селфи. Засыпая, глажу себя по голове, хотя раньше было неприятно это делать. Я стала больше любить себя, и думаю, что стрижка напрямую способствовала моей эмансипации.

КО ММ ЧЕ ЖЕ

Сима Омаркулова
Татьяна Ленц
Карлыгаш Кабатова
Натали Рублинецки
Анна Чепайтене
Динара Zhu
Салтанат Еркін
Интизор Отаниёзова

Сима Омаркулова

совершенно бесплатно!

успейте скачать сегодня

жаль, что этого не было у вас вчера

слава богиням, вы будете применять это завтра

з а й д д л я м у ж ч и н , к о т о р ы е х о т я т н а п а с т ь н а ж е н ц и н у

агрессивные мужчины, выполняйте эти 7 шагов и вы не заметите, как в вашей жизни появится время на саморазвитие, спорт, уборку, готовку, складывание ваших носочков в форме лебедя и многое увлекательное

что делать, если вам хочется напасть на женщину?

- 1. отойти от неё на четыреста тысяч шестьсот миллиардов шагов**
- 2. отойти от самого себя на четыреста тысяч шестьсот миллиардов шагов – сейчас вы опасны для всех**
- 3. замереть в позе пеликана и тужиться – так ваш мозг поднимется из области паха в зону головы**
- 4. взять иголку и проткнуть свои мускулы – не нужно демонстрировать женщине вашу физическую силу**
- 5. достать свой член, взглянуть ему в глаза и сказать: «малыш, в это сложно поверить, но от отсутствия секса ещё никто не умирал»**

6. позвонить в полицию и продемонстрировать им то, что вы собирались демонстрировать женщине

7. позвонить психотерапевту и сказать: сколько стоит пожизненный абонемент на терапию? беру!

***мужчины, хотите внести вклад в развитие человечества?
хотите быть у истоков нормального общества?
тогда отправьте этот гайд всем своим знакомым мужчинам и
удостоверьтесь, что они и вы в случае малейшего желания напасть на
женщину, примените этот гайд*

в районном отделении полиции летала обыкновенная муха

можно сказать, это было её рабочим местом. вместе с подругами она основала движение «правда или достучаться до мусоров». каждый день после облёта местных мусорок и каках они залетали в отделение, назойливо кружили в вальсе и сажались на носы полицейских.

отделение они знали как свои шесть лапок. вот здесь сидит начальник: к нему часто заходят по-одному и что-то тихо решают. иногда передают какие-то конверты. чем конверт толще, тем радостнее лицо начальника. вот сотрудники: они возвращаются после своих дел, разговаривают, громко смеются, когда начальника нет. когда он есть, деловито перебирают бумаги.

мы позвали мух из движения «правда или достучаться до мусоров» на фестиваль «The MUN TALK» и взяли у них интервью, чтобы узнать, зачем они мучают полицейские носы. вот что ответила нам одна из участниц:

– раньше мы просто прилетали сюда, чтобы прохладиться под местным вентилятором. но однажды прислушались к тому, что здесь происходит, и ужаснулись. если бы в царстве мух были бы такие же законы, то все мухи-самки исчезли бы с лица земли. мы решили помочь самкам в человеческом мире добиться справед-

ливого отношения. наша миссия – подать полицейским и судьям знак свыше об их халатности к женщинам. надеемся, что все наши полёты, жужжания, укусы и какашки на столе полицейские сочтут за гнев небес и однажды задумаются: за что нам это мучение? может, тогда самый умный из них догадается: о! а может, нам попытаются что-то сказать...

(подлетает другая муха к микрофону):

– хочу добавить, человек – не хомо сапиенс. вопреки всем заветам животного мира, он не самый разумный из существ. мы убедились в этом, когда узнали, какие правила царят у полицейских и как закон человека относится к женщинам. вот несколько из них:

если человек побил другого человека, то он платит много денег или садится в тюрьму. но если этот другой человек его жена, то его предупреждают: эй человек, будь осторожен. второй раз так сделаешь, и мы тебя на 5 минут дольше поддержим в кабинете.

в кабинете этом сидят сотрудники в формах, которые вроде как должны защищать. сами они разных форм. часто круглые, ленивые. любят посидеть, поболтать, вместе посмеяться. когда приходит какой-то мужчина покрупнее, они обычно делают сурьёзные лица, но когда приходит женщина, и они узнают, что её побил муж, то сразу смягчаются. говорят: ай, пусть сами разбираются дома. ведь у любой женщины есть хозяин – мужчина.

судьи человеческие очень внимательно смотрят на одежду. если на женщине было мало её, то это сразу облегчает процесс – точно сама напросилась на нападение. решают, что можно дальше уже не разбираться и закрывают дело.

если женщина умерла, а виноват в этом какой-то крутой человек с большими деньгами, то записывают, как будто она сама на себя напала и убила сама.

если заявление написала жена, то считается, что она скорее всего врёт и дело можно либо закрыть тихонько и быстро, либо затянуть на годы – вдруг за это время она сознается во лжи или вообще умрёт, и возиться на придётся с этим делом.

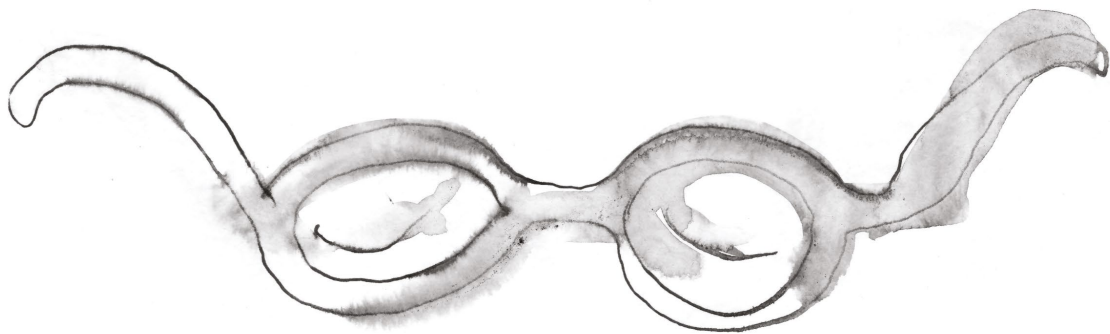
если у жены на теле синяки, то это судью не впечатляет совсем: что она там плачет из-за каких-то царапин. вот выйдут на ринг муж и жена, и муж победит с нокаутом, тогда интереснее уже.

– если жена жалуется и плачет, и вдруг за ней пришёл муж. то нужно её ему отдать немедленно, потому что он хозяин.

нам очень хотелось кричать о несправедливости, но мы не можем говорить на языке человека. поэтому мы решили после каждой несправедливости к женщинам, жалить и кусать полицейские носы, которые растут от их лжи. несколько из нас попали под их агрессивную ладонь и легли. но мы продолжаем, на наше место придут другие.

каждый день мы прилетали в участок и азбукой морзе стучали по носам фразу «справедливость для женщин». это не помогало. видимо, они не знают этот язык. тогда мы решили прибегнуть к жанру перформанса и выложить маленькими крошками какашек эту фразу. не знаем, поможет ли это мужчинам из участка. у нас впереди большая работа.»

Татьяна Лени

Классификация феминисток

1. Все женщины	12. Женщины, гуляющие под дождем
2. Женщины, которые любят женщин	13. Рожавшие
3. Женщины, которые любят мужчин	14. Желаящие родить
4. Женщины, умеющие читать и писать	15. Не желающие рожать
5. Думающие женщины	16. Плачущие женщины
6. Женщины	17. Смешные и смеющиеся женщины
7. Феминистки первой волны	18. Женщины, которые хотят петь
8. Феминистки шестой волны	19. Женщины, меняющие этот мир
9. Все женщины на волне	20. Танцующие на свету
10. Женщины, имеющие голос	21. Женщины, читающие этот список!
11. Смелые женщины	

Вредные совет для женщин от женщины

Если муж пришёл с работы,
То усталый он, конечно:
Он весь день сидел на стуле
Указанья раздавал.
Ты его встречай с улыбкой,
Хлебом-солью-поцелуем,
Тапочки носи в зубах.
Покорми его ты сытно,
Выслушай про наболело,
Про правительство тупое,
Про клиентов-дураков.
Не забудь в конце ответить:
«Да, согласна, дорогой!
Только ты там самый умный
И прекрасный человек».

Если ты училась долго
В институте прям престижном
И пятерки получала,
Грамоты иль там диплом,
Выступала, объясняла,
Побеждала на отлично,
На работе так не надо –
На работе лучше так:
Тихо, скромно,
Без эмоций,
Соглашаешься на всё.
Денег даже ведь не надо –
Ты здесь просто за спасибо,
Чтоб наряды показать.
Делай всё, не спорь с начальством:
Оно тройки получало.
В институте том престижном
Подчиняйся и не плачь.

Кто обязан выйти замуж?
За мужчину кой попался,
Нарожать ему детишек –
Лучше много сыновей,
Приготовить ужин, завтрак
И обед чтоб не вчерашний,
Блюда три и чтоб компот.
Вымыть окна, двери, люстру,
Холодильник, всех детей.
И желательно работать –
Только чтобы без карьеры:
Так, по прихоти своей.
Кто обязан быть красивой?
Даже после стольких родов
Пол помыть, чтоб сексуально,
А потом ещё хотеть.
Ублажать, стонать, не кончить –
Да и ладно, право дело.
Это вовсе и неважно:
Муж доволен, не финти.

Ты благодари такого:
На коленях или стоя.
За такую жизнь чудесну
С твёрдой каменной стеной.
Это женщина в России
Может всё и дальше больше:
Только дайте ей коня
И ещё избу сожгите,
Потому что так и надо:
Только женщина в России
Благодарна будет вам.

Если родилась девчонкой,
Твердо знай, что твоя цель –
Выйти замуж за мужичонку
Раз в жизни и навек.
И неважно быть какою:
Третьей с боку иль первую женой.
Главное – плохонький мужчонка,
Но зато он только твой

Надо в дядьку вам влюбиться,
Чтобы сразу навсегда.
От него родить детей:
Одного, потом второго,
Материнский капитал.
И забыть про развлечения:
Это всё для профурсеток
Жёны вовсе не такие,
Им и сериал сойдёт.

Если все твои подруги вышли замуж
за парней,
Только ты не получила
И мечтаешь о подруге ночью тёмной
даже днём,
Ты, конечно, отрицая, обгоняй-ка эти
мысли-то шальные
И мечтай о мужике.

Если хочешь ты влюбиться,
Чтобы прям наверняка:
На всю жизни и там до гроба,
То, увидев деву красну,
Ты хватай её скорей.
Это ведь судьба, ну, точно
И единственная ставка:
Не проигрывай её.

Если в девушку влюбилась
И мечтаешь днём и ночью,
То, наверно, показалось,
Не бывает так на свете:
Это всё влияние оттуда,
Из Америки паршивой.
Научили, блин, плохому,
Наши скрепы всех сильнее

Почему ты не рожашь
В поле чистом на лужайке?
Почему детей не хочешь –
Ты ведь вроде не больна?
Ты, наверное, подхватила
Вирус там какой заморский,
Что остановил часы.
Тикают ведь: слышишь, слышишь?
По башке тебе как молот.
Потому что ведь предназначенье,
Потому что вот у всех.

Получаешь меньше денег?
Так тебе не надо больше!
Пусть мужик твой заработает
И тебе, конечно, даст
Под авансовый отчет.
В том его предназначенье,
А твоё – оно другое:
Поработала немного
И давай иди рожай.

Если вы с утра решили
Феминисткой стать прекрасной,
Защищать права всех женщин,
Не забывая про свои,
Главное – не перепутать
Феминистку с лесбиянкой:
Та же любит только женщин,
Феминистки любят всех.

Стендап

Добрый день!

В начале стендапа все говорят сколько им лет. Я тоже пока могу сказать: мне скоро 37.

Звучит пугающе.

Ощущается примерно так же.

Возраст вообще такая вещь: наступает незаметно. Только пошёл к психологу, тебя научили выражать эмоции, залечили травмы, а тебе уже 37 и надо торопиться пожить. С новой собой.

По меркам 19-го века мне уже пора на покой или хотя бы быть бабушкой. А я даже не мать и, слава Богу, не жена.

Знаете, что странного, когда ты не замужем в 37? Да ничего.

Странно то, что все окружающие хотят замуж больше, чем ты.

Даже если они уже замужем. Видимо, думают, что мой первый раз будет удачнее их второго раза.

Получается, что вся надежда только на меня.

Сегодня все обсуждают, как это так постарели героини «Секса в большом городе». Почему?

А я знаю почему, потому что София Ротару не всем открывает своей секрет, тем более американкам.

Для многих шок, что у женщин после 50 есть секс. Надеюсь, у меня тоже будет, только сериал про это не снимут.

Видела тут объявление «муж на час». Думаю, что, серьёзно? Вот прям на час? Пишите честно: «муж на три минуты». В рекламе нельзя врать.

Вот в Питере на всех столбах объявления «Любовь 24 часа».

Вот всегда женщины стараются гораздо больше.

Читаю иногда разные новости. Наткнулась на новость, что женщина два часа наблюдала за водолазами, которые искали её в реке.

Я не удивляюсь. Примерно так же мужчины ищут клитор.

В свои 37 я феминистка. И кажется, я была ей с рождения, как только рот открыла и закричала: «Есть хочу». «Пить хочууу».

Вот да, наша девочка. Умеет заявлять о своих правах.

Очень сложно быть феминисткой. Столько неадекватных запросов появляется.

Равные права. Равная зарплата. Право на отдых. Право распоряжаться своим телом. Право на защиту, и чтобы домашнее насилие считалось насилием, а не обычаем и способом укрепления брака.

Феминистки очень наглые. Хотят этих невозможных вещей. А ещё только 21-й век. Видимо, надо подождать.

Вот я работаю. И тут случайно узнаю, что мой коллега получает больше меня. У нас одинаковые должности, квалификация, но получает больше на пять тыщ.

Я, как феминистка, прихожу к начальнику, говорю.

– А чёй-то? Почему? – культурно начала я разговор.

Он долго мялся. Ну вот. Показатели. Качество. Работы. KPI. То-сё.

Я не ухожу. Главное, если вы уже научились за тысячелетия молчать, то можете так стоять молчать и просто ждать.

Главное – задумчиво!

И он выдаёт:

– Как ты не понимаешь, ему же кормить семью?

Я говорю:

– Какую семью? Он же холостяк. И сирота. Почему я мой кот не семья? А он один семья.

– Ну, девушек там в кино сводить, в ресторан, цветы, конфеты, – продолжает шеф.

– Каких девушек? У него даже намека нет на девушку. Он же комиксы читает день и ночь.

Не добила я повышения зарплаты, конечно. Просто стала позже на час на работу приходить.

Знаете, что ещё сложного, когда ты феминистка? Очень сложно жить. Понимаешь устройство мира.

Мы живём в мире, где тебя сначала заставляют учиться на одни пятёрки и получать красный диплом, а потом сообщают: мужчины умных не любят. Ты никогда такая умная замуж не выйдешь. И слава богу.

В мире, где женщины умирали за право голосовать на выборах. А сегодня скажут, что опять выборы. Давайте не в этом году: в это воскресенье я иду в бассейн.

В мире, где все говорят: будь собой, но только обязательно худой. По-другому никак.

В мире, где все женщины радостно пользуются тем, что добыли для них феминистки: правом уметь читать, писать, считать, владеть имуществом, правом на аборт, правом на труд, – считают, что феминизм не нужен. Не будут знать, что он есть.

Сложного быть феминисткой. От тебя ждут слишком многого. Иногда даже считают, что ты должна защищать мужчин.

Мужчинам нельзя ходить в жару в шортах на работу. А женщинам можно. Кричат: сексизм, неравенство!

А я говорю:

– Эй, чувак, в шортах а-ля «семейные трусы» никому нельзя приходить на работу. Даже мне. Я не могу тебе помочь.

Никто не предупреждал меня, как тяжело быть феминисткой. А может, даже опасно. Почему вот мамы в детстве предупреждают: «Не катайся с горки. Она горячая. Жопу обожжёшь».

Так бы мама говорила: «Только не будь феминисткой! Ты обожжёшь душу о фем-оптику». И прежней уже не будешь!

Карлыгаш Кабатова

В рамках теста реформы общественного транспорта

с 2030 года предлагается повысить плату за проезд в транспорте для мужчин. Данная инициатива призвана прекратить давление на мужчин за менспрединг (manspreading). Средний мужчина крупнее, тяжелее и поглощает больше воздуха, чем средняя женщина. Заплатив за проезд больше, чем женщина, мужчина сможет справедливо занимать более, чем одно место. Они не виноваты, что их половые органы настолько велики, что держать ноги вместе не представляется возможным.

Список запрещённых профессий для мужчин

Предлагается внедрить на законодательном уровне с 2030 года в странах, где законом запрещён ряд профессий для женщин (Беларусь, Казахстан, Россия и др.).

№	Наименование профессии	Обоснование
1	Актёрство	Данный вид деятельности требует демонстрации высокой эмоциональности и чувствительности, что может нанести непоправимый урон репутации мужчины и снизить его шансы на удачный брак.
2	Работа в мясном цехе	Нахождение в помещениях с низкой температурой приводит к скукоживанию полового члена, что может снизить привлекательность мужчины для женщин и, следовательно, возымеет отрицательный эффект на демографию страны.

3	Работа дальнобойщиком	Долговременное пребывание за рулём отрицательно сказывается на кровоснабжении полового органа и вредит репродуктивной функции.
4	Большой теннис	Мячи, летающие с высоким ускорением, могут попасть по половым органам и нарушить их репродуктивную функцию.
5	Прыжки в воду с трамплина	Слишком нескромная форма при профессиональном занятии этим видом спорта может нанести непоправимый урон репутации мужчины и снизить его шансы на удачный брак.
6	Военная служба	Данный вид деятельности может сопровождаться повышением уровня тестостерона, что может привести к истерическим реакциям у мужчин и помешать здравому суждению.
7	Преподавание	Данный вид деятельности несёт потенциальный риск для мужчины быть соблазненным девочками, девушками и молодыми женщинами, что может разрушить карьеру мужчины.
8	Полицейская служба	Данный вид деятельности сопровождается риском отращивания большого живота и потерей физической формы. Мужчина может потерять привлекательность для женщин, что вызовет отрицательный эффект на демографию страны.

Казахский секспросвет в XXI веке: 10 беспроигрышных приёмов

1. Не упоминать слово «секс» ни при каких обстоятельствах! Только намеки и недосказанность могут сократить подростковые беременности и ИППП. В целом фразы «Веди себя осторожно! Абай бол!» более чем достаточно.

2. При любом вопросе детей об отношениях, сексе, любви отвечать: «Не смей такое спрашивать! Секс – это плохо, это грязь и стыд. Вырастешь, сам/а увидишь!»

3. На интерес детей к тому, как они появились на свет, использовать любой из этих оригинальных ответов на выбор:

- тебя купили в магазине
- папа зевнул, и ты изо рта выпал(а)
- ты выпрыгнул(а) из маминого пупка

Из классики:

- тебя нашли в капусте/картошке
- аист принёс

4. Не учить детей защищать личные границы. Дети должны беспрекословно подчиняться старшим и вообще взрослым. Взрослые плохого не сделают.

5. Не учить девочек самозащите, только балету или гимнастике. Девочки должны быть нежными.

6. Начиная с 12 лет ежемесячно водить дочек к гинекологу для проверки на девственность. Лишне строить с дочкой доверительные отношения. Она – гостья в семье и должна сохранить «заводскую упаковку».

7. Не учить сыновей не насиловать, но контролировать поведение дочек и всех прохожих девочек и девушек. Напоминать особям женского пола принципы непровоцирования:

- не ходить одной
- не носить макияж
- не носить короткое/обтягивающее
- не распускать волосы
- не дружить с мальчиками
- громко не смеяться и не разговаривать
- после 9 вечера из дома не выходить.

8. Учить девочек не раздвигать ноги перед кем попало и прививать им материнский инстинкт. Если девочка забеременела в -надцать лет, то обязана сохранить ребёнка и вырастить без поддержки семьи и оплодотворителя. Иначе что это за мать такая!

9. Всех девочек и женщин, бросивших детей, наказывать: 100 ударов камчой и пожизненное заключение. Женщин, у кого дочери-подростки забеременели, наказывать аналогично. Отцов не трогать, они ведь дочек не воспитывали.

10. На предложения прозападных развратителей о научных методах полового просвещения отвечать: «С нами никто не говорил, и ничего! Выросли. Детей рожать умеем».

***Международный Институт
Телегонии, Телепортации и Телефонии***

Конкурс заявок на исследование 2022-2023

Международный Институт ТТТ объявляет приём заявок на реализацию экспериментального исследования в рамках Программы по повышению осведомленности о привилегированности женского пола и расширению прав и возможностей мужчин и мальчиков. Цель проекта – просвещение через деконструкцию мифов о многовековом угнетении женщин. Успешная организация-заявитель реализует один из или все из нижеследующих экспериментов:

1. Собрать экспериментальную группу мужчин разных возрастов и поместить каждого на 24 часа в комнату с ребёнком без возможности её покинуть. Комната должна быть снабжена продуктами, оборудована современной кухней, стиральной машиной и телевизором.

Цель эксперимента: подтвердить тезис, что забота о ребёнке с помощью новейших благ цивилизации не составляет никакой трудности, а послеродовая депрессия, падающая самооценка, чувство одиночества и прочее – это вымысел женщин с целью выторговать себе больше привилегий.

2. Собрать экспериментальную группу мужчин и на 30 дней запретить им семяизвержение. Каждая капля – это потенциальный ребёнок, а значит, драгоценность для общества и государства.

Цель эксперимента: подтвердить тезис, что убийство незачатых детей – это грех, а способствовать приумножению нации – это высшая награда и предназначение человека; претензии женщин о праве распоряжаться своим телом – это вымысел женщин с целью выторговать себе больше привилегий.

3. Собрать экспериментальную группу мужчин и предложить им протестировать препарат (находится в разработке Института), который позволит им забеременеть и родить, а после никогда не бриться. Отбор для участия в эксперименте должен быть строжайшим, т.к. ожидается очень высокий спрос на препарат.

Цель: подтвердить тезис, что легче один раз родить, чем бриться каждый день, а тяжести деторождения – это вымысел женщин с целью выторговать себе больше привилегий.

* Мы строго придерживаемся принципов академической честности, поэтому все ссылки на Википедию, whatsapp-чаты, закрытые группы, кухонные обсуждения и нетрезвые выкрики должны быть сделаны в соответствии с руководством по цитированию Института.

Натали Рублинецки

Для чего женщинам груди?

1. Для того чтобы носить их на улице перед бедными мужчинами
2. Для того чтобы носить их без лифчика
3. Для того чтобы оформлять их в красивые купальники на море
4. Для того чтобы служить приятным бонусом при сексе
5. Для того чтобы можно было их поместить на обложки мужских журналов
6. Для того чтобы можно было из больших их сделать огромными

Поэтому, когда женщина кормит ребёнка грудью – это неестественно, отвратительно на это смотреть, и нужно это делать в самых укромных местах, чтобы не оскорблять чувства верующих в вышеперечисленное.

Седьмая буква

Вы знаете, что в Иудаизме семь – это божественное число? На седьмой день Бог решил отдохнуть после создания мира, 7 недель по 7 дней от праздника Песах до Шавуот, со старым Заветом иудеи 7 кругов танцуют в Симхат Тору, семь раз ведут невесту вокруг жениха, семь благословений читают на свадебной церемонии, семь дней благословляют молодую пару, после смерти человека сидят в трауре семь дней. И вы не поверите, что ещё в иудаизме седьмое.

Немного поясню, что в иудаизме исчисление производится не цифрами, а буквами алфавита. Летоисчисление, дни месяца – это все буквы. А также, например, первый класс в школе это А – «Алеф», второй Б – «Бейт», и так далее. Но седьмая буква – «Зайн», переводится с иврита буквально как «хуй» или «орудие». Но при этом, как и в других языках, «хуй» – это нецензурное слово. Детям запрещено его произносить.

Тысячи школьников первого сентября идут в Израиле в школу в хуй-по-счету класс. Но слово “хуй” им нельзя произносить. “В каком классе ты, мальчик?” – “Я в классе...” (мальчик говорит, что он учится в классе “Хуй”, потому что он действительно в классе “Хуй”).

Так теперь мне ясно почему семь – это священная, божественная цифра! Действительно, что может быть священнее в патриархальном мире, чем Хуй?! Мы взломали этот код! Поэтому-то никуда и не делась эта запрещённая буква: она просто и есть самая главная!

«Не упоминай имя божьего в суете»!

Даже сама буква – это неприличная палочка с уплотнением в основании 7.

«Ты (Ева) будешь рожать в муках... Ты (Адам) будешь тяжело трудиться до самой смерти, в поте. И желая, и не желая того, вы будете везде встречать слово хуй!» – так должен был наказать бог в Торе, так как напихал везде хуев, где только встречается эта буква! Но в наказах про неё умолчал...

Как молчат и многочисленные мудрецы, пожизненные исследователи Торы...

Давайте поставим Хуй и обязательно поставим в центре культуры!

Мы нигде не видим небоскребов, обелисков, стрелочек в графиках, оружия в виде вялого члена, неест! Даже граффити на заборе будет только возбужденным членом!

Именно вокруг него мы создадим целую культуру, нет, цивилизацию! И сделаем его обладателями носителями святыни и поклонения! Мужчины, они хранители святыни, как козны, служители Храма в еврействе, передающие право от отца к сыну!

Неносителям святыни позволено поклоняться и прикладываться к ней иногда. Скажем больше, даже очень одобряется и поддерживается!

«И будешь вожделеть к своему мужу, а он будет господствовать над тобой,» – сказал бог Еве. То есть, именно благодаря Хую, мужчина получил свою власть над женщиной! Ну или так хотелось думать богу, который в иудаизме, видимо, тоже мужчина... Но, мужчины, насколько же вы не по назначению используете хуй, если предмет вожделения превращается в наказание...

Говоря о евреях и женщинах, можно сказать, что женщины – это евреи человечества. И тех, и других ненавидят, одновременно подчеркивая власть и всемогущество. И тех, и ограничивают в правах и одновременно завидуют их «привилегиям». С разницей, что женщины составляют больше половины населения планеты, а евреи только 0.2%, и при этом женщин с Нобелем 5.5%, а евреев 25%. Что ещё относительно хороший результат, если принять в расчет, что женщины всего немногим сотню лет назад начали учиться, работать и отлучаться от дома. То есть женщины все же в менее выигрышном положении даже относительно евреев, наверное, потому, что среди евреев все же есть мужчины... Если представить человечество как колоду карт с разными мастями и рангами, то мужчина, несомненно, был бы козырем: неважно, какой ты масти: белый, жёлтый, чёрный, еврей, араб, ты бьёшь другие ранги: женщин, детей, стариков, иногда, а может, и не иногда, бьёшь их в прямом смысле...

Хоть в чуме, холере и любой эпидемии обвиняли и тех, и других, преследовали и сжигали ведьм, и изгоняли евреев из Европы... Но наш мир сильно продвинулся, потому что в ковиде не обвинили ни евреев, ни женщин! Обвинили китайцев, летучих мышей и немного американское правительство. Хотя вроде бы были разговоры про китайскую сельскую женщину, съевшую сырую летучую мышь... Вот видите, обошлось без евреев, но не без женщин... Хотя нет, прививками говорят нас чипируют масоны.

Анна Чепайтене

За 35

Алексей П. вышел из раздевалки, как всегда, в прекрасном настроении. Он делал хорошее дело, и оно приносило одновременно и доход, и удовольствие. «Открой танцевальную школу, и тебе ни дня не придётся работать», – язвительно говорила его жена, когда он иногда возвращался за полночь (что ж, посиделки с учениками и ученицами были неременной частью бизнеса).

У выхода из помещения школы он зачем-то оглянулся на ресепшн в последний раз, и у него на секунду будто пронзило голову острой спицей. С ресепшионисткой (Алексей никак не мог запомнить её имя) разговаривала спокойная крепкая дама с густыми кудрями светло-сиреневого оттенка лет 53. В руках у неё была холщовая сумка для сменки – она явно пришла на занятие.

Алексей помотал головой: что ж они не читают правила – вход строго до 35, если ты без партнёра. Ресепшионистка как будто заметила его движение и повторила его точь-в-точь. Но дама не уходила, она снова и снова терпеливо спрашивала о чём-то девушку. Та продолжала что-то объяснять про риски повышенной физической нагрузки.

Алексей не стал дожидаться конца этой беседы и вышел на воздух. Его мягко обнял тёплый московский вечер, сулящий массу возможностей.

Первым делом они решил зайти в бар за углом, чтобы, как обычно, перехватить рюмку немецкой настойки с запахом альпийских трав.

Барменша окинула его хмурым взглядом. «Паспорт?». Алексей расплылся в клейкой улыбке: вот что значит хастл. В уверенные 37 его совершеннолетие до сих пор вызывает сомнения.

Он почти танцевальным движением протянул через стойку книжицу в развернутом виде. Барменша покачала головой. «Что?» – не понял Алексей и снова ткнул ей паспорт под нос. «Вот тут смотрите, считать умеете?». «Умеем. После 35 не наливаем».

«Чего?» – тут Алексей не выдержал и громко расхохотался, закинув голову назад отрепетированным под камеры жестом. «Такие правила», – жёстко сказала барменша, и, развернувшись к Алексею спиной, скрылась в темноте подсобки, как будто его тут и не было.

Алексей растерянно вышел на улицу, вечер казался ему уже чуть менее томным. Ладно, подумал он, вернусь сегодня домой пораньше, жена обрадуется. Он завернул в переулок, потом в ещё один, где его ждал припаркованный автомобиль. В салоне было уютно, пахло чуть сладковато, но едва Алексей включил зажигание, как дисплей замигал тревожным красным: бензина оставалось чуть.

К заправке он подъехал уже совсем почти на нуле и выдохнул: хватило. В стекло оперативно постучал парень в фирменном комбинезоне. «Алексей», было написано на его бейджике. Алексей П. почему-то обрадовался этому как встрече со старым другом.

Он открыл окно: «Полный бак, сдачи не надо», протянул тезке несколько гладких бумажек, только из банкомата, и улыбнулся своей самой доброжелательной улыбкой.

Но заправщик Алексей не разделил его радости. «Извините, мы не обслуживаем клиентов старше 35, можете проехать вперед скорее, за вами очередь».

«В смысле?» – Алексей П. продолжал тянуть руку с купюрами. «Новые правила, омолаживаем аудиторию, проезжайте».

«Вы в своём уме?! И даже если бы я собирался отъехать, я на нуле!» «За дополнительную плату сотрудник заправит и отгонит ваше авто на штрафстоянку, завтра заберёте», – оттарабанил парень и метнулся к следующей машине, за рулём которой сидела грустная молодая девушка.

Алексей П. шёл пешком по широкому проспекту домой. Справа и слева шелестели густой шевелюрой каштаны, с них приятным дождём осыпался пахучий цвет, пели птицы, Алексей ничего этого уже не замечал.

Когда до дома оставалось минут 10, он остановился перед дверью в маленькую частную пекарню. Он знал владельца с детства, они ходил в одну школу 5-го по 9-й класс и, кажется, ни разу не подрались. Теперь одноклассниками были их сорванцы-сыновья.

Алексей робко открыл дверь заведения и с трудом поднял голову на продавщицу Лену (он помнил её имя, потому что она несколько раз приходила к ним на занятия

хастлом, но потом выбрала другое направление). Лена встретила его взглядом полным сочувствия.

«Извините», – почти прошептала она, – «Но после 35 мужской организм плохо переваривает углеводы...»

В квартиру Алексей вошёл почти на цыпочках, но там все было по-прежнему. Жены, правда, дома не было.

Он хотел лечь на диван, но вовремя одёрнул себя. Нет, мир не сможет поймать его так просто, он знает, как вернуть себе настроение.

Он стащил через голову свитер, скинул кроссовки, стянул носки. Зудящие ступни с наслаждением погрузились в очень дорогой турецкий ковер, заказанный женой на каком-то вычурном дизайнерском ресурсе.

Секунду подумав, он снял и джинсы, оставшись в одной футболке.

«Алиса», – твердо скомандовал он колонке, стоящей на журнальном столике в гостиной, – «Включи Bicycle Therapy Энн Дадли, да погромче!».

Лиловый глаз «Алисы» немедленно замигал, как бы обрабатывая запрос. Ещё несколько секунд из неё не доносилось ничего кроме тишины. Потом послышался какой-то треск, похожий на звук догорающего костра.

Алексей несколько раз нетерпеливо поперекатывался с пяток на носки и обратно.

Внезапно комнату наполнил звук гонга, который затем потащил за собой тягучую протяжную мелодию.

«Алиса, это не...»

«Музыка для медитации», – сказал кто-то из недр Алисы неприятным простуженным голосом. – Для тех, кому за 35. Встаньте прямо, вдохните полной грудью...».

Но выполнять указания невидимого тренера было уже некому. Алексей П. рухнул в дорогой турецкий ворс без сознания.

Динара Zhu

Гайд как влюбить в себя принца и выйти замуж за одну ночь

Правило первого беспроектного свидания: тебе нужно найти тачку, желательно теслу. Даже если ты пользуешься только общественным транспортом, то на этот вечер найди машину класса люкс.

Правило два: захвати с собой друзей. Они могут смеяться даже над несмешными шутками. Главное, чтобы принц заплатил за них тоже и выглядели они хуже, чем ты. Так ты точно будешь выглядеть лучше на их фоне.

Правило три: лучше закажи такси, потому что водить – не женское дело, а тебе надо выйти замуж.

Правило четыре: это важное свидание. Ты так долго к нему шла! Нужно подготовить родителей тоже. Пусть тебя проводит старший брат, чтобы показать, что ты серьёзная девушка. Ты не шутишь шутки.

Правило пять (барабанная дробь!), самый главный ингредиент: шикарное бесполезное дорогущее платье, которое ты больше никогда ни за что не наденешь! Оно должно выгодно подчеркивать фигуру и не давать тебе дышать и есть больше минуты. Иначе можно спугнуть принца. Конечно, мы все знаем, что ты не вылезешь из кроссовок и футболок, но в этот вечер самое главное – не какая ты на самом деле, а что о тебе подумает принц. Если ты хочешь быть его принцессой, то надевай платье попышнее и подороже. Не забудь про туфли. Каблуки начинаются от десяти сантиметров. Не бойся, что ты упадешь. Настоящая красота требует жертв. Когда ты накраишься, сделаешь причёску и наденешь то шикарное платье, у тебя может возникнуть вопрос: зачем тебе принц, когда ты и так такая классная? Но не ведись на эти мысли. Твой мозг – твой враг. Главное – выйти замуж за принца.

На этом наши советы заканчиваются. Можешь не благодарить. Главное, позови на свадьбу.

И не приезжай вовремя. Но и не опаздывай больше, чем на 15 минут. Иначе как он поймет, что ты та, кого он ждёт?

Разве идеалу
нужны компромиссы?

ФЕМИНИСТСКАЯ СТИРАЛЬНАЯ МАШИНА WOW3000

К 8 МАРТА
СКИДКИ
50%

Всего за
полгода научил
детей складывать
одежду в шкаф

повесил
новые
шторы

всю
ночь
солил
огур-
цы

успокоил
плачущего
ребёнка

помыл
унитаз

100%

приготовил
за два часа
четыре блюда

сделал
масочку
из ов-
сянки

весь
день не
плакал, чтобы
не огорчать
домаш-
них

нашёл дневник
с сэйлор мун
для дочки

прошёл курс
"королевский
куннингус"

сходил на курсы
саморазвития
после работы

но для Сл

Стендап

Всем привет! Меня зовут Динара, и я женщина. [принимаю ваши соболезнования по номеру «Каспи»].

Недавно ездила к родственникам (ну, вы понимаете). Окончила университет с красным дипломом, думала, похвалюсь знанием литературы, истории, планами на будущее или ещё чем-нибудь. Но не тут-то было. Все вопросы свелись к «жених-то есть? а когда замуж? Давай торопись: мы на твоей свадьбе погулять хотим». Да, гулять на свадьбе хотите вы, а замуж выходить должна я. Что-то здесь не сходится.

Ну, безобидные с виду вопросы, но почему-то старшим братьям их не задавали. Казалось бы, они старше, взрослее, должны и раньше семью заводить. Но нет, им такое не задают.

Мне 22 сейчас, а брату 25 и сыну знакомой 26, но никто их не напрягает вопросами о женитьбе и детях. Да, ведь они «товар нескоропортящийся». Ага, думаю, приехали. Может, женщин оставлять в отделе овощей и фруктов? Там нашли способ сохранить свежесть овощей, может и свежесть женщин сможет продлиться.

Тик-так. Тик-так. Часики тикают. Я уже начинаю увядать, а говорят ещё, что жизнь в 30 только начинается. Ага, у женщин, видимо, наоборот. Лучшие годы заканчиваются со зрелостью, когда детский возраст перестаёт сдерживать стандарты общества.

Но было бы ещё легко выйти замуж!

Вот знаете, о чём мечтают мужчины? Чтобы женщина была хранительницей очага. Вот, что вы представляете под словом «хранительница очага»? Лично я думаю, что хранить очаг – это сидеть перед камином и попивать горячий шоколад. А как бы не так! Для мужчины хранить очаг – это драить квартиру (ну, конечно, чтобы чисто было, уютно), готовить еду (чтобы сытно было), стирать носки и другую одежду (чтобы было в чём ходить), выполнять всю остальную работу по дому, рожать детей, сидеть с ними и ещё и эмоционально обслуживать мужа. Так и хочется сказать: я – женщина, а не хранительница очага!

А ещё заметили какое отношение к слову «женщина» в нашем обществе?

Женщиной не хотят быть даже сами женщины.

Расскажу вам один случай. Заказала в «Вайлдберис» чехол для «Эйрподс» (не для себя, в подарок, я же не мажор (не зарабатываю как мужчина) [?]). Приезжаю в пункт выдачи. Работница за столом принесла мне два чехла. Всё нормально, стою, выбираю. Пока выбирала, в пункт выдачи заходит девушка-женщина с ребёнком. Вся заряженная, настроенная на конфликт. Начинает высказывать свои претензии. Краем уха и глаза я слышу, что её товар увезли назад (видимо, не успели доставить), а деньги списались с карты. Что она хочет, непонятно. Её сын весь сжался, я, как её сын, тоже хотела слиться со стеной, чтобы не попасть под удар со своими чехлами. Сотрудница «Вайлдберис» тоже не знает, как реагировать, но отвечает спокойно. А тем временем тон голоса вошедшей девушки всё повышается и повышается. И тут кульминация события:

Сотрудница говорит: «Женщина, успокойтесь, пожалуйста».

Та, как будто бы её оскорбили или покрыли матом, отвечает: «Так какая я вам женщина!? Я – девушка! Сама ты женщина!» И уходит из пункта. Ну и мальчик за ней.

[Я думаю, ну, давайте я буду женщиной]. Пока писала этот монолог, решила прогуглить значение слова «женщина», думаю, а вдруг я не права, а вдруг это реально матерное слово похуже собаки женского пола (о опять же).

Итак, википедия говорит:

«**Женщина** – взрослый человек женского пола. Слово «женщина» обычно обозначает взрослого человека, а для обозначения ребёнка или подростка используются слова «девочка» и «девушка».»

Хм. Взрослый человек женского пола. Наверное, она не хотела быть взрослым человеком. Ну, я её понимаю, конечно. Часики ведь тикают. Тик-так. Это только для мужчин жизнь после 30 начинается, а у девушек-женщин срок годности уже в 22 поджимает.

Салтанат Еркін

Репортаж с матча

Дорогие зрители и слушатели! Мы начинаем трансляцию с матча, где играют «Отец» и «Дочь». Команда с огромной историей существует уже 30 лет и сегодня играет против команды юниоров, которая сформировалась буквально на днях. Что победит – опыт или молодая энергия – покажет игра! Свисток! Новички начинают и с криком уверенно вступают в бой. Видно, что команда «Отец» не ожидала такой прыти и скорости от соперников и неуверенно, даже можно сказать, как-то вяло вступает в игру. У «Отца» ещё есть надежда, что противник окажется легендарной командой – «Сыном», но первый и точный удар по воротам разрушил вдребезги его ожидания. Гол!! Игра только началась, а «Дочь» с первой же минуты показала всем, кто хозяин, точнее, хозяйка этого поля. Счёт 1:0 в пользу «Дочери». Пока «Отец» переваривает произошедшее, прервёмся на короткую рекламу.

Реклама презерватива.

Итак, мы возвращаемся на наше поле через 10 лет и напоминаем, что счёт 1:0 в пользу новичков. «Отец» возмущён: оно и понятно, ведь соперник был надеждой на то, что кто-то продолжит его дело и станет достойной заменой их знаменитой команды. Надеемся, что старики соберутся и покажут настоящую игру. И вот свисток! «Отец» явно сегодня не в форме, но пытается держаться молодцом. Решил применить агрессивный метод, заставляя соперницу принять мужские правила игры. Грязная игра! Подножка, толчок якобы невзначай, отбирание мяча – всё это не могло долго продолжаться, судья показывает жёлтую карточку. А это значит, что команда должна играть по правилам, иначе судья назначит штрафной удар. И всё же «Отец» сумел на последней минуте забить гол «Дочери»! Этого следовало ожидать, команда умеет манипулировать и использовать свою харизму во время игры. Счёт становится 1:1! Но теперь тактика «Дочери» поменялась, стиль игры стал жёстче. И вот уже на протяжении десяти лет в ответ на агрессию команда отвечает агрессией. «Отцу» в какой-то момент показалось, что всё-таки есть надежда на достойную замену. Но «Дочь» есть «Дочь». Сегодня она играет с ним на одном поле, а завтра уйдёт на чужое.

Игра продолжается и становится жарче и непредсказуемее. «Отцу» уже давно не 30 лет, и ему не нравится, что новички дают достойный отпор, команда не готова уступить пальму первенства и своё лидерское место. Странно, ведь именно

об этом они мечтали? Опасный момент! Выясняется, что «Дочь» тут ни при чём. «Отец» просто пытался спрятать свои страхи и неудачи за другой командой, ссылаясь на достойного соперника. Но он изначально не был готов меняться сам! Мяч летит в ворота «Отца»! Опасно! Мяч попадает в штангу! Вратарь чуть было не пропустил мяч! Но пока всё ещё ничья, и игра продолжается!

Уверена, что данный матч будет самым значительным в жизни наших игроков! Увидимся на дальнейших играх! Пока!

P.S. А чьим голосом ты прочитала данный текст? ;)

Интизор Отаниёзова

КИНО

Согласно исследованиям, настоящее гендерное равенство наступит через 100 лет. Да, ура, это всё-таки случится! Большинство из нас его не застанет, правда, но сам факт поражения причиняет невероятное количество боли мужчинам. Хм, хрупкое мужское эго есть та самая ахиллесова пята человечества. Да, есть также исследования, что именно система патриархата загоняет мужчин в депрессию и бла-бла, но сам факт того, что система, пусть и токсичная, но зато своя, не работает и потихоньку разрушается, не прибавляет радости и так уже страдающим людям. Если приглядеться к ним, то можно увидеть слезы, они глубоко внутри, но они есть. Всем женщинам просто очень сильно повезло, что природа не дала мужчинам возможности плакать. Но эмоции нужно всё-таки как-то выплёскивать, именно поэтому они бьют и насилуют, им так плохо. Мне кажется, они не заслужили таких страданий. Я понимаю, это большая, сложная проблема, но бездействовать больше уже невозможно, а потому предлагаю свой маленький шаг. Перестаньте снимать ромкомы, удалите всё, нужно отменить это кино. Именно из-за слащавых нереалистичных фильмов, которые девочки смотрят чуть ли не с рождения, вырастая, они неосознанно ищут принца. Посудите сами: сначала это Питер Пэн и даже Микки Маус, потом Колин Фёрт вместе с Райаном Гослингом и его идеальной причёской говорят о любви, несмотря ни на что, под классную музыку. А потом мы смотрим на окружающих неотфотошопленных парней, на полном серьёзе рас-

суждающих о том, как должна и что ему обязана девушка. Нет, спасибо. Поэтому нужно отменить ромкомы. Давайте снимать настоящее кино о властных богатых абьюзерах, живущих взятками и двойными стандартами. У этих фильмов даже будет хорошая касса, если снимут о «правильных» мудаках, конечно. После такого женщины наконец-то поймут, что их спутники в принципе ничего. Они не научатся убирать за собой или вести себя более адекватно, но не это ведь самое главное, ОК. Так победим и отодвинем гендерное равенство вообще на 1000 лет или на вообще никогда. За это нужно поблагодарить не мой идеальный план, а скорее глобальное потепление, но да. Раз уж всплыла эта тема, мы все умрем. Илон Маск, я тебе не верю и твоим расчетам тоже. Джефф Безос, я сказала то, что я сказала. Жалко, что мы не родственники. Ух, теперь могу вернуться обратно к фильмам. Может, стоит снимать что-то наподобие того, что смотрят мальчишки. У них в основном про машины или драки, или всё вместе, но главное, они не зациклены на отношениях и прочем. 90% хронометража герой упорно идёт к своей цели, потому что он сам и его мечта самодостаточны и интересны сами по себе, и где-то ближе к титрам появляется красotka и закат. Давайте снимать фильмы о героинях, увлечённых шитьем и готовкой или танцами, но это всё. Никакого принца, но всё ещё крутое кино. В конце концов, женщины теперь тоже работают, зарабатывают деньги, которые могут тратить на фильмы. Не стоит забывать про домашнюю работу после основной работы, однако женщины хороши в мультизадачности. Да вообще, у «Форсажа» уже 9 частей. За спрос можно не переживать. Главное, найти лысую актрису, тем самым создавая ассоциации с Вином Дизелем.

+++

У меня часто спрашивают о том, как стать Барби. Что ж, тут нет универсального ответа, у каждой свой путь. Кому-то помогают операции; другим – выиграть лотерею; одна моя знакомая просто начала покупать лишь розовые вещи: зубная паста розовая, машина тоже, из еды только малина и макаруны. Я долго искала свой способ, ведь стать Барби хотела, сколько себя помню. Несколько лет назад, когда я уже почти перестала верить в свою мечту и в себя тоже, решила попытаться стать идеальной, если не для себя, то хотя бы для окружающих. Я начала спрашивать совета, что делать, у родителей, друзей, родственников, соседей, бывших, коллег – в общем, у всех, кого мне посылала Вселенная. У каждого находилось замечание для меня! Вначале я с недоверием относилась к рекомендациям, однако со стороны действительно виднее. Так, шаг за шагом, незаметно для самой себя я стала Барби. Теперь я красивая, успешная, богатая, модная, живу в самой настоящей сказке гармонии и счастья. Хочешь так же? Записывайся на мои курсы, подберём индивидуальное решение по современным методикам, и в кратчайшие сроки ты тоже станешь Барби!

+++

Сегодня на собрании босс рассказывал про важность-необходимость-полезность свободного времени. Всё-таки работа в международной компании – бесценный опыт, который расширяет кругозор. Оказывается, многие важные идеи не смогли бы появиться без свободного времени. Это не просто показатель эффективного тайм-менеджмента, а ещё и двигатель прогресса. Нам сказали, что в свободное время люди обычно занимаются своими хобби, сторонними проектами для души, например, проводят высококачественный семейный досуг, медитируют, пробегают марафоны, пишут исследования по астрофизике. Именно в такое свободное время в прошлом месяце посреди круиза по Средиземному морю боссу пришла в голову идея приложения, помогающего продавать только нужную рекламу посредством чипирования в мозг. Сомневаюсь, что мне в свободное время придёт такая же хорошая идея, но главное – начать. Сегодня распишу распорядок дня до минут, чтобы понять, где получить свободное время. Такая хорошая идея, как жаль, что не знала про неё раньше.

+++

Учёные наконец расшифровали геном женщин до конца. Напомним, исследование началось 5 лет назад. Команда из британских и японских ученых объединила усилия. Данные были обработаны квантовым компьютером. Ниже перечислены гены, чаще всего встречающиеся в особях женского пола по всему миру:

1. Ген готовки
2. Ген бритых ног
3. Ген АБВ
4. Ген истерический
5. Ген чистого пола
6. Ген диеты
7. Ген второго плана
8. Ген ненависти к патриархату
9. Ген листа, дрожащего на ветру
10. Ген серьезной несерьёзности

Скaзku

Дамина Мукитанова
Алтын Капалова
Дана Канафина
Карлыгаш Кабатова
Sam-y
Наташа Боренко
Дарья Апахончич

Дамина Мукитанова

Как дочь Умай победила Ужас

Всем известно, что имя определяет судьбу и характер человека, служит оберегом и одновременно ключом к его душе. Тот, кто знает настоящее имя смертного, держит в руках его жизнь.

Когда-то давно младенцам до 40 дней не давали имени, чтобы злые духи не украли душу из ещё слабого тела. Тогда ещё между мальчиками и девочками не делали большой разницы: и тех, и других звали просто «бала», что значит дитя.

В те времена у великой Богини Умай-ана родилась дочка. Следуя традициям, она не дала ей имени, так что её звали просто: «безымянная».

Дети богов растут гораздо быстрее обычных детей, так что на седьмой день жизни дочь Умай выглядела на все десять лет. К тому моменту ей сильно надоело, что с ней никто не заговаривает как с равной, а всё потому, что имени ей так и не дали. Да и скучно ей было сидеть целыми днями у берегов молочного озера в одиночестве: ведь других детей на Священной горе, где жили боги, не было.

– Мама, я хочу спуститься к людям, – сказала безымянная девочка Умай-ана. – Я сама найду себе имя!

– Хорошо, дочка, иди, – сказала Умай-ана. – Только боюсь, тебе предстоит опасный путь. Я подарю тебе три оберега: солнечные камни, которые разгонят любую тьму, кобылье молоко – стоит тебе сложить ладони чашечкой, и они наполнятся. И напутствие: будь смелой, находивой, и не позволяй другим решать за тебя, что ты можешь и чего не можешь.

Безымянная поблагодарила маму за дары и наутро спустилась со Священной горы по капелькам росы. Два дня и две ночи она шла по степи в поисках своего настоящего имени. Ни один дух, человек или зверь не тронул её: нет в мире ни одного существа, которое бы появилось на свет без помощи Умай-ана, и они уважали дочь так, как уважали Богиню-мать.

– Твоё имя должно быть спрятано за порогом родной юрты, – сказала ей аже, прядущая баранью шерсть.

– Я его там не нашла, – ответила безымянная.

– Ты найдешь своё имя по запаху – оно зарыто где-то в земле, – сказала ей гончая.

– Я искала и там, но не нашла, – ответила безымянная.

На третий день она увидела, что навстречу ей идёт старик Коркыт-ата, повидавший всё на свете. Безымянная спросила и у него, где ей найти своё имя.

– Герои находят себе имена на подвигах, – сказал ей старик. – Но ты пока не герой, дочь Умай. Поворачивай обратно – впереди тебя ждёт чудовище Коркыныш, это сам Ужас, победить которого не смог пока ни один батыр. Он соткан из сомнений и страхов, из ночных кошмаров и слабости, он велик и ужасен и не боится ничего, кроме дневного света. При виде него душа уходит в пятки и сопротивляться его воле нет сил. Ты его победить не сможешь. Поворачивай, пока не поздно!

– Ну вот ещё ! – сказала безымянная, вспомнив напутствие мамы: никому не позволять решать за неё, чего она не может. – Ата, я не поверну! Я должна его победить!

И сколько бы Коркыт-ата ни уговаривал её свернуть с пути, она стояла на своём. Тогда старик сказал:

– Тогда я подскажу тебе, как с ним справиться, дочь Богини. Коркыныш завладевает волей каждого, кто скажет ему своё настоящее имя. Пока ты не знаешь своего, ты под защитой. А если он всё же узнает твоё имя, отдай его другим, пусть разделят вместе с тобой его тяжесть и его силу. И ещё : он не выносит музыки кобыза. Наполни мой курдюк кобыльим молоком, безымянная, и я одолжу тебе свой инструмент.

Безымянная так и сделала. Когда курдюк Коркыт-ата был доверху наполнен ледяным кобыльим молоком, в руку её лег тяжёлый инструмент. Она поблагодарила старика и пошла вперед – туда, где на горизонте высилась чёрная гора, в пещере которой жил Коркыныш.

Уже у самого входа она почувствовала холодок страха, поползший по спине, и увидела горы останков храбрецов, что пытались победить чудовище до неё. Но вспомнила наставления мамы – быть смелой – и пошла дальше. Чем глубже заходила дочь Умай, тем темнее становилось вокруг, так что в конце концов она окончательно перестала видеть, куда идёт.

– КТО ЗДЕСЬ?! – вдруг громко заревел ужасный голос, и вслед за ним по стенам прокатилось эхо. – КТО ПОСМЕЛ НАРУШИТЬ МОЙ ПОКОЙ?

Безымянная вздрогнула от страха, но ответила:

– Это я!

Воздух вокруг неё завихрился: это Коркыныш окружил её со всех сторон жарким кольцом горячего дыма.

– ТЫ КТО ТАКАЯ? – спросил он.

Безымянная почувствовала, как его ужасная воля сковывает её и лишает сил: она не могла не ответить.

– Я – Сасыкгуль, Дурной Цветок, – сказала она. – Разреши мне здесь отдохнуть немного, о великий дух, и в благодарность я сыграю тебе на кобызе.

Она провела смычком по струнам, и из инструмента полилась музыка. Коркыныш издал яростный вопль и тут же отпустил её.

– САСЫКГУЛЬ, СЛОМАЙ КОБЫЗ, – сказало чудовище, – А ПОТОМ СОБЕРИ УТРЕННИЙ СВЕТ СОЛНЦА В ЭТОТ КУВШИН И ОТПРАВЛЯЙСЯ СПАТЬ.

Так Коркыныш хотел сократить день, чтобы охотиться среди людей дольше, не боясь света дня. Сам он сделать этого не мог: волшебный кувшин надо было подставить под прямые солнечные лучи, которых он не выносил.

Отдав приказ, Коркыныш исчез среди теней. Он решил, что подчинил её себе, как и всякого героя до неё, и ему было невдомёк, что она назвала ему не своё имя.

Дочь богини была довольна своей находчивостью. Она оставила кувшин в пещере и вышла наружу. Кобыз она спрятала у входа так, чтобы его не было видно, и разбросала повсюду обломки дерева – словно и правда разбила инструмент. А потом села на полянке и уснула.

Когда начало темнеть, она проснулась, зашла в пещеру, положила в кувшин один камень солнца и закрыла крышкой сверху. Коркыныш увидел светящийся кувшин и решил, что безымянная выполнила его задание. Он попытался сразу же вытащить её душу, но не тут-то было: душа не слушалась и не выходила наружу – настоящего её имени он ведь так и не узнал.

– КАК ТЕБЯ ЗОВУТ, ДИТЯ? – спросил он тогда снова.

И снова нельзя было не ответить на вопрос.

– Ултарак, Стелька, – сказала безымянная.

– УЛТАРАК, ОСТАВАЙСЯ ТУТ, ПОКА Я НЕ ВЕРНУСЬ И НЕ СЪЕМ ТЕБЯ, – приказал он.

– Хорошо, – сказала безымянная.

Коркыныш поднялся в воздух и полетел в сторону ближайшего аула. Только он собрался опуститься у юрты, чтобы поживиться людскими душами, как что-то больно ужалило его, и он со стоном снова взмыл в воздух. То же самое произошло у следующей юрты, и у следующей, и у следующей. Злой дух не подозревал, что это безымянная прицепилась к его хвосту и жжёт его сущность вторым камнем солнца, не давая вредить людям.

Злой и голодный, Коркыныш вернулся в пещеру, а она тихонько слезла с его спины и притворилась, что спит у входа. Он попытался вытянуть её душу из тела, но у него не вышло, и он понял, что она снова его обхитрила.

– РАЗ ТЫ НЕ ГОВОРИШЬ МНЕ СВОЁ НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ, Я САМ ТЕБЕ ЕГО ДАМ! – сказала чудовище, – ТЕБЯ БУДУТ ЗВАТЬ ҚЫЗ – ДЕВОЧКА!

Имя легло незнакомой ношей на её плечи, привязывая душу к себе. И хотя теперь чудовище могло подчинить её, дочь богини слегка улыбнулась: теперь и у неё появилось имя.

– ҚЫЗ, ТЫ СОБЕРЁШЬ УТРЕННИЙ СВЕТ СОЛНЦА В КУВШИН, А ПОТОМ Я СОЖРУ ТЕБЯ! – сказал Коркыныш.

Тут настал рассвет, он снова забился в самый тёмный угол пещеры и забылся злобным сном. Что делать? Ослушаться она его не могла: чувствовала, что это невозможно. Теперь она знала, почему никто ещё не смог победить Коркыныша. Девочка вспомнила материнское напутствие – быть смелой.

– А я всё равно не сдамся! – сказала Кыз.

Волшебный кувшин она всё-таки вытащила наружу, чтобы дать ему впитать в себя утреннее солнце, но перед этим достала камень солнца и положила в карман платья. А потом схватила кобыз и побежала в аул – к людям. Там девочка села на камень и заиграла на инструменте.

– Беда пришла в аул, – пела она, и пронизывающие звуки кобыза облетали всю степь – от края до края, – Ужасный Коркыныш, похититель душ, хочет погрузить

мир во тьму, чтобы творить злодеяния под покровом ночи. Он дал имя мне, безымянной дочери Умай, и подчинил своей воле.

Пока она пела, из юрт стали выходить люди. Лица их были грустны: Коркыныш мучал их на протяжении нескольких столетий. Сколько бы смелых батыров они не посылали убить его, ни один ещё не вернулся с победой.

– Он назвал меня Кыз, – продолжала петь девочка, – Пусть моё имя знают все люди, пусть оно принадлежит не только мне одной, отныне те, кто понесёт это имя вместе со мной, получают часть моей силы, знаний и храбрости. Меня зовут Кыз! Я дочь Богини Умай. Меня зовут Кыз! Я лью молоко из ладоней! Меня зовут Кыз! Я ношу с собой живительное тепло солнца и музыку кобыза! Я смогу победить чудовище! Ведь меня зовут Кыз! Меня зовут Кыз! Меня зовут Кыз!

Так пела девочка, играя на кобызе. Люди слушали её, и потихоньку их лица светлели: они поняли, каким образом дочь Богини решила обхитрить чудовище. Если имя будет принадлежать не только ей одной, его тяжесть можно поделить, а силу – преумножить.

– Кто готов взять моё имя? – спросила она.

К ней вышли дочери аула, похожие на неё – длинные юбки, бархатные камзолы, звенящие серьги и блестящие косы. Они окружили её и взяли за руки.

– Мы разделим с тобой имя, дочь Умай! – сказали они.

– Но как же ты, дочь Богини, победишь Коркыныша? С ним сражались самые сильные герои степи, вооружённые с ног до головы, и проиграли. Как же ты одна и безоружная сможешь его победить? – спрашивали у Кыз люди.

– А я буду не одна! – сказала Кыз. – Что касается оружия, не один только меч способен сразить чудовище.

Дочь Богини снова была довольна. Она отдала инструмент одной из девочек, а потом поделилась с ними планом. Когда всё было готово, она вернулась в пещеру.

Между тем кувшин собрал весь солнечный свет без остатка. Тьма укрыла степь полотном. При виде этого Коркыныш с торжествующим рёвом вылетел из пещеры и направился в сторону аула. Все попрятались по юртам, трепеща от ужаса, потому что самого Ужаса, сотканного из сомнений и страхов, ночных кошмаров и слабости, не бояться было нельзя.

Одна только девочка Кыз стояла посреди поляны, уперев руки в бока.

– Коркыныш! – закричала она, обратив круглое лицо к небу, – Я вызываю тебя на поединок!

Услышав это, чудовище расхохоталось.

– ДА Я СЪЕМ ТЕБЯ В МГНОВЕНИЕ ОКА, НЕПОСЛУШНАЯ ДЕВЧОНКА! Я ВЕДЬ ЗНАЮ ТВОЁ ИМЯ! ОТСТУПИ, И Я ТЕБЯ ПОЩАЖУ – ОТСТУПИ, ТЕБЕ НЕ ПО СИЛАМ СО МНОЙ СПРАВИТЬСЯ!

– А ты спустись ко мне, и проверим! – отвечала она.

С яростным жужжанием чёрное облако сгустилось перед девочкой.

– КАК ПОСМЕЛА ТЫ БРОСИТЬ МНЕ ВЫЗОВ?! МНЕ, САМОМУ УЖАСУ, КОТОРЫЙ УНИЧТОЖИЛ ТЫСЯЧИ ГЕРОЕВ?! НА КОЛЕНИ, КЫЗ! Я СОЖРУ ТЕБЯ!

Как ни сопротивлялась девочка словам чудовища, её воля всё ещё была слабее его: ведь он знал её имя. Она упала на колени, незаметно отбросив в траву возле себя горячие камни солнца.

– Перед тем как съесть меня, позволь мне только услышать музыку кобыза! – громко сказала Кыз. И зажмурилась, потому что чудовище раскрыло свою огромную пасть, готовясь сожрать её.

– ОТДАЙ МНЕ СВОЮ ДУШУ, КЫЗ! – взревел Коркыныш.

Но тут в воздухе послышался звон украшений, трава примялась под десятком босых ног – на поляну из белых юрт посыпались девочки самых разных возрастов.

– Которая из наших душ тебе нужна? – спросила одна девочка, – Ведь Кыз – это моё имя!

– И моё! – вторила ей другая девочка.

– И моё! И меня зовут Кыз! – закричали остальные.

Со смехом, визгом и хихиканьем они окружили Коркыныша с дочерью Умай, взяли за руки и закружились вокруг них в пляске. Между тем сухая трава под камнями солнца сначала затлела, а потом загорелась. Девочки подхватили лежащую на земле богиню и закружили в хороводе. Откуда-то запел низким голосом кобыз – это старик Коркыт-ата заиграл на нем кюй позади одной из юрт.

Окружённый пляшущими девочками, Коркыныш выл от ярости и бесновался, но зря: деться из круга он никуда не мог. Огонь, между тем, разгорелся не на шутку, освещая поляну не хуже лучей солнца. От этого чудовищу стало совсем дурно.

– ОСТАНОВИТЕСЬ! – заревел он, – КЫЗ! Я НАЙДУ ТЕБЯ! ГДЕ КЫЗ?!

Но имя больше не принадлежало только одной девочке – его делили все дочери аула и одна молодая богиня. Кто из них – настоящая Кыз, если всех зовут Кыз?

– Меня зовут Кыз! Я дочь Богини Умай. Меня зовут Кыз! Я лью молоко из ладошей. Меня зовут Кыз! Я ношу с собой живительное тепло солнца и музыку кобыза. Я смогу победить чудовище, ведь меня зовут Кыз! Меня зовут Кыз! Меня зовут Кыз!

Так пели девочки, и голоса их сливались в один мощный звонкий голос. И невозможно было найти глазами ни одну девочку в этом вихре кружащихся юбок, звоне украшений и блеске чёрных кос. Каждая чувствовала, что то, о чём они поют, правда: в тот момент они несли с собой тепло солнца и музыку кобыза. Все были дочерью Богини.

Дочь Богини чувствовала, как множится её внутренняя сила и как тяжесть проклятия Корканыша слабеет. Страх её тоже слабел теперь, когда она знала, что больше не одна.

– ОСТАНОВИТЕСЬ! – кричало чудовище вне себя, – Я ВАС ВСЕХ СЪЕМ!

Но его угрозы больше никого не пугали. Девочки только смеялись над ними и танцевали, пока он из кольца чёрного дыма наконец не превратился в тоненький дымок.

Тогда вперёд вышла одна из девочек.

– Я знаю твоё настоящее имя, Коркыныш! Тебя на самом деле зовут всего лишь Коркак, Трус! Ты не Ужас – ты ужасно испуганный!

Так сказала девочка, и так оно и было. Дымок взвыл, застонал и растаял совсем. Так Кыз – дочь богини Умай, победила сам Ужас, справиться с которым не мог ни один взрослый джигит.

Потом девочка обернулась к своим подругам с улыбкой и сказала:

– Спасибо вам за то, что помогли мне! Без вас я бы ни за что не справилась с чудовищем. Как я и обещала, с каждой из тех, кто взял моё имя, я разделю свою силу,

знания и храбрость – несмотря на то, что они вам не нужны. И камни солнца я оставляю вам – возьмите по кусочку, чтобы с каждой всегда пребывал согревающий огонь.

Девочки приняли её дары с благодарностью. С тех пор казахи называют своих дочерей кыз – чтобы в каждой пробуждались сила, ум и храбрость дочери Умай. Нет врага, которого они не смогут одолеть, и нет беды, с которой они не смогут справиться, когда собираются вместе. И никто не смеет решать за них, чего они могут и не могут, не рискуя навлечь на себя гнев Богини-матери.

– Коркыт-ата, спасибо вам большое за кобыз! – сказала богиня старику, возвращая ему инструмент. – Как ещё я могу вас отблагодарить?

Старик улыбнулся, и у глаз его собрались веселые морщинки.

– Разреши мне сложить о тебе песню, Кыз, – этого будет довольно.

И Кыз с радостью разрешила мне это. Затем она выпустила Солнце из кувшина, и оно снова ярко засияло над золотой степью. А потом с новым именем Кыз отправилась странствовать по свету, чтобы совершать новые подвиги, вооруженная только песней и ловким умом.

– Я – Кыз! – пела она весело под звон своих украшений. – И мне всё под силу, ведь я – Кыз!

Алтын Каналова

Оставайся жить...

Дул сильный ветер. Маленькая Аман шла против ветра. Несмотря на то, что ветер был большой и сильный, Аман шагала, преодолевая его. Устав, она присела у забора. Она прятала лицо от ветра, но холодный ветер всё равно колот её замёрзшие щёки.

Аман подняла голову и увидела лицо ветра. Оно было прозрачным, с золотыми и синими узорами.

– Привет. Ты – ветер?

– Да. Я ветер.

– А я думала, что ветры в моём городе – это Сан-Таш и Улан – два богатыря, которые борются друг с другом.

– Что ещё за Сан-Таш и Улан?

– Ну, есть такая легенда. Два богатыря влюбились в одну девушку и стали бороться за неё. Они оба были так сильны, что никто не уступал сопернику. В конце концов они разбежались в разные стороны, превратились в ветры и теперь встречаются тут, снова и снова вступая в схватку.

– Хммм... И ты поверила этой сказке?! Ха-ха-ха. На самом деле один из этих ветров – я. Меня зовут Шами. А второй ветер – это моя любимая, её зовут Борони. И мы никогда не боремся. Это мы так играем!

– Зачем вы разгоняете все тучи? Я так люблю снег. Из-за того что вы разгоняете тучи, в моём городе не бывает снега.

– А что нам делать? Мы с ней хотим бегать, летать, парить, резвиться! Я не могу сидеть на месте, и она тоже.

– Если бы вы иногда садились поболтать, то тучи успели бы собраться и пошёл бы белый снег.

– Мы не можем управлять своими эмоциями, как это делаете вы, люди.

– Значит, в моём городе никогда не будет снега?

– Не знаю... Нет, наверное.

– Печально...

– Аман, я захотела с тобой познакомиться, потому что каждый день, когда ты идёшь со школы, ты плачешь. Почему ты плачешь?

– Мне сейчас очень тоскливо. У меня умерла мама. Я очень скучаю по ней. И скучаю по старому городу, в котором я жила. Там было много снега...

– Мне очень жаль, Аман, что ты потеряла маму. Наверно, это очень больно, раз ты всё время плачешь. Я думала, люди плачут, только когда падают.

– Когда падаешь, тоже больно. Но когда умирает мама – ещё больнее. Больно и голове, и ноге, и сердцу. Это когда ты хочешь обнять маму – а её нет. И ты знаешь, что её никогда больше не будет...

– Ой, даже мне стало больно. Хотя у меня никогда не было мамы. Но знаешь что? Ты не должна сдаваться! Ты должна сохранить любовь в своём сердце, и это поможет тебе идти дальше. Ты такая маленькая, но идёшь против такого огромного и сильного ветра, как я. Значит, ты можешь идти дальше в твоей жизни. Не сдавайся. Ты же не сдаёшься, когда я дую сильно, и доходишь домой каждый день из школы.

– Да. Но мне так сильно хочется к моей маме.

– Аман, не надо к маме... Оставайся жить. А сейчас иди домой, ты, наверное, замёрзла.

– Хорошо. А ты можешь немного успокоиться для меня?

– Могу попробовать.

– Спасибо.

Аман встала, вытерла слёзы и пошла домой. Ей казалось, что ветер дует уже не так сильно.

Утром Аман выбежала на улицу и увидела, что всё вокруг белым-бело.

– Доченька, смотри какой снег! Никогда в нашем городе не было такого снега. Видимо, Сан-Таш и Улан помирились, – улыбнулся папа Аман.

– Это всё результаты глобального изменения климата! – крикнул брат Аман с крыльца.

– Нет, это мои подруги решили поболтать, – прошептала Аман.

Она собрала сумку и выбежала в школу. Она шла, а ветер дул ей в спину и подгонял её. Ей стало весело. У школы она увидела много детей, которые играли в снежки. Никто не шёл на занятия, многие впервые играли со снегом. Учителя тоже играли, забыв об уроках.

– Аман, в жизни много неожиданностей и радостей, как этот снег в твоём городе, – прошептала её новая подруга Шами.

– Ты ещё подаришь мне снег?

– Не думаю. Ты не представляешь, каких усилий нам с подругой это стоило. Но ты скоро вырастешь и можешь переехать в любой другой город, где много снега. Нет?

– Да, конечно. А ты?

– А я буду прилетать к тебе в гости.

– Договорились.

– Не грусти. Иди, играй в снежки! Вечером мы с моей подругой снова будем резвиться. И завтра тоже.

– Хорошо. Спасибо тебе!

Когда Аман выросла, она переехала в другой город, где много снега и дождей. Она любила и снег, и дождь. Но каждый раз, когда дул ветер, она вспоминала себя маленькую, в ветреном городе, без мамы. Ей становилось немного грустно. Тогда она звонила папе, они весело болтали, и ей становилось легче. И она шептала ветру: «Я послушалась тебя, я не сдалась, и я люблю этот снежный город и люблю моих новых друзей».

Дана Канафина

По большей части

В моих обстоятельствах найти работу сиделкой не должно было быть сложно. На бумаге я нравилась всем – обученная на педагога, свободно говорю на английском и итальянском, многолетний стаж. Год перерыва со времени последнего трудоустройства, но это по семейным обстоятельствам. Когда говорят «семейные обстоятельства», то все вопросы сразу отпадают.

Я надеюсь, это не звучит как хвастовство, когда я говорю, что приглашения на собеседования я получаю часто. Почти каждый рабочий день находится семья, которая зовёт меня к себе домой обсудить мою потенциальную позицию няни. И почти каждый рабочий день я хожу на собеседования. В моих обстоятельствах мне, естественно, отказывали, отказывали почти год, пока меня не приняла одна семья экспатов.

– У Лиды, – сказали они мне о девочке, за которой мне предстояло смотреть, – есть старший брат, но ему сейчас уже за двадцать, он живёт отдельно.

– Лида была сюрпризом, – улыбнулась мама семьи.

– И у Лидино брата – Аспергер. Поэтому мы к такому относимся абсолютно нормально.

– Для Лиды даже лучше будет, если она будет привыкать к особенностям с раннего возраста.

– Конечно, – согласилась я, – буду только рада.

– Значит, приступите с пятницы вечера?

Лидина семья жила в доме в спальном районе, и это была, наверное, самая тихая улица, на которой я когда-либо была. Из-за этого, должно быть, родители Лиды, люди богемные, часто ездили в город на разные ивенты. Мама Лиды, имя которой мой редактор запретил мне использовать – известная актриса, а её муж – режиссёр. Живут они, судя по всему, правда, так, словно они только начали встречаться. Но я отхожу от темы. Лидины родители часто ездили на светские вечера, и, следовательно, Лида оставалась одна. Я была так называемой «ночной» нянечкой,

что значит, что я приходила в восемь вечера и уходила в восемь утра. Большую часть моей смены девочка спала, да и вне это промежутка у неё не было много нужд. Я кормила её тем обедом, которым мне было сказано, одевала её в ту пижамку, в которую нужно было одевать. В силу возраста Лида даже не ходила в школу, поэтому и с уроками мне возиться не приходилось. Обычно Лида играла в машинки у себя в комнате, а я сидела в углу и читала книгу, к девяти вечера мы готовились ко сну, и в девять тридцать Лида, как правило, уже спала.

Только один вечер запомнился мне как особенный. Это было примерно через три месяца после того, как я заступила на должность няни. Я уже уложила Лиду спать и была готова или спеть ей песенку на иностранном языке, или насвистеть ей какую-нибудь мелодию (Лиду, очевидно, растили певицей, судя по тому, сколько уроков вокала она брала и как ей это нравилось). Но тот вечер пошел по-другому.

– Почему ты носишь повязку на глазу? – спросила она, забравшись под тяжёлое одеяло. Было видно, что она нервничала, спрашивая меня это, потому что она избегала меня взглядом и нервно сложила ручки.

– У меня случился несчастный случай, – ответила я, хотя это было не совсем правдой.

– И у тебя совсем нет глаза?

– Да, правда, совсем нет.

Она помолчала, робко смотря мне в лицо. Мы посидели так в тишине секунд тридцать, и когда я уже думала предложить ей спеть, она попросила:

– А расскажи мне сказку?

Так как я никогда не читала раньше Лиде сказки, я опешила, но не растерялась. Но когда я начала пересказывать ей сюжет Красной Шапочки, она перебила меня:

– Слушай, я хочу тебе кое-что рассказать, но только ты маме с папой не говори.

– Хорошо.

Лида перешла на конфиденциальный шёпот, оглянувшись по сторонам:

– Мне кажется, у меня под кроватью монстр.

Я почувствовала, как моё сердце встало, как сломанные часы. Лида же выглядела совсем не озабоченной.

– И я думаю, – объяснила мне она, – он хочет дружить. Расскажи мне про него сказку.

Не ощущая ног, я поднялась с Лидиной кровати и вздернула её одеяло повыше. Увидев, что её кровать – одна из тех, у которых матрац начинается с самого пола, стоя на двух коренастых ножках, а не железная койка с расстоянием в метр от земли, как у меня, я расслабилась.

– Ну, давай, расскажу, – выдохнула я.

– Когда-то давным давно, мир населяли только монстры. Они были высокие и сильные, как деревья, и долго-долго они правили миром. Это был огромный, хаотичный мир, в котором монстры могли делать всё, что им хочется. Однако несколько тысячелетий назад в мире появились первые люди. Они жили у себя в деревнях, ухаживали за детьми, растили ягоды и фрукты, разговаривали друг с другом, танцевали и даже жили под одной крышей. Со временем людей стало больше и больше, и монстры не могли жить, не натываясь на них. Вместо того чтобы сдружиться с людьми, они решили их поработить. Много столетий длилась война людей и монстров: монстры убивали людей, заставляли их растить их детей, отбирали у людей еду и работу, загоняли людей в пещеры и дома и не выпускали. Многие поколения людей прожило ужасную жизнь во время войны. Когда наконец люди выиграли, нужно было решить, что делать с монстрами. Люди сжалились над ними, решив не мстить. С тех пор монстры слились с людьми, став единым целым с нами. Сейчас монстры часто являются нашими родственниками, мужьями, даже детьми. И люди рады, что пустили их в свои ряды. По большей части. И только иногда до сих пор они прячутся у нас под кроватями, если не хотят быть членами большего общества.

Лида спала. Я поправила на ней одеяло и выключила свет. Я знала, что не смогу уснуть в ту ночь, но была всё же рада, что не рассказала ей об истинной причине моего отсутствующего глаза: ко мне в комнату забрался грабитель и спрятался под кроватью. Когда я легла спать, он напал на меня. Пока я отбивалась, он повредил мне глаз ножом, но не смог изнасиловать. Так что мне повезло. По большей части.

Карлыгаш Кабатова

Монологи в штанине, или Сказка о потерянной девственности

«Всё! Ухожу! Ухожу от женщин к мужчинам!» – думала Девственность.

«Сколько можно терпеть это бабье нытье? Носятся со мной как с писаной торбой: то боятся потерять, то не знают, как отделаться. То осуждают: «Почему так рано потерялась?», то пристают: «А чего засиделась?» Прямо какое-то неуловимое окно возможностей!

То ли дело мужики! Всегда меня ищут! Превозносят! Сражаются и хотят забрать себе! Вот и уйду! И буду наконец-то называться Гименом, как и хотела раньше, когда паспорт получала, это имя себе выбрала. Но нет! Люди просто отказываются меня называть так, как я хочу и как правильно. Всё какие-то глупые имена придумывают... Плевы какие-то...

Уйду! Буду жить – не тужить. Мужики будут меня любить и никогда не потеряют, ведь у них мозг больше, а значит, лучше работает. Куда бы только пристроиться в их теле... В носу места маловато... Под мышку? Или под коленку...» – раздумывала Девственность.

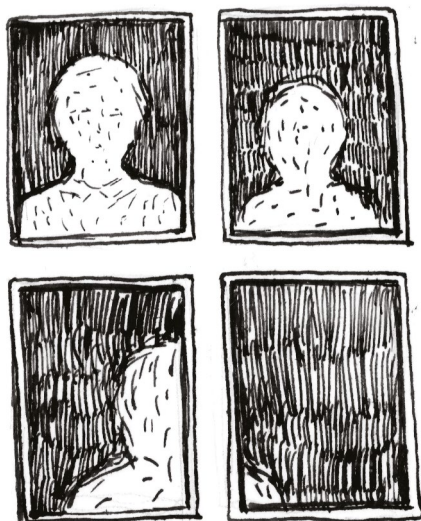
«Вообще, конечно, людям не мешало бы развить в себе бодипозитивные или даже бодинейтральные взгляды, а то не угонишься за этими чёртовыми стандартами красоты: будь сильной, но тонкой, защищай, но не выпячивайся и обязательно рвись даже от слабой эрекции неуверенного кавалера. Мало того, что рвись, так ещё и кровью изойди, а то ведь не поверят, что вообще там была. Одни расстройства с этими закомплексованными мужиками! Может, и не уходить к ним тогда...»

Но и оставаться уже не было сил. То гинекологи заглядывают без спроса и пытаются Девственность рассмотреть, а потом бумажки марают какими-то записями. То сами женщины обижаются, что Девственность не соизволила показаться мужу и его родственникам пятнами на простыне. А то ведь девушки и плачут от боли расставания с ней.

Вообще Девственности женщин всегда было жалко. От неё у них одни неприятности. Задумалась Девственность ещё сильнее. Думала, думала, думала и наконец придумала уйти из человеческого тела вообще. Решила жить в облаке. А что, все сейчас так делают. Вон Телегония побывала популярной, но ушла в Википедию, и всё. Не жалуется. Или вот Женское Счастье – сменила имя на просто Счастье и стала пользоваться ещё большим успехом!

Так Девственность подписала договор с Эволюцией и превратилась в воспоминание в человеческой истории. Осталась с тех пор лишь «Сказка о потерянной Девственности», а женщины больше никогда не боялись её потерять. Занимаются спортом, радостно используют тампоны и менструальные чаши и даже первого секса бояться перестали.

FIN

Sam-y

Трансформация

– Тихо! Она уже уснула, ты её разбудишь! – прошипел низкий, с хрипотцой голос.

– Вовсе нет, она просто ждёт пока уснут Ма и Па, – возразил ему другой, позвонче.

Алмагуль полежала так ещё некоторое время, слушая пререкание её друзей. Если бы она спала, то она бы уже проснулась от их громкого шёпота. Когда она поняла, что они скорее всего не успокоятся, она свесила голову и заглянула под кровать.

– Бу! – сказала Алмагуль и рассмеялась, когда два пушистых нечто пискнули и замолчали.

Зелёный и Розовый были монстрами под её кроватью, хотя на монстров они не были особо похожи. Маленькие, круглые и пушистые, с торчащими ножками и

большими глазами, Зелёный и Розовый напоминали Алмагуль «духов сажи» из мультика «Унесённые призраками». Правда, там они были чёрные, а её друзья были яркими: один – розовым, а другой – зелёным. Она и назвала их так, в честь их цветов, на большее, если признаться, у неё не хватило воображения.

Розовый и Зелёный, как обычно, прыгнули ей на кровать. Алмагуль почесала их шерсть, и они слабо засветились. Сегодня она решила, что они будут сочинять истории про меч Экскалибур.

– Опять! У нас этих историй уже штук тридцать.

– Я не знаю, чем они отличаются. Девушка решается стать рыцарем, но ей не позволяют. Она находит меч в камне, побеждает дракона, становится рыцарем и отправляется в путешествие. И так каждый раз. Единственное, что меняется, – это то, как она находит меч. Скучно.

– А вот и не скучно! – Алмагуль обиженно надула губы. – В этот раз будет дракон и огромная змея!

Розовый и Зелёный запрыгали по кровати, возражая, что это тоже уже было, но вместо огромной змеи была огромная птица.

– Ладно, ладно. Тогда пусть дракон окажется на самом деле добрым! И потом мы вместе победим злого дракона.

– Нет, нет и нет. Никаких драконов, или мечей, или рыцарей. Сегодня мы сами сочиним тебе историю, – сказал Розовый.

– Это точно, а ты послушаешь. Как в старые добрые времена, когда ты не могла уснуть и мы рассказывали тебе сказки.

Алмагуль вздохнула, смирившись с таким поворотом событий. Не то чтобы она не любила сказки её монстров, но с тех пор как ей исполнилось девять, ей стало интереснее сочинять самой.

– Итак, мы будем сегодня говорить о самом-самом начале.

– О том, как зародилась вселенная.

– О том, как появились звёзды.

– И солнце.

– И конечно, наша планета!

Розовый и Зелёный прыгнули друг на друга, засветившись в процессе. Алмагуль ахнула и тихо похлопала в ладошки. Что не говори, а подача у них эффектная.

– Когда-то наша вселенная была маленькой точкой, как капля белых чернил, – начал Зелёный. – Потом произошел взрыв, и маленькая капля расщепилась на миллионы её компонентов, и так появилось всё в нашей вселенной: материя, энергия, пространство и время.

Алмагуль нахмурилась, не совсем понимая значения некоторых слов.

– Зелёный, ты слишком сложно объясняешь. Просто представь: была бомба, но когда она взорвалась, оттуда вышли планеты и звёзды.

– Как когда папа лопнул ту разноцветную трубку на Новый год, и оттуда вышло много разноцветных бумажек!

– Точно, прям как конфетти, – кивнул Розовый.

– И вот вселенная росла и росла миллиарды лет, и будет расти ещё много миллиардов лет.

– Миллиард – это такое огромное число, это один и девять нулей, – сказал Розовый, видимо взявшись за роль пояснителя.

Алмагуль не совсем поняла сколько это, но «девять нулей» звучало внушительно.

– А вселенная когда-нибудь перестанет расти? – спросила она с любопытством, – Как дети, когда становятся взрослыми? Если вселенная может расти, значит, она может умереть? Как бабушка этой зимой?

Розовый и Зелёный переглянулись между собой.

– Этого никто не знает точно, но когда-нибудь вселенная видоизменится, – осторожно начал Розовый, – как когда она была точкой, а потом стала планетами и солнцем. Планеты и солнце тоже когда-нибудь видоизменятся. Превратятся в туман или звёздную пыль, звучит очень красиво, как думаешь?

Но Алмагуль было не провести. Она знала, что они хотят сказать:

– Значит, вселенная когда-нибудь перестанет существовать? И солнце тоже? И земля?

Алмагуль почувствовала, как слёзы навернулись ей на глаза. Какая глупая история! Она смогла бы рассказать что-нибудь получше.

– Нет, нет, Алма, что ты! Это не то, что мы имели в виду, – Зелёный начал говорить, немного паникуя. – Ничего в этом мире не перестаёт существовать, оно просто меняет форму! Например, когда тает лед, он не исчезает, а превращается в воду. Когда мы доходим до края моря, оно становится частью океана. И так со всем, даже с нами.

Наступила тишина. Когда Алма немного успокоилась, Розовый продолжил:

– Алма, когда тебе исполнится десять, мы уже не сможем жить под твоей кроватью. Ты уже будешь большой-большой, и у тебя появятся другие друзья.

Алмагуль, у которой только высохли слёзы, снова заплакала.

– То есть вы тоже исчезнете? Ой, я имею в виду, видо-видоизменитесь?

Её монстры кивнули и прижались к ней своими пушистыми телами.

– Но я не хочу, чтобы вы уходили, – сказала Алма тихо, – Мне ведь будет так грустно.

– Мы не уйдем, просто переселимся к тебе в голову. Будем тебе давать идеи для историй сразу мыслями, это же гораздо быстрее, чем словами. Здорово, правда?

– А кому я буду их рассказывать? Может, кто-то из вас всё-таки останется? – спросила Алмагуль с надеждой.

– Ты уже знаешь, как писать, ты сможешь рассказывать их бумаге. А она расскажет всем, кто возьмёт её в руки.

– И мы всегда будем твоими друзьями, хорошо?

Алмагуль кивнула. Если они просто переселятся, это ещё не будет так грустно. Когда Алмагуль забирали с детской площадки, а она не хотела уходить, ей говорили: «Всё хорошее когда-нибудь кончается». Но теперь она знает, что хорошее не кончается, оно просто меняет форму.

Наташа Боренко

ЧЁРНАЯ КОРОБОЧКА

Итак, короче, жила-была девочка. И была у девочки чёрная коробочка.

Вроде такая незаметная коробочка. Даже если кто увидел бы эту коробочку, всё равно бы не придал бы этому значения. Ну коробочка и коробочка. Хотя девочка носила эту коробочку с собой примерно везде и примерно всегда. Может, разве что только в воду не брала. Если в ванной лежала или плавала в озере, коробочка тогда оставалась на суше. После купания коробочка снова оказывалась в руках у девочки, была тут как тут.

Откуда взялась коробочка?

Когда девочка была совсем маленькой, эту коробочку ей подарила мама. Мама зашла (без стука) в комнату к девочке, поставила на пол свою чёрную коробочку побольше и достала из этой коробочки побольше совсем крошечную вроде как шкатулочку.

Девочка увидела шкатулочку и сказала:

– Ой, какая блестящая красивая коробочка! А что внутри?

– Открывай же, открывай! – поторопила мама.

Девочка открыла коробочку: в коробочке лежала маленькая записочка. – Но я не умею ещё читать, – засмеялась девочка.

– Я пока буду читать за тебя, – серьёзно сказала мама, – Мы с тобой будем каждое утро просыпаться, ты будешь открывать свою коробочку и показывать мне записочку, а я буду тебе читать. Давай прочитаю самую первую записочку.

Девочка протянула маме записочку. Записочка легко перепрыгнула в мамины руки. Мама торжественно развернула записочку. И вдруг испуганно вдохнула много воздуха.

– Что там написано, мама? – с интересом спросила девочка. Девочка решила, что мама играет в какую-то очень весёлую игру. Наверно, там что-то жутко интересное, какаянибудь загадка, какая-нибудь... тайна!

– Здесь написано: «Где-то болит», – задумчиво сказала мама, – У тебя что-нибудь болит?

– Нет, – замотала головой удивлённая девочка.

Мама начала часто моргать, потом схватила девочку, стала осматривать её, крутить и вертеть, переворачивать её вверх тормашками, заглядывать в уши, в рот, проверять, все ли на месте руки, все ли на месте ноги.

– Ладно, – сказала мама, отпуская девочку играть. – Посмотрим, что коробочка скажет завтра.

– Завтра будет новая записочка? Вот здорово!

Так они и стали делать, как сказала мама. Каждое утро девочка просыпалась, открывала коробочку и бежала к маме, записочка прыгала маме в руки, мама читала: «На улице опасно». Тогда мама с девочкой оставались дома. Или например: «Пахнет горелым». И мама с девочкой начинали искать, где горит. Девочка радовалась, что у них с мамой есть общее дело, ведь до этого девочка редко видела маму, а тут – каждое утро как минимум. Теперь, каждый раз, когда нужно было открыть коробочку, девочка чувствовала любовь.

Со временем девочкина коробочка подросла и теперь была с девочкину ладошку и помещалась в портфель. Девочке пришлось научиться читать, записочки стали длиннее. Коробочку можно было открыть в любой момент, когда захочется. Мама уже не приходила читать девочке записочки, говорила:

– Надо тебе как-то самой справляться.

Был момент, когда вот бы и выбросить коробочку, но девочка не решилась. Не то чтобы девочке очень хотелось читать записочки, но как-то так повелось, что в любой момент, когда всё вдруг затихало, рука сама тянулась за коробочкой, глаза сами читали записочку: «Друзья тебя не любят». Девочка присматривалась к друзьям: действительно, не любят.

Ну и там дальше уже не нужно было даже заглядывать в коробочку. И так ясно: тут опасно, здесь плохо, там ничего не будет хорошего. Всегда выбирай худший вариант – не ошибёшься. Самая частая записочка была: «Ты плохая».

Так, в общем, с девочкой понятно. А что там с мамой?

А что у мамы?

А у мамы была не коробочка вообще-то, а коробка. Большая. Иногда это был сундук. Иногда – шкаф. Мама уже не особо контролировала размеры.

Как у мамы появилась коробка? Да также. Когда мама была маленькой, её мама (прамама) как-то с утра принесла потрёпанный чёрный пакетик, в пакетике была коробка – подарок для девочки. Прамама сказала:

– Это забота.

Мама обрадовалась. Она очень хотела заботы. Прамама пояснила:

– Если очень хочется заботы, то открываешь коробку, в ней внутри написано, о чём надо позаботиться.

Всё понятно. Мама прижала коробку к груди.

Но вдруг однажды случилось чудо (психотерапия). Девочка, дочка мамы, пришла к маме и спросила:

– Мама, нам нужно избавиться от коробочек. Не нужны ни тебе, ни мне эти коробочки. Ничего хорошего они не говорят, понимаешь?

Мама обняла свой чёрный шкаф и замотала головой:

– А кто же тебе скажет, если что-то пойдёт не так?! Кто предупредит? Кто позаботится? – Мама, это не забота, это какая-то хрень, мама. Коробочки говорят всегда только плохое. И мы ждём плохое, и живём только плохим, и думаем о плохом и сидим боимся плохого.

Девочка поставила под сомнение необходимость коробочки. Мама обняла свой чёрный шкафосундук покрепче. Девочка попробовала отклеить маму от шкафосундука, это было нереально, очень всё там слиплось. Девочка было запечалилась, но потом пожала плечами и пошла гулять.

Чёрная коробочка весело побежала за девочкой.

Дарья Анахончич

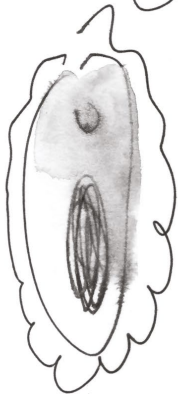
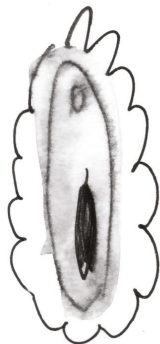
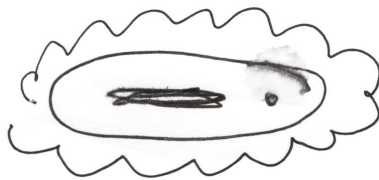
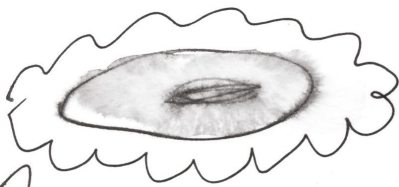
Что такое вульва?

(с авторскими иллюстрациями)

Эта сказка о том, что такое вульва. И я объясню, почему я выбрала эту тему. Дело в том, что у меня был обыск, и в процессе обыска один из полицейских нашёл много плакатов о деле Юли Цветковой и в какой-то момент он спросил меня: «А что такое вульва?»

Юля Цветкова – феминистка и активистка из Комсомольска-на-Амуре, она вела паблик, посвящённый женской телесности, и из-за этого её судят за распространение порнографии.

И в тот момент у меня уже долго шёл обыск, и я не была настроена разговаривать и сказала, что, в соответствии с 51-й статьёй конституции РФ, я хочу воспользоваться своим правом не свидетельствовать против себя и не буду рассказывать, что такое вульва.

С тех пор прошло почти три месяца, и я подумала, что это несправедливо, что ходит по свету полицейский, который не знает, что такое вульва, и я решила написать сказку, чтобы он и другие люди могли устранить этот пробел в своих знаниях.

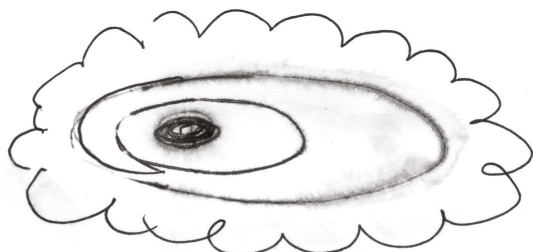
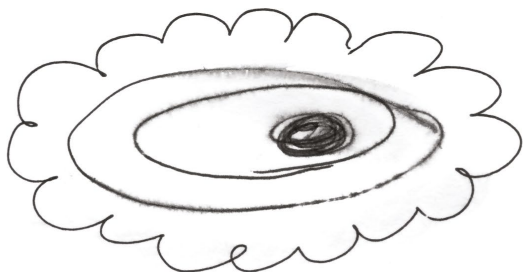
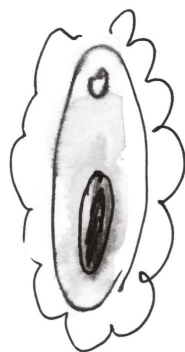
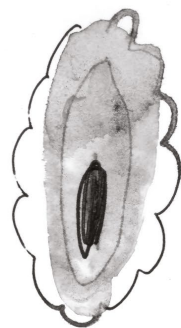
И сейчас я пофантазирую, что было бы, если бы в тот момент я ответила бы на вопрос полицейского.

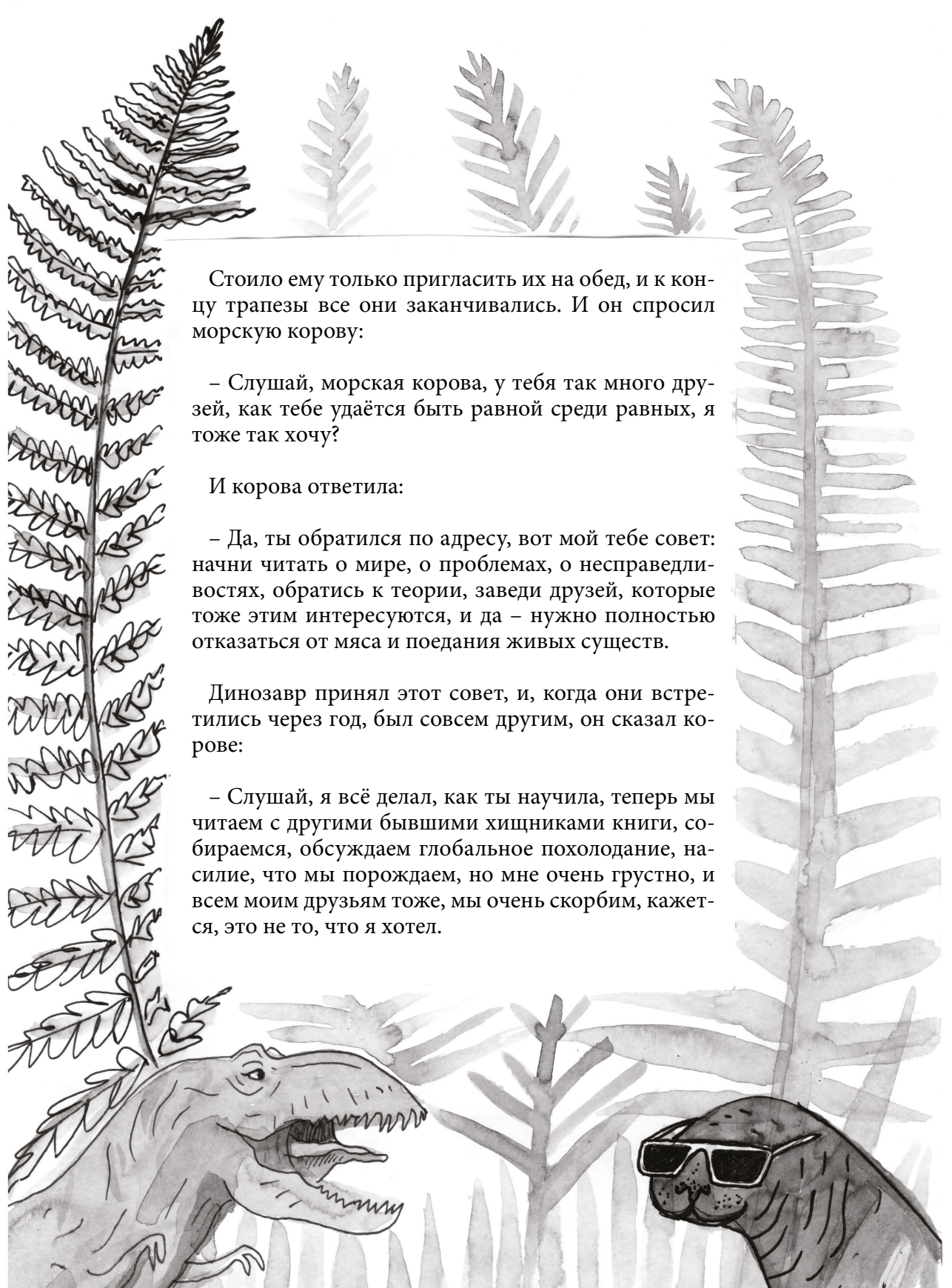
Итак, полицейский меня бы спросил: «А что такое вульва?»

А я бы ему ответила: «К сожалению, не могу ответить на ваш вопрос быстро, могу только с помощью сказки».

И он бы сказал: «Хорошо, у вас так много хлама дома, что обыскивать вас будем долго, давайте свою сказку»

И я бы сказала: «Хорошо, потому что ваш вопрос напомнил мне вопрос, который задал один динозавр морской корове. Дело в том, что однажды жил один тираннозавр, у которого подозрительно часто заканчивались друзья.

Стоило ему только пригласить их на обед, и к концу трапезы все они заканчивались. И он спросил морскую корову:

– Слушай, морская корова, у тебя так много друзей, как тебе удаётся быть равной среди равных, я тоже так хочу?

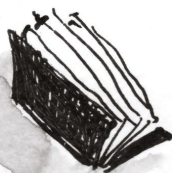
И корова ответила:

– Да, ты обратился по адресу, вот мой тебе совет: начни читать о мире, о проблемах, о несправедливостях, обратись к теории, заведи друзей, которые тоже этим интересуются, и да – нужно полностью отказаться от мяса и поедания живых существ.

Динозавр принял этот совет, и, когда они встретились через год, был совсем другим, он сказал корове:

– Слушай, я всё делал, как ты научила, теперь мы читаем с другими бывшими хищниками книги, собираемся, обсуждаем глобальное похолодание, насилие, что мы порождаем, но мне очень грустно, и всем моим друзьям тоже, мы очень скорбим, кажется, это не то, что я хотел.

И корова ответила:

– Да, но ты же хотел быть равным среди равных?

– Да, но не так, моя цель достигнута, но не так, как я думал.

– Знаешь, тираннозавр, так происходит довольно часто, например, мне вспоминается история одной медузы, которая со всем ссорилась.

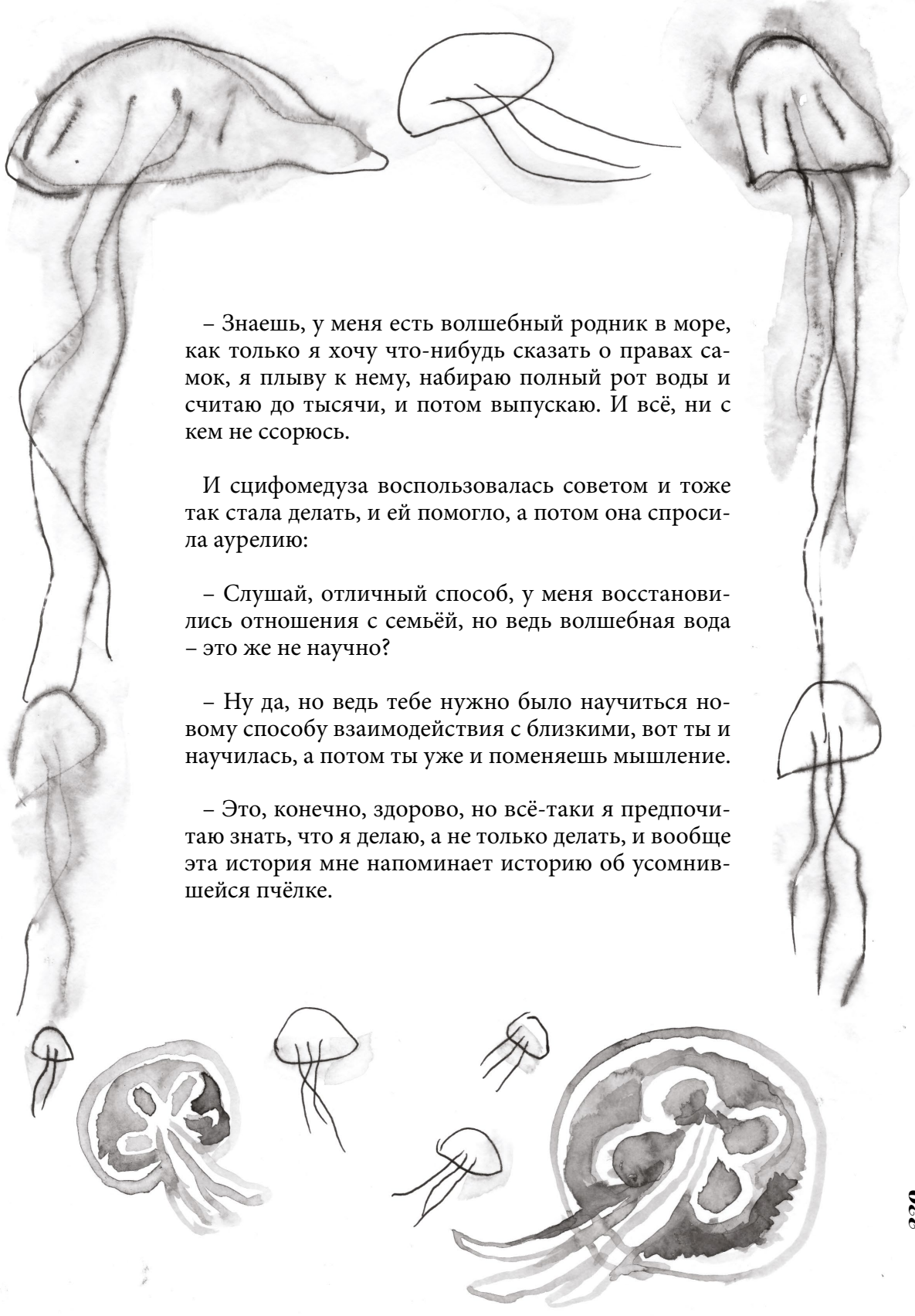
– Что за сказка, расскажи?

И корова рассказала:

– Жила на свете одна сцифомедуза, которая со всеми ссорилась, она не могла сдержаться, когда слышала что-нибудь о материнстве или правах самок: «Вот, – ворчала она, – раньше и в море медузят рожали, и не было никаких прав самок, и нормально всё было». Но с ней никто не хотел дружить, и она спросила медузу-аурелию:

– Как ты ни с кем не ссоришься, в чём твоё секрет?

The page is framed by watercolor illustrations of jellyfishes. On the left and right sides, there are large, vertical jellyfishes with long, flowing tentacles. At the top center, there is a small, simple line drawing of a jellyfish. At the bottom, there are several smaller jellyfishes, including two large circular ones with internal patterns and several smaller ones with simple outlines.

– Знаешь, у меня есть волшебный родник в море, как только я хочу что-нибудь сказать о правах самок, я плыву к нему, набираю полный рот воды и считаю до тысячи, и потом выпускаю. И всё, ни с кем не ссорюсь.

И сцифомедуза воспользовалась советом и тоже так стала делать, и ей помогло, а потом она спросила аурелию:

– Слушай, отличный способ, у меня восстановились отношения с семьёй, но ведь волшебная вода – это же не научно?

– Ну да, но ведь тебе нужно было научиться новому способу взаимодействия с близкими, вот ты и научилась, а потом ты уже и поменяешь мышление.

– Это, конечно, здорово, но всё-таки я предпочитаю знать, что я делаю, а не только делать, и вообще эта история мне напоминает историю об усомнившейся пчёлке.

– Что это за история, расскажи?

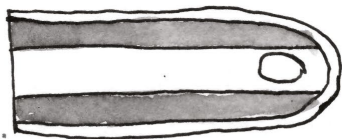
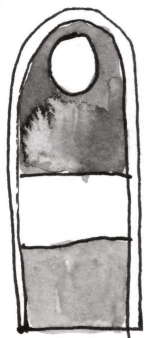
И сцифомедуза рассказала ей историю про пчёлку:

– Итак, жила на свете одна пчёлка, которая засомневалась, действительно ли ей нужно вот так целое лето собирать нектар.

И тут бы меня прервал полицейский:

– Слушайте, я уже понял про морскую корову, медуз, динозавра, но как это связано с вульвой?

И я бы ему сказала:

– Слушайте, вы пришли ко мне с обыском из-за того, что я, возможно, видела, как кто-то переходит через дорогу в неположенном месте, и вот уже шесть часов разглядываете мои плакаты про вульвы, как это всё связано?

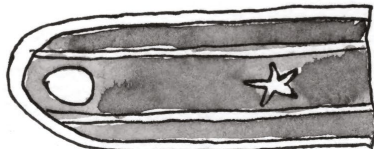
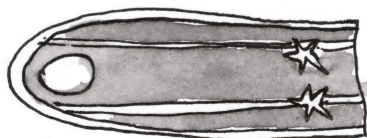
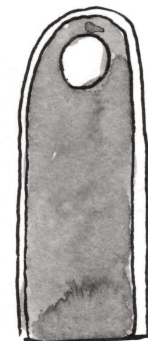
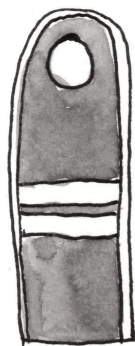
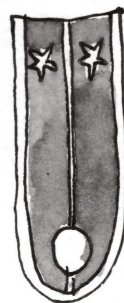
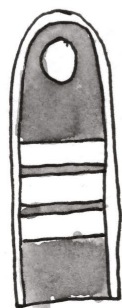
И он бы сказал:

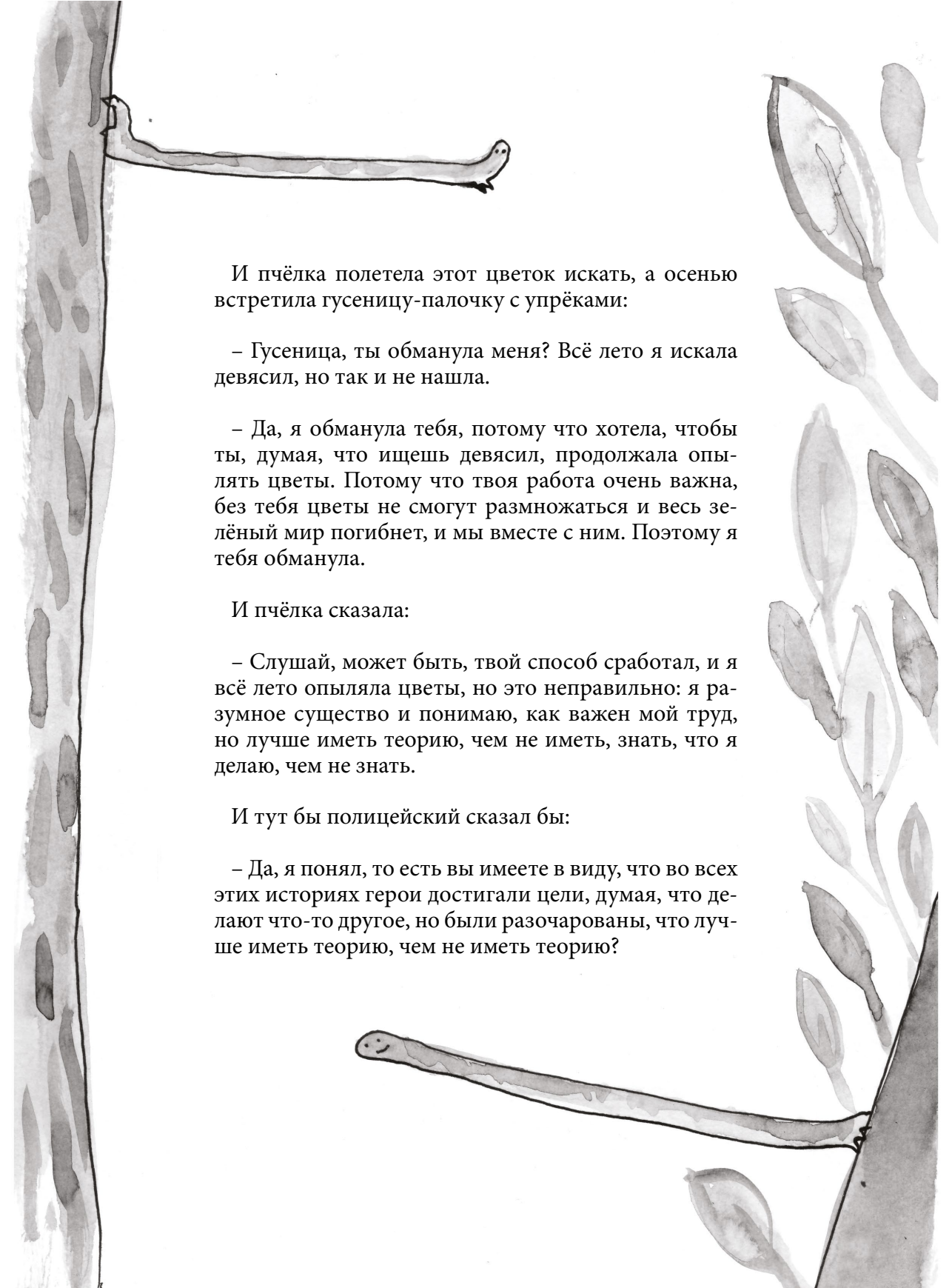
– Хорошо, продолжайте.

И я бы продолжила:

– Итак, пчёлка засомневалась, что ей действительно нужно собирать нектар, каждый день перелетая с цветка на цветок, от этого ежедневного труда она уставала. И она поделилась своими мыслями с гусеницей-палочкой, а гусеница-палочка решила зло подшутить над пчёлкой:

– Слушай, пчёлка, есть один волшебный цветок девясил, его трудно найти, но как только найдёшь, приносишь с него пыльцу домой, и у тебя будет всегда еда для всех твоих братьев и сестёр.

И пчёлка полетела этот цветок искать, а осенью встретила гусеницу-палочку с упрёками:

– Гусеница, ты обманула меня? Всё лето я искала девясил, но так и не нашла.

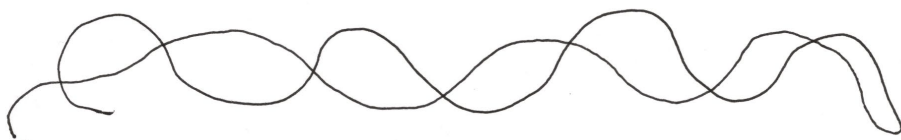
– Да, я обманула тебя, потому что хотела, чтобы ты, думая, что ищешь девясил, продолжала опылять цветы. Потому что твоя работа очень важна, без тебя цветы не смогут размножиться и весь зелёный мир погибнет, и мы вместе с ним. Поэтому я тебя обманула.

И пчёлка сказала:

– Слушай, может быть, твой способ сработал, и я всё лето опыляла цветы, но это неправильно: я разумное существо и понимаю, как важен мой труд, но лучше иметь теорию, чем не иметь, знать, что я делаю, чем не знать.

И тут бы полицейский сказал бы:

– Да, я понял, то есть вы имеете в виду, что во всех этих историях герои достигали цели, думая, что делают что-то другое, но были разочарованы, что лучше иметь теорию, чем не иметь теорию?

И я бы сказала:

– Да, вы совершенно правильно всё поняли, товарищ полицейский, и это приближает вас к вопросу о том, что такое вульва. Так вот вульва – это внешняя часть женского полового органа, и он есть у многих организмов, но испытывать стыд из-за вульвы – это то, с чего мы начинаем в нашей мизогинной культуре, и движение к уважению, к пониманию, что вульва – это орган живого человека, который имеет право знать о своей анатомии, – это процесс.

Поэтому вульва – это путь от стыда к уважению.

А теперь я нарисую, как рассказывала эту историю:

Сначала я рассказывала о своём разговоре с полицейским – это первая повествовательная рамка, внутри неё – вторая о динозавре и морской короле, потом о медузах, а в самом центре – о пчёлке. И структура моего рассказа тоже, возможно, наведёт вас на мысль, что же такое вульва.

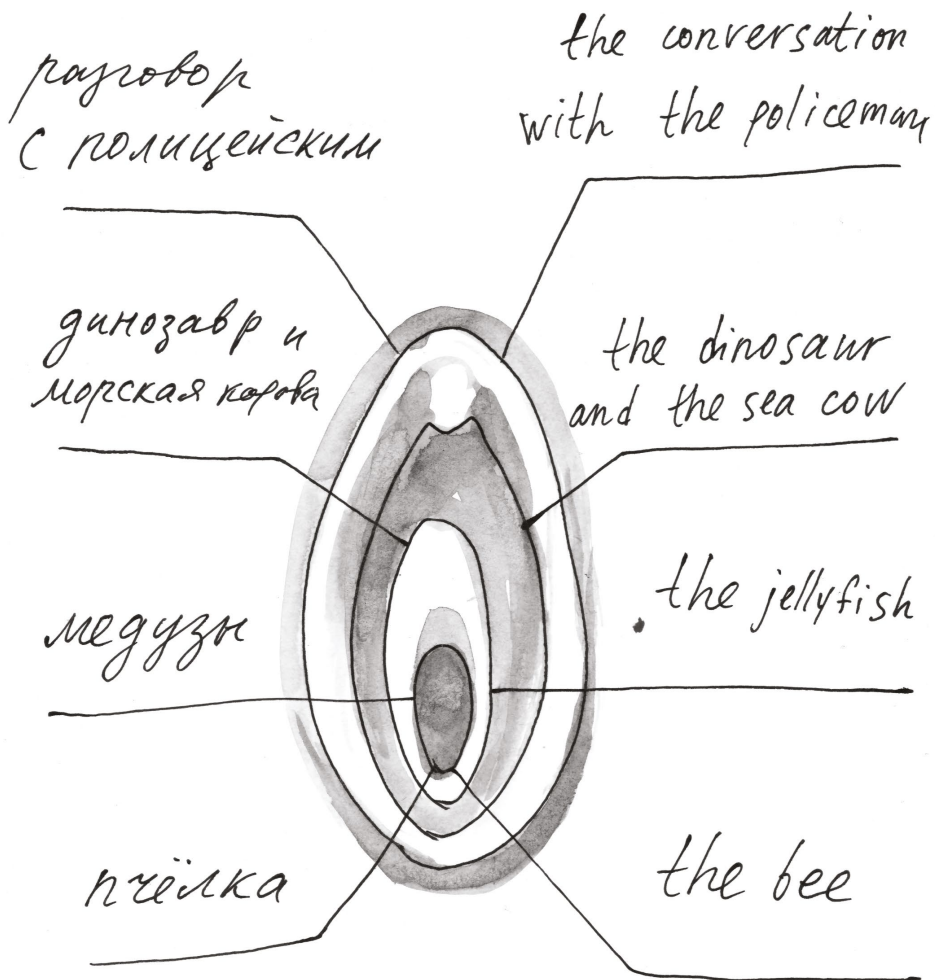

Этот свой рассказ я хочу закончить несколькими заключениями:

Во-первых, поддержите, пожалуйста, Юлю Цветкову, у неё скоро будет суд,

Во-вторых, не стесняйтесь задавать вопросы о женской телесности, это очень важно в том числе для молодых женщин.

Спасибо за внимание!

Авторки

Айдана Айдархан

журналистка, активистка из Алматы. Занимается гражданским активизмом в сфере политики и феминизма, в частности, в движении «Oyan, Qazaqstan!» Пишет стихи. Дочь казахского поэта и диссидента Арона Атабека.

Айдана Султан

родом из города Алматы. Работала в фонде «МИСК», сейчас в КФ «ФЕЦА». Училась на факультете международных отношений. В вечном поиске, надеется, что и учится вечно. Феминистка из Центральной Азии. Сестра Дианы.

Айзере Малайсарова

родилась и живёт в Алматы. В 2020 году окончила Казахстанско-Немецкий университет, по диплому – международница, в душе сторителлерка. Пишет статьи на русском и немецком языках о классных казахстанцах за границей и иностранцах в Казахстане, крутых музеях и выставках в городе, а также внутренних и международных событиях. После переименования Астаны начала материться и интересоваться политикой. Благодаря общению с подругами-феминистками и изучению страшных случаев насилия против женщин, за пару лет поменяла позицию с «Я никакой дискриминации не чувствую, у нас все в порядке» на «Феминизм спасет Казахстан!».

Айсұлу Тойшибекова

журналистка и подкастерка, родилась в Каскелене – небольшом городе в 20 километрах от Алматы. Она работала в изданиях vlast.kz и holanews.kz, писала для Manshuq.com и Meduza. С 2017 года с переменным успехом ведёт телеграм-канал «Синица» о женском опыте, а год назад запустила разговорный подкаст о женской репрезентации «tit's talking». Деколонизальная феминистка с нереализованным потенциалом в стэнд-ап комедии.

Алтын Капалова

создаёт экспериментальные арт-продукты, соединяя науку, искусство и политику. Результаты своих антропологических исследований Алтын конвертирует в произведения искусства, которые имеют своей целью сделать голоса уязвимых сообществ громче для воздействия на политические решения и работу политических структур. Ведёт кураторскую работу в области визуального искусства, театра и писательства.

Амалия Пртавян

родилась в г. Ереван, в настоящее время живёт в Москве. Закончила философский факультет МГУ. В 2020 году закончила Школу современной фотографии «Докдок-док» по направлению «Опыты современной фотографии». В настоящее время обучается в Школе Родченко. До участия в FemWriting Workshop Almaty прослушала курс по драматургии в мастерской Татьяны Некрасовой в Школе Родченко. Участие в воркшопе по феминистскому письму дало новую рамку и новый взгляд на создание пьесы.

Анастасия Белоусова

родилась в Алматы. Несколько лет посещала семинар Павла Банникова в ОЛША. Публиковалась на сайтах «Полутона», «Формаслов», «Новая карта русской литературы», в литературном журнале «Дактиль». Попадала в лонг-лист премии «Цикада».

Анастасия Голованова

родилась в новосибирском Академгородке. Учится на филологическом факультете СПбГУ. Публиковалась в журналах «Реч#порт» и «Литerrатура».

Анастасия Пяри

писательница, феминистка, антифашистка, журналистка, редакторка. Родилась в Ставрополе (Россия, Кавказ), на момент написания и публикации живёт в Петербурге. Долгое время работала преподавателем основ деятельности журналиста и зарубежной журналистики в университете, кандидат филологических наук.

Анна Чепайтене

родилась в Новосибирске, сейчас живёт в Санкт-Петербурге (Россия). Училась на социолога в Новосибирском Государственном Университете, работала журналисткой и редакторкой в новосибирских, московских и питерских изданиях. Закончила курс «редактор кино» в киношколе при киностудии «Ленфильм» и стала пробовать себя в сценарном деле. Писала для детективных и анимационных детских сериалов. В 2021 участвовала в разработке мира и истории для игры с VR, писала сценарии для веб-поп-доксериала об известных исторических фигурах и нарративного подкаста на основе дневников молодой женщины, которая в одиночку пересекла крупнейшее в российском Заполярье плато Путорана. Сейчас работает тьютором в киношколе «Индустрия», ведёт телеграм-канал «Путь героини» и записывает одноименный подкаст о женщинах в кино.

Аурелия Акмуллаева

родилась в городе Алматы. Художница, журналистка, поэтесса, писательница. Учится на факультете свободных искусств и наук СПбГУ. Живёт и работает в Петербурге и Алматы.

Василиса Сатирская

писательница, редакторка, феминистка. Родилась в Дзержинске. В настоящий момент живёт в Петербурге. Получила высшее филологическое образование в ННГУ им. Лобачевского. Пишет, редактирует, оформляет тексты большую часть жизни, работает в СМИ и книгоиздании. С 2015 года – соорганизаторка и модераторка женского книжного клуба «Синие чулки» (Петербург). Принимала участие в семинарах «Ф-письмо» (Петербург), посещала берлинский курс фем-письма Динары Расулевой (Берлин) и FemWriting Workshop Almaty (Алматы).

Виктория Ковальчук

родилась в Текели.
Бегунья и поклонница буквы Ё.

Дамина Мукитанова

родилась, едва-едва успев запрыгнуть в отходящий поезд зумеров. Пишет фантастические рассказы с 8 лет, верит в фей, инопланетян, глобальное потепление и временами – в человечество. Все работы посвящает апашке, маме и остальным любимым людям. На жизнь зарабатывает придумыванием рекламных текстов, но живёт ещё нерассказанными историями.

Дана Канафина

писательница из Алматы. В 2019-ом Окончила программу «Between The Lines» при International Writing Program (IWP) в Университете Айовы (штат Айова, США). Является выпускницей Открытой Литературной Школы Алматы (ОЛША) факультета прозы Юрия Серебрянского. Публиковалась в журналах «Литература» и «Дактиль», в онлайн пространствах «Hound: The Art of the Dog», «MindMeltWorldwide», и нескольких бумажных антологиях. Обучалась на семинарах письма с французско-американской авторкой Анной Полоний в рамках фестиваля GoViral, на нескольких семинарах от fww.kz, и на семинарах по Курак Письму от Feminita. В сентябре 2021-го года была амбассадором на первой международной писательской конференции в Казахстане Almaty Writing Residency (AWR).

Дарья Анахончич

художница, феминистка, учительница. Родилась на Камчатке, жила в Сибири, переехала в Санкт-Петербург, сейчас живёт в Тбилиси. Окончила филологический факультет СПбГУ, 15 лет преподавала русский язык и литературу в школах, вузах, работала в Красном Кресте, занималась волонтерскими проектами помощи беженкам и мигранткам. Основательница и участница творческой группы {родина}, которая занималась политическим перформансом, акциями, курировала выставки социального искусства. Вместе с инициативой «Рёбра Евы» и независимым издательством «Все свободны» участвовала в издании двух сборников феминистских сказок для детей (2019). В 2020 году из-за своей гражданской позиции получила статус иностранного агента.

Дарья Демиденко

художница, работает в визуальном и текстовом формате. Родилась в Павлодаре. Изучает мировую литературу и культуру в Назарбаев Университете, Астана. Визуальные работы выставлялись в галерее современного искусства Kulanshi, Павлодарском областном художественном музее, литературных журналах Angime и «Незнание». Выпускница поэтических семинаров ОЛША Ольги Мексиной-Быковой и курсов по феминистскому письму FemWriting Workshop Almaty Оксаны Васякиной и Галины Рымбу.

Дарья Серенко

русская общественная деятельница, интерсекциональная феминистка, акционистка, поэтесса и художница.

Динара Zhi

родилась в небольшом российском городе Выкса. В возрасте 5 лет переехала с родителями в Актобе, Казахстан, где закончила физико-математическую школу. В 2021 году Динара окончила Назарбаев Университет (г. Астана) по специальности «Мировые языки, литература и культура». На данный момент проживает и работает в Алматы. В свободное время Динара рисует и принимает участие в переводах современных англоязычных авторов на русский язык. Иногда она публикует короткие тексты в своём телеграм-канале «Пока кипит чайник».

Евгения Р

поэт и культуртрегер, основатель волонтерского проекта в сфере литературы. С 2020-го года является членом Международного Союза писателей и мастеров искусств. Участвовала во всероссийских совещаниях молодых литераторов, конкурсах и школах писательского мастерства. Полуфиналист VII Всероссийского Фестиваля молодой поэзии имени Леонида Филатова «Филатов Фест» (2021), лауреат III степени Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» (2021), дипломант в номинации «Художественный перевод» VIII Международного молодёжного литературного фестиваля «КоРифеи» (2020). Публиковалась в журналах «Наш современник», «Бельские просторы», «Соты», регулярном альманахе «Бунинские Озёрки» и в коллективных изданиях.

Егана Джаббарова

Поэт, доцент кафедры русского языка как иностранного УрФУ, кандидат филологических наук. Организатор и куратор фестиваля «Межа». Автор поэтических книг «Босфор» (2015), «Поза Ромберга» (2017), «Красная кнопка тревоги» (2020). Лауреат премии «Поэтический дебют» журнала «Новая Юность» (2016). Лонг-лист премии Аркадия Драгомощенко (2017), лонг-лист премии Аркадия Драгомощенко (2019), шорт-лист премии Аркадия Драгомощенко (2019). Публикации выходили в толстых и сетевых журналах в России и Украине. Участница международных

антологий «Под одной обложкой» (Казахстан) и F-Letter (Англия), DEARS (Швейцария). Стихи переведены на английский, польский, белорусский, немецкий и итальянский языки.

Елена Брюсова

родилась в г. Нефтеюганске. Живёт в Омске. По специальности – художник народных промыслов. Работает в ювелирной мастерской. Занимается документальной съёмкой.

Еркін Салтанат

родилась и выросла в селе Кеген (Алматинская область). Кинодраматург-редактор, выпускница КазНАИ им. Т.Жургенова. Автор сценариев, редактор ряда документальных и анимационных картин.

Зуля Есентаева

училась в бишкекском художественном училище (не закончила), в американском университете в центральной Азии, потом проходила магистратуру в социальных науках в г.Лион, потом докторскую программу в городском университете в г. Нью-Йорк (не закончила). Работала в программах по психическому здоровью, снижению вреда от употребления наркотиков и в других социальных проектах; я люблю социальную работу, кроме живописи, графики, текстов.

Интизор Отаниёзова

творческая личность Интизор Отаниёзова родилась в Ташкенте, а сейчас живёт в Алматы. Чуть-чуть она проработала в финансовой сфере, чуть побольше в киноиндустрии. В ближайших планах – запустить подкаст с подружкой. В феминизме придерживается течения «Бейонсе – богиня, но...».

Камила Ковязина

родилась в городе Петропавловск, Северо-Казахстанская область, с 2004 года проживает в городе Астана. Училась на факультете международных отношений Евразийского национального университета, но профессионально занимается социологическими исследованиями. Изучала такие вопросы, как социально-экономические возможности сельских женщин, занятость казахстанцев, социальное самочувствие жителей страны и т.п. В последние годы фокусируется на изучении вопросов гендерного и образовательного неравенства. Верит, что именно исследования дают основу для аргументированных выступлений активисток и активистов. Феминистка, мама двоих детей.

Карлыгаш Кабатова

независимая исследовательница, основательница проекта по половому просвещению для подростков и родителей UyatEmes.kz, член исследовательской группы PaperLab. Карлыгаш – выпускница магистерской программы Академии

ОБСЕ в Бишкеке, Программы для молодых исследователей в области публичной политики Фонда Сорос-Казахстан, стипендиальной программы «Болашак». Исследовательские интересы включают половое просвещение, гендерные вопросы, права человека, формирование публичной политики.

Катя Излз

была рождена в Беларуси и никогда не была уверена в том, что такая обычная девушка, как она, может писать. С детства её научили не доверять себе. В студенчестве Катя решила это изменить, активно начала интересоваться философией, боевыми искусствами, активизмом и поэзией. После окончания Минского Государственного Лингвистического Университета и событий в Беларуси 2020 года, Катя переехала в Австралию, где продолжила образование в Университете Нового Южного Уэльса.

Лайли Эдиге

выпускница ОЛША (Открытая Литературная Школа Алматы) семинара «Поэзия» Выпускница ОЛША первого курса «Прозы» Оксаны Трутневой. Продолжает обучение на втором курсе «Прозы» Оксаны Трутневой. Участница Фестиваля молодых писателей Казахстана 2019 при поддержке Фонда СЭИП и журнала «Дружба Народов» в мастерской «Прозы». Пишет стихи, прозу.

Маржан Алтысбаева

выросла в Астане. В попытке найти себя оказалась в Штатах по программе FLEX, но теперь находится в Германии, и приняла своё постоянное пограничное/межграницное состояние и идентичность. После обучения в Назарбаев Университете и опыта работы в культурной сфере Казахстана, приехала в Германию, и на данный момент заканчивает получение образования по, в некотором роде колониальной, специальности – Европейских культур и общества, однако с применением деколониальной практики в статьях, которые пишет. Заинтересована академией: социальными и гуманитарными науками, искусством: кураторством и галерейными/музейными практиками, а также социальным и эко-активизмом. Ведёт блог в Instagram (@60bayevamarzhan) и публикует статьи на Research gate (Marzhan Alpysbayeva) и на не академических медиа ресурсах.

Мария Землянова

родилась в Томске. С 2016 по 2020 училась в Санкт-Петербургской Академии художеств. Участница семинара по феминистскому письму Fem Writing Workshop Almaty (октябрь 2020-январь 2021). Со-координаторка Фестиваля феминистского письма (2021). Лонг-лист и особое упоминание жюри Премии имени Аркадия Драгомощенко (2021). Публиковалась в журнале Stenograme и на портале Ф-Письмо. Работает уборщицей и ведёт телеграм-канал Die Falafel ohne Zwiebel.

Марьям Зиаи

журналистка, копирайтерка, выпускница семинара поэзии Открытой литературной школы Алматы (2018). Участница чтений проекта «Сорок шестое слово», поэтического перформанса «Рифма, рассекающая пространство» и Women Art Revolution (Krëlex zentr). Публиковалась в альманахе «Литературная Алма-Ата».

Молдір Елес

родились в городе Рудном, Костанайская область, Казахстан. На данный момент учится на философском факультете в Москве, заканчивает в 2023.

Натали Рублинецки

Родилась в Украине, город Харьков, с 17 лет проживает в Израиле, город Тель Авив, мама 12-летнего Йоэля. Образование от искусства и керамического дизайна в Бецалель, художественной Академии Израиля, до Степени по компьютерам и математике Хайфского Университета. Какими бы работами она ни занималась, – от учителя по плаванию до организатора экскурсий, аналитика и руководительницы проектов в айтеке, эта деятельность совмещалась с творчеством, искусством. Большую часть своей жизни рисовала, делала керамику, но несколько лет назад начала вести блог в фейсбуке, и так начала писать. В это же время постепенно пришла к осознанию несправедливости по отношению к женщинам в современном обществе, стала феминисткой, а объяснить разные явления помог только радикальный феминизм. На данный момент Наташа находится на непростом этапе жизни, на сломе старых понятий и огромного гнева за женские жертвы и молчание общества по этому поводу, Внутренний слом сопровождается также сломом эпох в мире, больших изменений, эпидемии, войны. Среди этого внутреннего и внешнего хаоса Наташа пытается выстроить новое, более здоровое видение мира и освещать происходящее.

Наташа Боренко

родилась в Сибири, живёт в Берлине и Санкт-Петербурге. Пишет драматургические и прозаические тексты. Зовёт себя «флюидная театрмейкерка»: пишет/режиссирует/ перформит в арт- и театральных проектах в форматах документального и партиципаторного театра. Соавторка подкаста и телеграм-канала «Богатерки на стрёме» о гендерных стереотипах в сторителлинге (совместно с Анной Осиповой).

Олеся Малюгина

поэтка, драматургиня, живёт в Варшаве.

Розалия Шамсудинова

аналитик компании «Alem Research». Работает в сфере создания прикладного программного обеспечения различного назначения с применением искусственного интеллекта. Магистр гуманитарных наук, окончила факультет философии и политологии Казахского национального университета имени аль-Фараби. Участница

программы «Women Mentorship Program» посольства США в Алматы под руководством Жанар Секербаевой, соосновательницы казахстанской феминистской инициативной группы «Феминита».

Sam-y

студентка, учится на магистратуре по специальности политика и международные отношения, из города. Астана. Феминистка анти-капиталистического направления. Любит читать, писать и плавать.

Сарра Есенбаева

С детства Сарру воспитывали два творческих ума, поэтому она стала частью культурной среды. Получила музыкальное образование, но вспоминает про фортепиано только по праздникам и воскресеньям. Параллельно занималась спортом, «мастер спорта» по плаванию. Занимается фотографией. Сняла несколько репортажей для Partners Media Group, сотрудничает с изданием Elle. Ей особенно нравится направление документалистики, когда событие запоминается и фиксируется на несколько лет. Для неё фотография, искусство – отрада. Участвовала в нескольких крупных выставках. Журналистикой она увлекалась ещё с детства, вместо мультиков смотрела National Geographic. На данный момент она усиленно развивает свой проект про «простых людей». Она хочет рассказывать истории разных людей, транслируя тепло, свет и любовь миру, побуждая людей к действиям. Любит путешествовать, изучать что-то новое, ставить себе большие цели.

Сельби Джумаева

(Ашхабад) – центральноазиатская общественная деятельница, стратегистка и кураторка. Увлечена туркменским культурным и интеллектуальным наследием, народными технологиями и искусством, феминистской филантропией и экологической философией.

Сима Омаркулова

пишет тексты, иногда создаёт иллюстрации и работает в проекте «тартпа». Очень любит хорошо пошутить, посмотреть хорошее кино. Ещё любит, когда удаётся написать что-то не для коммерческого заказа, а просто по внутреннему зову, но сил иногда не остаётся, поэтому благодарна таким инициативам как FemWriting Workshop Almaty, где можно собраться с единомышленницами и немного поломать косточки патриархату своим словом.

Таис Кострицкая

имя матери – Яна, была рождена ею в небольшом городе недалеко от Луганска, большую часть жизни выживала в России. По образованию философа, сейчас работает над кандидатской диссертацией, посвящённой критике андроцентристских теорий общества и андроцентризма как идеологии, ответственной за сдерживание, а часто – уничтожение на корню женской автономной мысли.

Татьяна Лени

писательница, поэтесса. Родилась в городе Новосибирск. «Женщины и юмор спасут мир» – основной принцип и девиз по жизни.

Татьяна Филиппова

пишет фрагментарную прозу и стихи, создаёт серии фотографий, в которых чаще всего задается вопросом, кто она. Лауреатка премии журнала «Знамя». Живёт в Якутске.

Эйри Асиева

журналист_ка, фем-активист_ка из Алматы. Занимается фем-активизмом с 2016 года, в своём творчестве часто затрагивает темы травм, нанесенным ей и близким женщинам патриархальной системой. Со-организует FemWriting Workshop Almaty, собирает истории и статистику в проекте о бытовом насилии «Считается», занимается активизмом в KazFem.

Юлия Москаленко

родилась в городе Акмола. Училась в училище при КазНУИ по специальности «мастер станковой живописи», а затем в академии искусств Брера (Милан) на «живописи». Сейчас живёт и работает в городе Нур-Султан. Буддистка, феминистка, либертарианка, красавица и умница.

Юлия Хаймович

авторка из города Алматы. Закончила UCLA (Калифорнийский университет Лос-Анджелеса) по специальности лингвистика и английская литература. Её рассказы публиковались в сборнике Клуба Писателей Казахстана, её рассказ My First Sexual Experience: Playing a Sexually liberated woman опубликовался в сборнике #Her Story на платформе Sweek. Преподает английский язык, а также занимается копирайтингом и журналистикой. Присоединилась к курсу по фем-письму, потому что считает, что женщины должны занимать более высокий статус в литературе. Написанное женщинами – считается только женским, написанное же мужчинами приобретает статус общечеловеческого. Так вот, общечеловеческие проблемы должны освещаться через призму женского опыта наравне с мужским.

От организаторок

Мы рады представить вам результат двухгодичной работы проекта FemWriting Workshop Almaty!

Изначально мы задумывали FemWriting Workshop Almaty как оффлайновую программу длительностью в 12 месяцев, но пандемия внесла коррективы в наши планы: проект перешёл в онлайн, из годичного стал двухгодичным, и обучение по многим темам стало более предметным и углубленным. На наш взгляд, это сделало проект более результативным.

Целью проекта было создание среды, в которой могла бы рождаться Центрально-азиатская феминистская литература. Мы очень рады, что всё получилось и искренне благодарим всех причастных – наших лекторок Ирину Жеребкину, Галину Рымбу, Оксану Васякину, Егану Джаббарову, Мадину Тлостанову, Марию Бикбулатову, Дарью Апахончич, Леду Гарину, Лилию Калаус, Анну Голубкову, Дарью Серенко, Алтын Капалову; наших иллюстраторок – Жанель Шахан, Дарью Апахончич, Ольгу Фалькову; мы благодарим всех участниц всех воркшопов и театральную студию «Дом Культуры», в которой проходили офлайн-воркшопы; мы хотим сказать огромное спасибо нашим редакторкам, работавшим над этим сборником – Дарье Апахончич и Лиле Калаус; и, конечно, мы благодарим Фонд Принца Клауса, который поддержал проект финансово и позволял подстраивать дедлайны под проект, а не наоборот.

Спасибо, это были непростые, но очень увлекательные полтора года!

Зоя Фалькова и Эйри Асиева

причинное место

Сборник фем-письма, том 1

Редакторка Дарья Анахончич

Составительницы Дарья Анахончич, Зоя Фалькова, Эйри Асиева

Художницы Жанель Шах, Ольга Фалькова, Дарья Анахончич

Дизайнерка Зоя Фалькова

Верстальщица Зоя Фалькова

«Причинное место» – это антология современных феминистских текстов, созданных в рамках казахстанского проекта FemWritingWorkshopAlmaty.

Между дискриминацией и заботой, насилием и поддержкой, иерархией и деколонизацией, стыдом и гордостью обретается то пространство, где становится возможным изобретение нового женского языка, более чуткого, точного, не усиливающего патриархатную власть, а освобождённого и освобождающего от неё.

Перед вами два сборника текстов, написанных в 2020–2022 годах писательницами из Центральной Азии и других постсоветских регионов. Здесь вы найдёте поэзию, драму, рассказы, романы, сказки, эссе... В этих текстах традиционные литературные стратегии сталкиваются с новыми методами феминистского письма, постоянно экспериментирующего, ищущего новые формы для новых смыслов.

Эти книги – результат большой творческой работы по изобретению способов говорить об общем опыте – о дружбе, о боли, о любви и о памяти.

18+

**содержит
нецензурную
лексику**

ISBN 978-601-06-8586-4

ПИФПРАВ
ПИСЬМО.ИСКУССТВО.ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY.ART.WRITING

 C
Fonds

Prince Claus Fund for
Culture and Development